

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА № 1 (58)

CHITA STATE UNIVERSITY JOURNAL

ЧИТА 2010

Основан
в 1995 г.

Учредитель:
Читинский государственный университет

Журнал зарегистрирован как СМИ
29.11.2005, регистрационный номер
ПИ № ФС 13 – 2010

Журнал участвует в Российском
индексе научного цитирования
(РИНЦ)

Периодичность издания: 6 номеров в год

Научные направления журнала,
рекомендованные ВАК РФ для публи-
кации результатов исследований
на соискание ученой степени канди-
дата и доктора наук:

- искусствоведение;
- культурология;
- науки о Земле;
- педагогика;
- политология;
- право;
- психология;
- филология;
- философия

Подписку на журнал «Вестник ЧитГУ»
можно оформить в любом почтовом
отделении. Подписной индекс по
федеральному почтовому Объеди-
ненному каталогу Пресса России и
интернет-каталогу «Российская пе-
риодика» www.arpr.org: 82102.

Подписка осуществляется и через
редакцию. Также журнал можно при-
обрести в розницу. Цена 250 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-67-18
E-mail: rik@chitgu.ru
Web: www.journal.chitgu.ru

Все материалы, опубликованные в
научном журнале «Вестник ЧитГУ»,
являются авторскими и защищены
авторскими правами. Перевод мате-
риалов и их переиздание в любой
форме, включая электронную, воз-
можны только с письменного раз-
решения Редакционной коллегии.
Вопросы, касающиеся использования
материалов журнала, направляйте
главному редактору по электронной
почте либо по почтовому адресу:
672039, г. Чита, ул. Александро-За-
водская, 30, редакция журнала
«Вестник ЧитГУ»

*Мнение редакции не всегда совпадает
с мнением авторов.
Качество иллюстраций соответ-
ствует качеству представленных
оригиналов*

ISSN 1999-9976
ISSN (on-line) 2071-7938

Вестник ЧитГУ теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

- Резник Ю. Н.** – гл. редактор, д-р техн. наук, профессор,
ректор ЧитГУ;
- Мальшев Е. А.** – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, доцент,
проректор по научной и инновационной
работе ЧитГУ;
- Романова Н. П.** – научный редактор, д-р социол. наук, доцент;
- Шалавина А. А.** – литературный редактор;
- Витовская М. А.** – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: Ю. Н. Резник, д-р техн. наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Читинского го-
сударственного университета.

Члены редакционного совета: Н.А. Абрамова, д-р филос. наук,
профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита),
И.В. Бьмков, д-р техн. наук, профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-р
техн. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (Чита),
И.П. Глазырина, д-р эконом. наук, профессор (Чита), С.А. Иванов,
канд. техн. наук, профессор (Чита), Н.Б. Иметинов, канд. техн.
наук, профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. наук, профессор
(Чита), Е.А. Кудряшов, д-р техн. наук, профессор, Заслуженный
работник высшей школы РФ (Курск), В.И. Летунов, канд. техн.
наук, профессор (Чита), Л.М. Любимова, канд. филол. наук, доцент
(Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита), В.Н. Опарин,
д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск), И.И.
Осинский, д-р филос. наук, профессор (Улан-Удэ), А.Б. Птицын, д-р
техн. наук, профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р социол. наук,
доцент (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, Заслу-
женный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Академии на-
ук Киргизии (Хабаровск), Н.Я. Смольников, д-р техн. наук, профес-
сор (Волгоград), В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент (Чита),
И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита), М.Л. Титаренко,
д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Москва), М.Н. Фомина, д-р
филос. наук, профессор (Чита), И.И. Швецова, канд. физ.-мат. наук,
доцент (Чита), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. наук, профессор (Чита).

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент.

**Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-
издательского совета ЧитГУ.**

Вестник Читинского государственного университета
(Вестник ЧитГУ) № 1 (58). – Чита: ЧитГУ, 2010. – 160 с.
Chita State University Journal. № 1 (58). – Chita St. Univ. Pr. 2010.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели! В ваших руках очередной номер журнала «Вестник Читинского государственного университета».

8 февраля традиционно отмечают День российской науки. Этот праздник приурочен к дате основания Российской академии наук, учреждённой по повелению императора Петра I указом правительствующего Сената от 28 января (8 февраля по новому стилю) 1724 г.

Российская наука дала миру много великих имен и открытий. М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, Э.К. Циолковский, П.Л. Капица, И.В. Курчатов, С.П. Королев – эти ученые известны всему миру. Благодаря их открытиям, Россия стала первой страной, в которой были разработаны основы биосферы, впервые в мире в космос запущен искусственный спутник Земли, введена в эксплуатацию первая в мире атомная станция.

В нашем университете наука развивается быстрыми темпами, а качество образования высоко ценится не только в регионе, но и в других городах России. Наука способствует повышению качества жизни. И ученые Читинского государственного университета усердно служат этой цели. Наш вуз является крупным центром образовательных услуг Забайкалья.

Поздравляем профессорско-преподавательский состав, аспирантов и студентов Читинского государственного университета с профессиональным праздником!

Желаю Вам новых научных открытий.

Ю.Н. Резник, д-р техн. наук, профессор, ректор ЧитГУ, заслуженный деятель науки

Юбилейные даты

К 60-летнему юбилею
начальника учебно-методического
управления
Читинского государственного
университета

Дубровиной Людмилы Григорьевны

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УЧЕБНОГО
ПРОЦЕССА – ЕЕ ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА**

27 января текущего года свой 60-летний юбилей отметила начальник учебно-методического управления ЧитГУ, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации Людмила Григорьевна Дубровина.

Людмила Григорьевна рано начала свою трудовую деятельность. Сразу по окончании школы ей пришлось устраиваться на работу. Мама, школьная учительница, рано овдовела, и лишних денег в семье не было. Работая сначала лаборантом химии в школе, затем – чертежницей строительного отдела Иркутского Промстройпроекта, Людмила одновременно училась на вечернем факультете Иркутского политехнического института по специальности «Промышленное и гражданское строительство». В 1973 г. после переезда в Читку Людмила Григорьевна устроилась на работу в наш вуз, который тогда был еще читинским филиалом Иркутского политехнического института. Начинала ассистентом кафедры строительных конструкций и материалов, затем долгие годы работала старшим преподавателем. Человек деятельный, энергичный, она всегда принимала активное участие в становлении и развитии вуза, была заместителем декана строительного факультета, уделяла большое внимание учебно-методической и воспитательной работе, на высоком уровне

читала лекции и проводила лабораторные и практические занятия, руководила курсовым и дипломным проектированием. Строго и требовательно относясь к своим ученикам, она добивалась от них качественного выполнения курсовых и дипломных работ, за что многие из них, ставшие впоследствии высококлассными специалистами и руководителями производства, вспоминают ее самым добрым словом.

Когда подбирали специалиста на должность начальника учебно-методического управления университета, кандидатуру Дубровиной сочли самой подходящей. Приняли во внимание солидный педагогический опыт, знание структуры вуза, организаторские способности и особенно – умение работать с документами. И, как оказалось, выбор был правильным. Возглавляя в течение многих лет учебно-методическое управление ЧитГУ, Л.Г. Дубровина показала себя деятельным, энергичным руководителем. Самое серьезное внимание она уделяет качеству подготовки специалистов, благодаря ее активной работе, в учебный процесс внедряются современные технологии и методики обучения; совершенствуется учебный процесс на кафедрах университета.

Ее лучшие профессиональные качества особенно ярко проявились при проведении комплексной оценки деятельности вуза, пере-

лицензировании и аккредитации университета и изменении его статуса. В этих наиважнейших для ЧитГУ мероприятиях она принимала самое активное участие, не только умело направляя работу подчиненных ей отделов, но и оказывая существенную методическую помощь всем подразделениям вуза.

За заслуги в области высшего образования Л.Г. Дубровина награждена Почетной грамотой Министерства образования Российской Федерации, неоднократно награждалась Почетными грамотами области, города, университета, имеет Почетный знак работника выс-

шего профессионального образования Российской Федерации.

Поздравляя Людмилу Григорьевну с юбилеем и желая ей всего самого наилучшего, администрация университета надеется, что и в дальнейшем она будет так же успешно трудиться на благо нашего университета, щедро делясь с коллегами и студентами своими знаниями и опытом.

*Старший научный сотрудник ГНЦ ЧитГУ
канд. техн. наук, член-корр. МАНЭБ
Ирина Бондарь*

Науки о Земле

УДК 620.91

Бузина Марина Викторовна
Marina Buzina

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА СОЛНЕЧНОЙ ЭНЕРГИИ, ПОСТУПАЮЩЕЙ НА ПОВЕРХНОСТЬ ЗЕМЛИ, В ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ЗАБАЙКАЛЬЯ

MEASUREMENT OF THE AMOUNT OF THE SOLAR ENERGY INSOLATING THE EARTH'S SURFACE IN NATURAL CLIMATIC CONDITIONS OF TRANSBAIKALIA

Выявлены факторы, характеризующие природно-климатические условия Забайкалья, которые содержат математическую сущность, на основе их разработана модель множественной регрессии, дающая возможность определить общее количество солнечной энергии, поступающей на поверхность Земли в заданный период времени

The mathematical factors describing natural climatic conditions of Transbaikalia were revealed, on the basis of them the multiple regression model was worked out. This model provides the possibility to define the total amount of the solar energy insulating the Earth's surface during the specific time period

Ключевые слова: прямая и рассеянная радиация, атмосфера Земли, солнечная энергия

Key words: Direct and diffused radiation, atmosphere of the Earth, solar energy

Количество поступающей на Землю солнечной радиации зависит от природно-климатических условий региона, которые влияют на общий поток лучистой энергии, достигающей её поверхности. Источником солнечной энергии являются ядерные превращения водорода в гелий в центральной части Солнца, температура которой составляет около 15 млн град. К. Энергия переносится из центральной части Солнца к наружным слоям излучения, а затем конвекцией поступает на поверхность Земли. Шарообразная форма Земли обуславливает неравномерность поступления тепла от Солнца к полюсам и в экваториаль-

ную зону. Вследствие этого возникает разница в температуре между тропическими, полярными и умеренными широтами. Неравномерность нагревания атмосферы Земли является основным источником энергии для движения воздушных масс и развития циркуляции в мировом воздушном океане.

Солнечная радиация представляет собой электромагнитную радиацию, распространяющуюся в виде электромагнитных волн. До земной поверхности она доходит в виде прямой и рассеянной радиации, а их совокупность называется суммарной радиацией. Прямая радиация – это радиация, которая достигла

горизонтальной поверхности Земли. Проходя через атмосферу, солнечная радиация частично рассеивается воздухом и взвешенными в ней твердыми и жидкими частицами (аэрозолями), а также облаками, и называется рассеянной радиацией. Энергия прямой и рассеянной радиации находится в спектральной области с длинами волн 0,3...0,4 мкм (коротковолновая радиация).

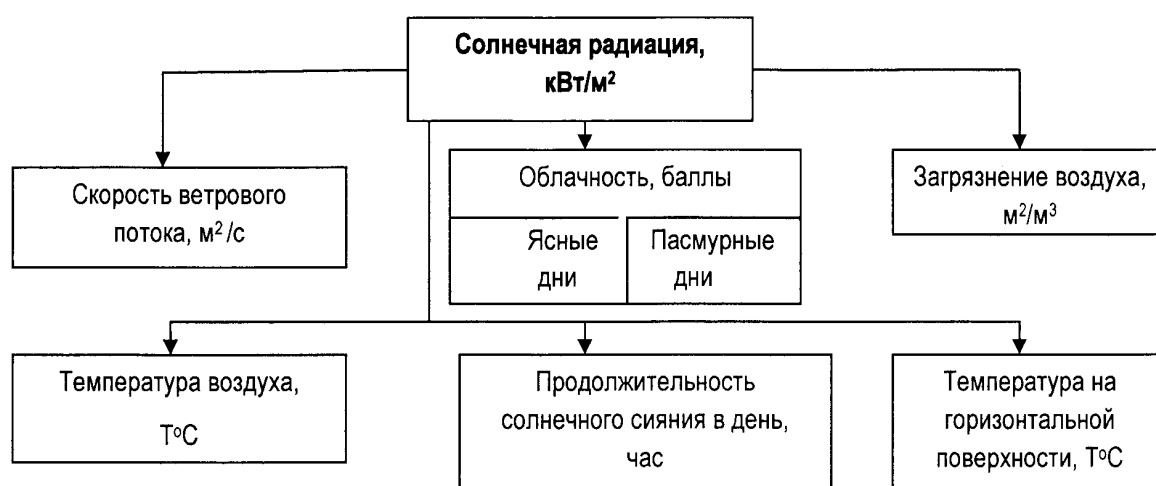
Около 30 % поступающей на поверхность Земли энергии отражается, примерно 47 % поглощается атмосферой и поверхностью Земли, и только 23 % попадает в земную систему и превращается в движущую силу ветров, течение волн, формирует климат и вызывает круговорот воды в природе.

Забайкалье отличается большим количеством солнечных дней. По фактической продолжительности солнечного сияния (2354 ч/год) оно может быть поставлено в один ряд с Крымом, Кавказом и Средней Азией. Радиационный фон характеризуется наибольшей интенсивностью и контрастностью по сравнению с окружающими территориями тех же широт. Особенностью радиационного фона является преобладание прямой радиации над рассеянной. Прямая радиация составляет около 55 % от суммарной.

Азиатская территория России в холод-

ное время года находится под действием обширной области Сибирского антициклона, центр которого часто располагается в Забайкалье. Длительные периоды ясной погоды способствуют сильному выхолаживанию подстилающей поверхности Земли и создают благоприятные условия для формирования инверсий. Мощные инверсии температуры образуют задерживающий слой, распространяющийся на сотни километров, и препятствуют переносу различных примесей в верхние слои атмосферы. В условиях горно-котловинного рельефа местности промышленные выбросы рассеиваются плохо, создавая при этом высокие концентрации загрязняющих веществ в приземном слое атмосферы, что способствует её загрязнению.

Для экологического оздоровления городов и поселений необходимо внедрять альтернативные источники энергии на основе использования солнечной радиации, поступающей на поверхность Земли. Ее количество зависит от природно-климатических условий, характеризующихся параметрами, приведенными на рисунке. Их обработка способствует выработке математической модели линейной множественной регрессии для определения мощности лучистого потока.

Параметры природно-климатических условий окружающей среды региона

Математическое моделирование климатических параметров возможно осуществлять следующими методами:

– метеорологического моделирования, при котором требуется выполнение анализа большого временного ряда данных актинометрических наблюдений соответствующих метеорологических показателей в их действительной последовательности;

– климатического моделирования, основанного на статистическом описании вероятностных свойств природно-климатической среды, полученном из представительского ряда данных актинометрических наблюдений.

Статистические характеристики климата имеют значительно более компактную форму, чем исходный ряд действительных данных и поэтому дают экономию расчетного времени ценой некоторой потери информации.

При динамическом моделировании климатических условий обычно используются почасовые значения количества поступающей солнечной энергии и почасовые значения других метеофакторов – температуры наружного воздуха, скорости ветра, облачности и плотности потока поступающего длинноволнового излучения. Как правило, данные наблюдений для вертикальных и наклонных поверхностей отсутствуют и поэтому требуются соответствующие методы пересчета солнечной радиации и других метеофакторов для произвольно расположенных поверхностей по данным наблюдений для горизонтальной поверхности. Количество почасовых входных данных настолько велико (за 10 лет для 5 метеопараметров это составляет 438 тыс. наблюдений), что стоимость моделирования становится чрезмерно высокой. Для уменьшения стоимости расчетов при динамическом моделировании следует идти по пути выбора стандартного (базисного) расчетного года.

Базисный год, в частности, может быть составлен путем выбора 12 месяцев, адекватно представляющих типичный для многолетнего периода характер изменения данного метеопараметра. Так, например, для солнечной

радиации в качестве репрезентативных месяцев можно выбирать такие месяцы, для которых сумма солнечной радиации, поступающей на горизонтальную поверхность, совпадает со средней многолетней (не менее 10 лет) величиной для данного месяца. Однако детальный анализ показывает, что месяцы, выбранные по данным для горизонтальной поверхности, не обязательно будут репрезентативными для наклонных поверхностей из-за различного удельного веса коэффициентов пересчета солнечной радиации для поверхностей с различными углами наклона.

Из-за большого размера массивов обрабатываемых исходных данных трудно учесть влияние таких микрофакторов, как вертикальные изменения температуры воздуха и скорости ветра, а также влияние городского микроклимата. Эти факторы изменяются в зависимости от типа погоды. Более того, выходные данные таких сложных и дорогостоящих метеорологических анализов трудно применить при проектировании гелиосистем, а данные для составления базисного года имеются лишь для ограниченного числа метеостанций. Полное метеорологическое динамическое моделирование, каким бы привлекательным оно не казалось, на практике может иметь много серьезных недостатков.

При климатологическом моделировании также используются методы динамического аналитического моделирования, но вместо введения в конечную модель всех часовых значений параметра (скажем, за 10 лет) данные наблюдений вначале статистически обрабатываются с целью получения компактного описания почасовых величин климатических параметров для различных типов погоды. Этот процесс позволяет статистически использовать многолетние наблюдения без больших затрат времени. Банк данных при климатологическом моделировании значительно меньше такового для метеорологического моделирования, поэтому можно вводить микроклиматические поправки для важных вертикальных изменений климата. В стандартные значения

температуры воздуха и скорости ветра на высоте 10 м можно ввести поправку, учитывающую действительное положение воспринимающей поверхности.

Климатические параметры – интенсивность солнечного излучения, температура наружного воздуха, облачность загрязнения воздушной среды и скорость ветра – определяют величину тепловой нагрузки поверхности Земли. Все названные параметры представляют собой значительно изменяющиеся во времени величины. Так, например, плотность потока солнечной радиации (Y) в данной местности в данный момент времени может принимать значения в пределах от нуля до максимума порядка 900...1100 Вт/м².

Величину (Y) можно представить стохастически с помощью функции распределения вероятностей, характер которой изменяется в течение года.

В качестве исходных данных принимается массив значений плотности потока солнечной энергии на горизонтальную поверхность, составленный по данным действительных наблюдений за 10-летний период и по методике, используемой для выбора репрезентативных месяцев базисного года.

Основное преимущество стохастического метода моделирования состоит в том, что данные по солнечной радиации и температуре наружного воздуха должны быть статистически обработаны один раз для данного местоположения и угла наклона поверхности и представлены в виде модели стохастического процесса (Марковской цепи).

При динамическом моделировании каждое машинное испытание требует повторного обращения к исходным данным и использова-

ния их для расчета системы. Так, если при оптимизационных расчетах гелиосистем необходимо перебрать K вариантов значений воспринимающей площади и n вариантов объема теплоносителя, то при динамическом моделировании потребовалось бы $K n$ раз обращаться к исходному массиву, в то время как при стохастическом методе достаточно один раз обработать исходные данные независимо от числа испытаний. Это значительно сокращает затраты машинного времени. Другое преимущество стохастического метода состоит в возможности использования соответствующих Марковских матриц для анализа любой поверхности в данной местности при том же угле наклона.

Выявленные параметры рассматриваемых природно-климатических условий дают возможность разработать линейную модель множественной регрессии для определения количества солнечной энергии на поверхности Земли. Она позволяет прогнозировать значения одной переменной (Y) на основе значений двух или нескольких независимых переменных X_1, X_2, \dots, X_m .

Уравнение линейной модели множественной регрессии имеет вид

$$\bar{y} = b_0 + b_1 x_1 + b_2 x_2 + \dots + b_m x_m, \quad (1)$$

где \bar{y} – теоретическое значение результирующего признака, полученное путем подстановки соответствующих значений факторных признаков в уравнении регрессии;

x_1, x_2, \dots, x_m – значения факторного признака;

$b_0, b_1, b_2, \dots, b_m$ – коэффициент регрессии.

При определении параметров модели методом наименьших квадратов минимизируется сумма квадратов остатков.

$$Q_{ocm} = \sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y}_i)^2 = \sum_{i=1}^n (y_i - b_0 - b_1 x_{i1} - b_2 x_{i2} - \dots - b_m x_{im})^2 \rightarrow \min. \quad (2)$$

Рассматривая Q_{ocm} в качестве функции параметров b_i и выполняя математические преобразования (дифференцирование), полу-

чаем систему нормальных уравнений с m неизвестными (по числу параметров b_i):

$$\begin{cases} nb_0 + b_1 \sum x_1 + b_2 \sum x_2 + \dots + b_m \sum x_m = \sum y \\ b_0 \sum x_1 + b_1 \sum x_1^2 + b_2 \sum x_2 x_1 + \dots + b_m \sum x_m x_1 = \sum y x_1 \\ \dots \\ b_0 \sum x_m + b_1 \sum x_m x_1 + b_2 \sum x_m x_2 + \dots + b_m \sum x_m^2 = \sum y x_m \end{cases} \quad (3)$$

где n – число наблюдений;

m – число факторов в уравнении регрессии.

Решением системы уравнений (3) найдутся значения параметров b_i – коэффициентов искомого теоретического уравнения регрессии. Подставляя значения коэффициентов в уравнение (1), определим количество падающей солнечной энергии на поверхность Земли.

Выводы: дано понятие о прямой, рассеянной и суммарной солнечной радиации в Забайкалье, в котором радиационный фон характеризуется наибольшей интенсивностью и контрастностью по сравнению с окружающими территориями тех же широт. Особенностью является преобладание прямой радиации над рассеянной. Прямая радиация составляет около 55 % от суммарной.

В определенный период времени мощные инверсии температуры образуют задерживающий слой и препятствуют переносу примесей в верхние слои атмосферы. Особенно это наблюдается в условиях горнокотловинного рельефа местности, где промышленные выбросы рассеиваются плохо, создавая при этом высокую концентрацию загрязняющих веществ в приземном слое атмосферы.

Выявлены параметры, характеризующие природно-климатические условия Забайкалья, на основе которых разработана модель множественной регрессии, позволяющая рассчитать общее количество солнечной энергии, поступающей на поверхность Земли в данный период времени.

Литература

1. Оценка экологической опасности. Обеспечение безопасности. Методы оценки рисков. Мониторинг / Под ред. Т.А. Хоружая. – М.: Книга сервис, 2002. – 208 с.

2. Удел С.М. Солнечная энергия и другие альтернативные источники энергии / С.М. Удел. – М.: Знание, 1980. – 60 с.

3. Устойчивое развитие и экологическая безопасность / Под ред. В.В. Морозова. – Самара: СГАУ, 2006. – 225 с.

4. Богословский В.Н. Строительная теплофизика / В.Н. Богословский. – М.: Строймздат, 1970. – 230 с.

Коротко об авторе

Бузина М.В., аспирантка, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Служ. тел.: 41-65-12

Научные интересы: использование нетрадиционных источников энергии

Briefly about the author

M. Buzina, Post-graduate student, Chita State University

Areas of expertise: use of nonconventional energy sources

УДК 622.233.6.057.7

Дойников Юрий Андреевич
Yuri Doynikov

Беляев Александр Евгеньевич
Alexander Belyaev

**ОБОСНОВАНИЕ ОПТИМАЛЬНЫХ
ПАРАМЕТРОВ ПНЕВМОТРАНСПОРТИРОВАНИЯ
ПРЕДМЕТОВ РАЗРУШЕНИЯ ПРИ БУРЕНИИ
СКВАЖИН С ОЧИСТКОЙ СЖАТЫМ ВОЗДУХОМ**

**SUBSTANTIATION OF OPTIMAL PARAMETERS
OF THE BROKEN ROCK PNEUMATIC REMOVE
DURING BLASTHOLE DRILLING WITH
AIR PULSE CLEANING**

Рассмотрены параметры пневмотранспортирования буровой мелочи при проходке взрывных скважин станком шарошечного бурения. Обработкой опытных данных и теоретическими исследованиями установлено влияние различных факторов на очистку скважин, получены зависимости для определения критической скорости потока продувочного воздуха для перехода частиц буровой мелочи во взвешенное состояние. Применение полученных зависимостей позволит обеспечить эффективную очистку скважины от образующихся на забое продуктов разрушения породы, что особенно важно при бурении режущим инструментом, а также в условиях мерзлых пород

This article gives the description of scientific and technical research of parameters of the broken rock pneumatic remove during blasthole drilling with air pulse cleaning. This article is assigned for students specializing in mining

Ключевые слова: буровой инструмент, буровой станок, бурение взрывных скважин, пневматическая очистка скважин

Key words: blasthole drilling tools, rock drilling machine, blasthole drilling, air pulse cleaning

Эффективность очистки скважины от буровой мелочи имеет решающее значение при бурении режущими долотами с образованием крупного скола породы на забое, а также при проходке скважин в мерзлых

глиносодержащих породах [1].

Бурение скважины включает две последовательные операции:

- 1) разрушение породы на забое;
- 2) удаление продуктов разрушения из

призобойной зоны и затрубного пространства скважины.

Эффективность разрушения зависит от принятого типа долота. Качество очистки скважины определяется параметрами системы транспортирования буровой мелочи, которая представляет собой сочетание исполнительного органа с забоем и стенками скважины. При этом эффективность удаления буровой мелочи из скважины должна соответствовать интенсивности ее образования на забое. В противном случае будет происходить нарушение режима бурения.

На станках шарошечного бурения для удаления буровой мелочи из скважины используется сжатый воздух. Воздух на продувку скважины подается от компрессора. Обладая значительной кинетической энергией, воздушный поток передает ее частицам буровой мелочи, приводит их во взвешенное состояние и обеспечивает движение продуктов разрушения по затрубному пространству к устью скважины. Количество воздуха, подаваемого в скважину, должно быть достаточным для эффективного удаления буровой мелочи. При недостатке воздуха будет происходить нарушение режима очистки скважины. Для расчета потребного на транспортирование буровой мелочи расхода воздуха и определения производительности компрессора необходимо установить основные характеристики движения потока буровой мелочи [1].

Критическая скорость движения воздуха $V_{кр}$. Частица буровой мелочи, находящаяся в восходящем воздушном потоке, испытывает на себе подъемную силу струи воздуха, величина которой зависит от скорости потока V (скорости обтекания), плотности струи, вязкости воздуха, размеров частицы и ее формы. Для перехода частицы буровой мелочи во взвешенное состояние необходимо, чтобы подъемная сила струи достигла величины веса частицы. Это происходит при достижении воздухом так называемой критической скорости движения. Рядом авторов [2, 3, 4] проведены исследования по определению критической

скорости движения воздуха при транспортировании продуктов разрушения породы с забоя скважины. Однако предложенные методы расчета не являются универсальными и не учитывают в должной мере комплекса особенностей бурения взрывных скважин с продувкой, определяемых специфическими факторами, влияющими на параметры режима очистки скважины воздушным потоком. Рассмотрим влияние основных факторов на величину критической скорости движения воздуха и определение необходимого расхода воздуха для эффективной очистки скважины от образующейся буровой мелочи при разрушении породы на забое.

Размеры и плотность частицы. Буровая мелочь состоит из частиц разных диаметров d . С увеличением диаметра частицы снижается эффективность передачи энергии от потока воздуха, и переход частицы во взвешенное состояние происходит при большой критической скорости движения воздуха. При этом каждому классу крупности буровой мелочи соответствует своя величина критической скорости движения воздуха $V_{кр}$. С увеличением плотности ρ частиц растет их вес, и при тех же размерах частицы требуется большая подъемная сила и критическая скорость. В результате проведенных теоретических исследований [6] В.А. Перетолчин получил зависимость, согласно которой критическая скорость движения воздуха для частиц сферической формы выглядит так:

$$V'_{\text{ед}} = 15 \cdot 10^{-6} \cdot d^{-1} \cdot \exp\left[-9 + \sqrt{457,8 + 17,7 \ln(d^3 \cdot \rho)}\right] \quad (1)$$

Форма частиц. Идеальные частицы имеют сферическую форму. Однако натуральные частицы буровой мелочи имеют неправильную форму. Это обуславливает и отклонение фактических необходимых скоростей движения воздуха. Многочисленные опыты свидетельствуют о том, что частица неправильной формы стремится занять такое положение, при котором наибольшее ее сечение располагается перпендикулярно к потоку воз-

духа. В результате взвешивание частицы происходит при меньшей критической скорости движения воздуха. Отклонение критической скорости при изменении форм частиц учитывается специальным поправочным коэффициентом – коэффициентом формы K_f . По данным [6], значения K_f для частиц различной формы: округленные, окатанные – 0,71; кубообразные, угловатые – 0,72; удлиненные – 0,60; плоские – 0,50. Приведенные данные соответствуют опытным значениям K_f , полученным рядом исследователей [3, 4].

Влияние потерь энергии воздуха. Движение потока буровой мелочи по затрубному пространству обеспечивается вследствие наличия перепада давления воздуха у устья и забоя скважины. Если давление воздуха у устья скважины обозначить P_0 , то у забоя оно будет равно $P_0 + \Delta P$, где ΔP – перепад, равный потерям давления воздуха на пути от забоя до устья скважины. Потери потенциальной энергии (давления) в скважине происходят при столкновении частиц со стенками и штангой, от трения частиц о стенки и штангу, а также при обтекании частиц воздухом. Они возрастают с увеличением глубины бурения и ростом концентрации частиц в потоке. Увеличение давления воздуха у забоя скважины сказывается на транспортировании буровой мелочи. Вследствие сжимаемости воздуха и увеличения давления происходит уменьшение его объема, увеличение плотности и уменьшение скорости движения, т.е. кинетической энергии воздушного потока. Подъемная сила воздуха уменьшается. В результате условия транспортирования буровой мелочи ухудшаются. Поэтому для обеспечения взвешивания частиц у забоя необходимая критическая скорость движения воздуха увеличивается настолько, чтобы при повышенном давлении сохранилась прежней его подъемная способность. Увеличение критической скорости движения воздуха учитывается с помощью коэффициента энергии K_3 , который, по расчетам [6], равняется $\sqrt{(P_0 + \Delta P)/P_0}$. Давление у устья скважины

P_0 можно принять равным 0,1 МПа. Тогда

$$K_3 = \sqrt{1 + 10\Delta P}.$$

Перепад давления в скважине ΔP зависит от интенсивности образования буровой мелочи и глубины бурения, и по опытным данным [6], находится в пределах 0,01...0,04 МПа.

Стесненность движения. Конструкция потока буровой мелочи. Движение потока буровой мелочи в скважине является стесненным. Стесненность определяется ограниченной площадью сечения призабойного и затрубного пространств и ощутимой концентрацией частиц в потоке воздуха, которая может быть охарактеризована коэффициентом объемной концентрации:

$$S = V_m / V_n,$$

где V_m – объем образующейся буровой мелочи;

V_n – объем потока, который занимает буровая мелочь.

Наблюдения показывают, что при движении частиц в стесненных условиях переход их во взвешенное состояние происходит при меньшей критической скорости движения воздуха. Это изменение критической скорости движения воздуха следует учитывать коэффициентом стесненности K_c , ($K_c \leq 1$). Уменьшение необходимой критической скорости движения воздуха объясняется тем, что буровая мелочь, занимая часть объема, уменьшает фактическое проходное сечение призабойного и затрубного пространств и вызывает увеличение скорости обтекания частиц. В результате при меньшем расходе воздуха и меньшей скорости его свободного движения достигается тот же эффект.

Влияние стесненности на движение частиц изучалось многими исследователями и для определения коэффициента стесненности K_c предложен ряд эмпирических зависимостей [4]. Согласно [6], наибольшее соответствие экспериментальным данным дает зависимость, отражающая связь коэффициента стесненности с концентрацией частиц в потоке, в виде

$$K_c = (1 - S)^2.$$

С учетом приведенных коэффициентов, учитывающих влияние частиц (коэффициент формы K_ϕ), потерь энергии воздуха (коэффициент энергии K_ϵ), стесненности движения потока (коэффициент стесненности K_c), зависимость критической скорости воздуха с учетом (1) примет вид

$$V_{\epsilon\delta} = \hat{E}_\delta \cdot \hat{E}_\gamma \cdot \hat{E}_n \cdot V'_{\epsilon\delta} = \\ = V'_{\epsilon\delta} \cdot \sqrt{1 + 10\Delta P} \cdot \hat{E}_\delta \cdot \hat{E}_n,$$

или

$$V_{\epsilon\delta} = 15 \cdot 10^{-6} \cdot \hat{E}_\delta \cdot \hat{E}_n \cdot d^{-1} \cdot \\ \cdot \sqrt{1 + 10\Delta P} \cdot \exp\left[-9 + \sqrt{457,8 + 17,7 \ln(d^3 \cdot \rho)}\right]. \quad (2)$$

С ростом концентрации потока буровой мелочи повышается эффективность передачи энергии воздуха частицам. Однако при критическом значении концентрации $S_{кр}$ наступает нарушение режима продувки. Объясняется это тем, что количественный рост содержания частиц в потоке при $S_{кр}$ приводит к качественному изменению процесса – передачи энергии воздушного потока частицам буровой мелочи за счет резкого ухудшения условий движения воздуха. Поэтому для нормальной работы пневмотранспортной системы станка необходимо, чтобы $S < S_{кр}$ [1, 6]. Установлено, что транспортирование происходит успешно при S до 0,01. Поэтому можно считать, что надежная очистка скважины от буровой мелочи будет обеспечиваться при величине коэффициента объемной концентрации $S \leq 0,01$.

Избыточная скорость движения воздуха. Критическая скорость движения воздуха определяет переход частицы во взвешенное состояние. Для транспортирования частицы воздуху необходимо придать дополнительную, избыточную скорость $V_{изб}$, величина которой должна быть такой, чтобы обеспечивалось своевременное удаление буровой мелочи из зоны ее образования и затрубного пространства. В противном случае буровая мелочь будет скапливаться в призабойной зоне и затрубном пространстве, и режим продувки скважины на-

рушается. В то же время при выборе величины избыточной скорости не рационален и перерасход воздуха, что вызывает неоправданное увеличение установочной мощности компрессора.

В призабойной зоне за счет избыточной скорости воздуха создаются дополнительные усилия, действующие на частицы буровой мелочи и обеспечивающие их трогание и разгон. В затрубном пространстве при равномерном движении избыточная скорость определяет скорость движения частицы.

Выявить теоретически величину необходимой избыточной скорости не представляется возможным. При установлении $V_{изб}$ необходимо учитывать особенности образования буровой мелочи. Применительно к режущему буровому инструменту можно считать, что величина избыточной скорости связана со скоростью стружкообразования на максимальном радиусе вращения [1, 6]. Если представить, что стружка, снимаемая резцом, является сливной, то скорость подъема ее вверх по передней грани резца будет равняться линейной скорости движения резца. Избыточная скорость воздуха должна быть не менее названной скорости. В соответствии с этим избыточная скорость воздуха принята равной линейной скорости на резцах $V'_{\epsilon\delta} = \pi D n$, т.е. максимальной скорости стружкообразования. Здесь D – диаметр бурения; n – частота вращения долота. С учетом уменьшения скорости за счет сжатия воздуха:

$$V_{изб} = V'_{изб} (P_0 + \Delta P) / P_0 = \\ = V'_{изб} (1 + 10\Delta P) = \pi D n (1 + 10\Delta P). \quad (3)$$

Зависимость избыточной скорости воздуха от диаметра бурения и частоты вращения можно сохранить и при других типах долот, в том числе шарошечных.

Избыточная скорость воздуха (3) является расчетной для определения общего расхода воздуха при транспортировании буровой мелочи по затрубному пространству и распространяется на частицы всех размеров. Фактически же скорости движения частиц будут раз-

личными. При скорости воздушного потока $V_в$ скорость подъема частицы $V_ч = V_в - V_{кр}$. Критическая скорость движения воздуха (2) зависит от размеров частиц d и с уменьшением их диаметра уменьшается. В результате с уменьшением диаметра частиц растет скорость их подъема.

Наличие разницы в скоростях движения частиц обуславливает неизбежность их соударения. Мелкие частицы, имея большую скорость подъема, сталкиваются с более крупными. Согласно законам механики, эти внутренние соударения не изменяют количества движения системы и движения центра масс, а вызывают только перераспределение энергии между частицами. Однако система потока буровой мелочи отличается устойчивостью к сохранению скоростей движения. Эта устойчивость вытекает из закона инерции. При увеличении скорости крупной частицы после соударения с мелкой возникает нарушение равновесия действующих на нее сил – подъемная сила воздуха становится меньше силы веса частицы. В результате происходит замедление движения и уменьшение скорости частицы до первоначальной величины. Наоборот, уменьшение скорости мелкой частицы вызывает увеличение подъемной силы и ускорение движения

до восстановления прежней скорости. Таким образом, благодаря устойчивой инерционности потока буровой мелочи, влиянием соударений частиц на скорости их движения можно пренебречь.

Полученные характеристики движения потока буровой мелочи являются основой для расчета необходимого для продувки скважины расхода воздуха с целью эффективной очистки ее от образующейся буровой мелочи и определения необходимых параметров компрессорной установки бурового станка.

Необходимость обоснования принимаемых параметров пневмотранспортной системы станка возникает при конструировании буровых станков, а также при проектировании буровых работ, поскольку скорость бурения ограничивается не только крепостью пород, но и очисткой скважины от буровой мелочи.

При курсовом и дипломном проектировании также возникает потребность в расчете параметров и показателей работы пневмотранспортной системы станка. Возможны варианты как проверочных расчетов на соответствие принятых режимов возможностям станка, так и выбора рациональных параметров пневмотранспортной системы модернизируемого или вновь создаваемого станка.

Литература

1. Перетолчин В.А. *Техника, технология и опыт бурения скважин на карьерах* / В.А. Перетолчин, Н.Н. Страбыкин, А.Е. Беляев и др. – М.: Недра, 1993. – 285 с.

2. Алексеев В.В. *Определение критической скорости восходящего потока воздуха для выноса частиц неправильной формы из забоя скважины при бурении с помощью долот шарошечного типа* / В.В. Алексеев, Э. Риос // Изв. вузов. – Сер. Геология и разведка. – 1987. – № 1. – С. 96-100.

3. Ганджумян Р.А. *Практические расчеты в*

разведочном бурении. – 2-е изд., перераб. и дополн. / Р.А. Ганджумян. – М.: Недра, 1986.

4. Кудряшов Б.Б. *Бурение скважин в осложненных условиях* / Б.Б. Кудряшов, А.М. Яковлев. – М.: Недра, 1987.

5. Кудряшов Б.Б. *Бурение разведочных скважин с применением воздуха* / Б.Б. Кудряшов, А.М. Яковлев. – М.: Недра, 1990.

6. Перетолчин В.А. *Вращательное и шарошечное бурение скважин на карьерах* / В.А. Перетолчин. – М.: Недра, 1983. – 178 с.

Коротко об авторах

Дойников Ю.А., первый вице-президент, исполнительный директор АК «АЛРОСА»
Служ. тел.: (41136)34550

Briefly about the authors

Yu. Doynikov, Senior Vice-President, CEO, "Alrosa" JSC

Научные интересы: стратегические вопросы развития горного производства

Areas of expertise: strategical matters of mining practice development

Беляев А.Е., д-р техн. наук, профессор кафедры горных машин и рудничного транспорта, Иркутский государственный технический университет (ИрГТУ), действительный член РАЕН, Служ. тел.: (3952) 343312

A. Belyaev, Doctor of Engineering Science, Professor of the Department of Mining Machinery and Transportation, Irkutsk State Technical University, full-fledged member of Russian Academy of Natural Sciences

Научные интересы: техника и технология бурения взрывных скважин на карьерах

Areas of expertise: methods and technology of blasthole drilling on the open pits

УДК 551.336 (571.5)+553.068.58

Еникеев Фарид Исхакович
Farid Enikeev

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССЫПЕЙ ЮГО-ЗАПАДА ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

THE FORMATION OF THE ALLUVIAL DEPOSITS ON THE SOUTH-WEST OF THE EASTERN TRANSBAIKALIA

Рассмотрены неоплейстоценовые россыпи юго-запада Забайкальского края, формирование которых связано с гляциальным лито- и морфогенезом, определившим строение рыхлых отложений региона. Наличие коренных проявлений, доледниковых россыпей в области питания и транзита ледников, направление движения ледников неоплейстоцена, накопление морен в зоне абляции определяют концентрацию всего металлосодержащего гляциального материала по периферии площади оледенений. Интенсивный размыв этих накоплений возрожденными реками приводит к обогащению аллювия долин тяжелой фракцией, содержащей полезные компоненты (золото, олово и др.). В благоприятных для аллювиальной сепарации местах формируются послеледниковые россыпи. Определение их местоположения осуществляется путем наложения проявлений коренных источников на палеогеографические карты четырех неоплейстоценовых оледенений, охватывавших этот регион

The formation of the Later Neopleistocene alluvial gold deposits of the south-western part of the Transbaikalia region is associated with the glacial lithogeny and morfogeny processes. The location of the alluvial deposits on the edge of the glaciations is the result of the transfer of the mineral bearing materials from deposits in hard rock and in original alluvial by the glaciers and accumulation of moraines in the zone of ablation. The intensive stream erosion of the moraines results in enrichment of the alluvial by heavy minerals (gold, tin, tungsten and others). The post-glacial alluvial deposits are formed on the areas with favorable conditions for rewashing of the sedimental materials. The location of the alluvial deposits is determined by the drawing of the original ore deposit on the paleogeographic maps of the four Later Neopleistocene glaciations in this region

Ключевые слова: оледенение, неоплейстоцен, золото, россыпи, Забайкалье

Key words: glaciations, Neopleistocene, gold, alluvial deposits, Transbaikalia

Рассматриваются россыпи, формирование которых обусловлено спецификой становления рыхлых отложений в области неоплейстоценовых оледенений юго-западной части Забайкальского края. Количество оледенений и площади их развития охарактеризованы в предыдущих работах автора

[3]. Золотороссыпные объекты, связанные с гляциальной литодинамикой, названы ГЛД-россыпями [2]. В основу анализируемой проблемы заложен принцип сопряженного изучения металлогенических и палеогеографических условий россыпеобразования. Предпосылки реализации принципа закладываются с

момента, когда поверхности экзарационного рельефа накладываются на «рудогенный рельеф» минерагенических узлов, районов и площадей, очерчивающих размещение благороднометалльных рудных тел различной россыпеобразующей компетентности. Финальным этапом является аллювиальная сепарация гляциального металлосодержащего материала конечных и краевых образований и возникновение россыпи.

Коренная золотоносность. На юго-западе Забайкальского края выявлено большое количество разнообразных по возрасту и геологическим особенностям проявлений коренной золотоносности. Их линейно-гнездовая концентрация на определенных площадях обусловила выделение целого ряда рудных узлов, многие из которых объединены в рудные зоны и районы (рис. 1).

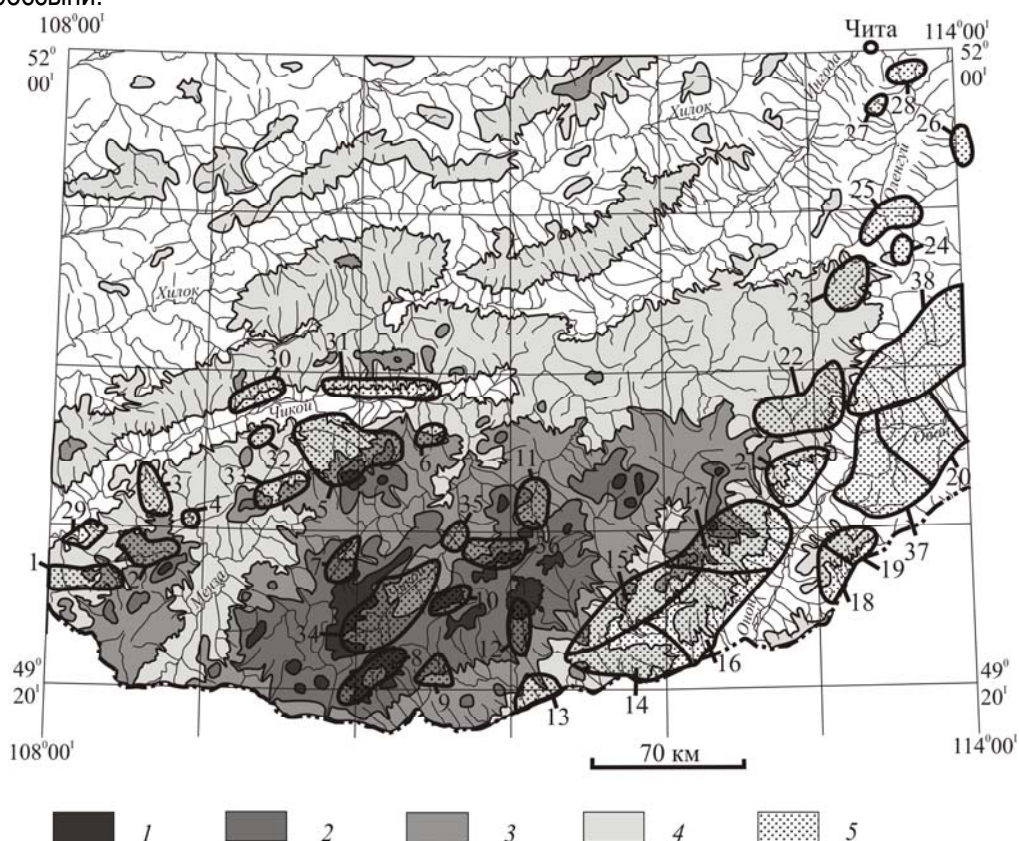

Рис. 1. Карта неоплейстоценовых оледенений и золоторудных узлов листа М-49 (составлена с использованием материалов И.Г. Рутштейна, В.Е. Тупякова, В.Н. Кислицына, Ю.Я. Кошелева и С.П. Карелина):

Оледенения: 1 – сартанское (gIII₄), 2 – муруктинское (gIII₂), 3 – тазовское (gII₄), 4 – самаровское (gII₂).

Золотоносность: 5 – золоторудные узлы (1 – 28) и площади (29 – 38)

1 – Катанцинский, 2 – Хилкотойский, 3 – Воскресенский, 4 – Верхнесестринский, 5 – Сергинский, 6 – Крестовско-Сенькинский, 7 – Чикоконский, 8 – Бальджинский, 9 – Карольский, 10 – Дабан-Горхонский, 11 – Верхне-Ингодинский, 12 – Верхне-Букукунский, 13 – Нижне-Букукунский, 14 – Газултыйский, 15 – Мордойский, 16 – Любавинский, 17 – Тарбальджей-Моконский, 18 – Тургэнский, 19 – Кундулунский, 20 – Ново-Казачинский, 21 – Салбартуйский, 22 – Урейский, 23 – Илинский, 24 – Туринский, 25 – Сыпчугурский, 26 – Васильевский, 27 – Семеновский, 28 – Усть-Никишихинский; 29 – Гутайская, 30 – Шимбиликская, 31 – Внуковская, 32 – Ивановская, 33 – Куналейская, 34 – Верхне-Чикойская, 35 – Ашаглейская, 36 – Дуланхорская, 37 – Онон-Тохторская, 38 – Тулутай-Илинская

Металлогения территории определяется ее положением в области развития каледонид Селенгино-Яблоновой и герцинид Монголо-Охотской областей, разделенных Монголо-Охотским линеаментом. В границах Забайкальского края эти области представлены южной частью Хилок-Витимской и северо-восточной частью Хэнтэй-Даурской структурно-формационных зон.

Хилок-Витимская зона специализирована на олово, вольфрам, тантало-ниобаты, бериллий и лишь на двух участках (Шимбиликская и Внуковская площади) – на золото. На Шимбиликской площади известны три проявления – Коротковское, Фомичевское и Шимбиликское с содержанием золота в линзах магнетита, в скарнированных зонах и в жилах халцедоновидного кварца. Аналогичная, вытянутая вдоль подножья Малханского хребта, Внуковская площадь с золотоносными жилами халцедоновидного кварца прослеживается от приустьевой части пади Зарголик до устья пади Ямаровка.

Главная особенность металлогении второй области проявлена в поясном распределении коренных источников по периферии Даурского мегасвода. Их основное количество объединено в специализированные на золото металлогенические зоны (см. рис. 1). Чикойская металлогеническая зона ограничена Чикой-Ингодинским (северо-запад) и Куналейским (юго-восток) разломами. Она объединяет Долотуйский (Катанцинский и Хилкотойский), Воскресенский, Сергинский (Асакан-Куналейский) рудные узлы; Гутайскую, Ивановскую и Куналейскую рудоносные площади. На восточном окончании этой зоны располагается комплексный Крестовско-Сенькинский золоторудный (олово, вольфрам) узел. К осевой зоне Даурского свода тяготеют Чикоконский, Верхнесестринский, Верхне-Ингодинский, Верхне-Букукунский, Дабан-Горхонский, Бальджинский, Карольский рудные узлы; Верхне-Чикойская и Дуланхорская рудоносные площади. Вдоль юго-восточной периферии Хэнтэй-Даурской морфоструктуры с юго-запада от государст-

венной границы на северо-восток до г. Чита прослеживаются: Киркунский (Нижне-Букукунский), Газултыйский, Мордойский, Любавинский, Тарбальджей-Моконский рудные узлы, которые составляют единую Любавинскую золоторудную зону. Кроме того, в этом районе обособляется локальная золотосодержащая Курулга-Тулутайская зона с Салбартуйским и Урейским рудными узлами. Северо-восточное окончание этой протяженной полосы, включающее Туринский, Сыпчугурский, Васильевский, Семеновский и Усть-Никишихинский золоторудные узлы, а также золотоносные площади и узлы правобережья Онона располагаются практически вне области неоплейстоценовых оледенений (см. рис. 1).

Процесс формирования золоторудных объектов, несомненно, длителен и дискретен. Меняющаяся эндодинамика минерального вещества земной коры за период от венд-кембрия до мезозоя обеспечила образование объектов различных рудных формаций. В северных и западных районах выделены золоторудные формации: золото-кварцевая (среднеглубинная), золото-сульфидно-кварцевая (среднеглубинная), золото-серебряная (малоглубинная), золотоносных березитов, золотоносных аргиллизитов, апоскарновая, золотоносных грейзенов, золото-углеродисто-кварцевая, а в южных и юго-восточных площадях – малосульфидная золото-кварцевая, кварцевая гидротермально-метаморфическая, кварц-альбит-серицитовая, золотосодержащая кварц-турмалин-сульфидная, золотосодержащая кварцево-сульфидная эпи-мезотермальная.

К благороднометалльным рудным телам различной россыпеобразующей компетентности ранее относили только те коренные проявления, в которых золото достаточно крупное – не менее 0,1 мм, и при условии, что россыпи формировались по законам аллювиальной гидродинамики. В связи с этим уместно упомянуть выводы некоторых исследователей о преобладании практически во всех золоторудных месторождениях мелкого и тонкого золота до 80 % от валового содержания золота в ру-

дах (Р.А. Амосов, А.И. Киреев, В.Н. Кислицын, 2002. Росгеолфонд).

В последние годы исследования, проведенные во многих золотоносных районах России, показали, что мелкое и тонкое свободное золото, помимо физико-химических преобразований в сторону укрупнения золотин, сорбируется глинистыми (илистыми) осадками, а также органическими включениями рыхлых отложений [1, 4].

Россыпная золотоносность. Золотоносные россыпи на юго-западе Забайкальского

края в своем большинстве группируются на нескольких участках (рис. 2). Они, естественно, тяготеют к узлам, районам и зонам коренных проявлений золота, хотя отмечаются золото-россыпные площади с неполным пространственным совпадением с контурами рудоносных зон. В то же время имеется существенное количество россыпесодержащих долин без признаков присутствия коренных источников в границах водо- и ледосборного бассейна.

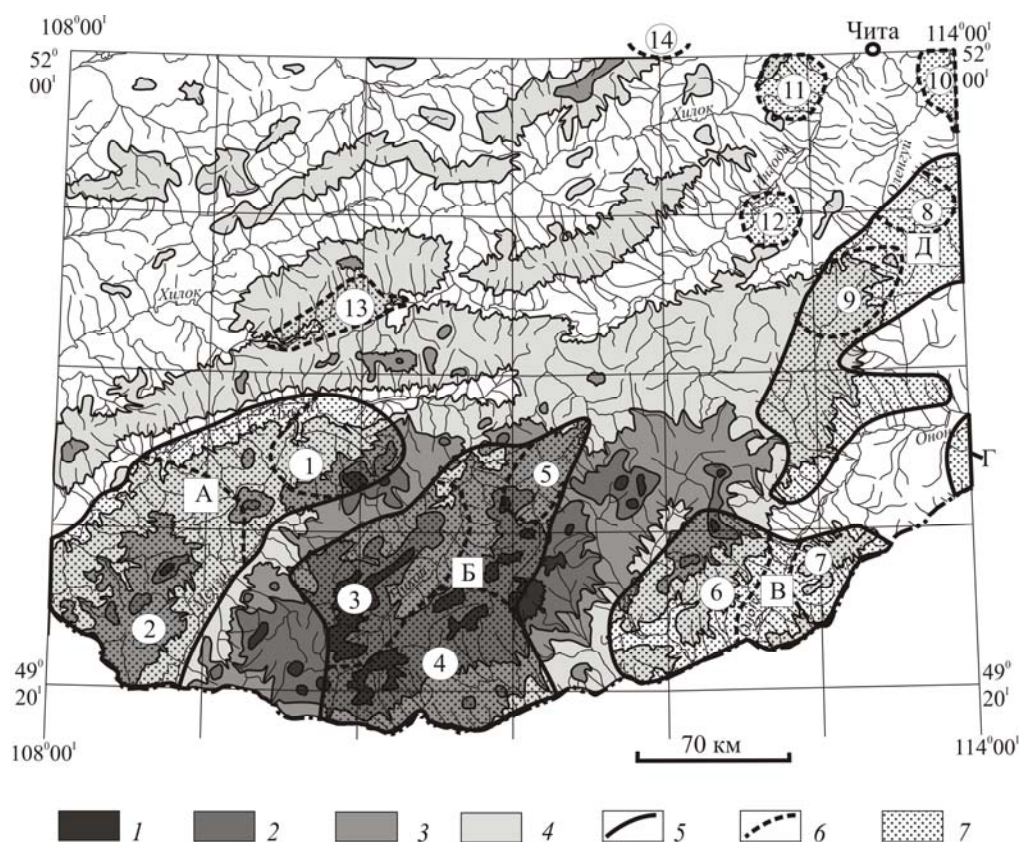

Рис. 2. Карта неоплейстоценовых оледенений и площадей развития золотоносных россыпей листа М-49 (составлена с использованием материалов В.А. Эпова, Ю.Я. Кошелева, В.Е. Тупякова и В.Н. Кислицына):

Оледенения: 1 – сартанское (gIII₄), 2 – муруктинское (gIII₂), 3 – тазовское (gII₄), 4 – самаровское (gII₂).

Границы: 5 – районов, 6 – узлов.

7 – золотороссыпные районы (А – Д) и узлы (1 – 14): А – Чикойский, Б – Бальджиканский, В – Хапчерангинский, Г – Саханай-Дурульгуевский, Д – Тура-Илинский; 1 – Асакан-Куналейский, 2 – Катанца-Мензинский, 3 – Чиконско-Верхнечикойский, 4 – Бальджиканский, 5 – Ингодинский, 6 – Любавинский, 7 – Кундулунский, 8 – Тура-Оленгуйский, 9 – Илинский, 10 – Кручининский, 11 – Домненский, 12 – Малангинский, 13 – Унго-Мултунский, 14 – Верхне-Хилинский

В пределах Хилок-Витимской геоморфологической субпровинции выделено два золотороссыпных узла. Унго-Мултунский охватывает низкие водораздельные пространства и верховья рек Унго и Блудная. Отличительной особенностью этого узла является отсутствие коренных источников золота, что обусловлено, вероятнее всего, недостаточной изученностью. В северо-восточной оконечности субпровинции выделяется второй, Домнинский золотороссыпной узел, также со слабо проявленной или не выявленной коренной золотоносностью.

Обширный Чикойский золотороссыпной район охватывает северо-западные части Даурского сводового поднятия и широкой полосой, от пос. Гутай и пос. Менза на западе, прослеживается на северо-восток по бассейнам левых притоков р. Чикой до пос. Черемхово, включая весь бассейн р. Ацы. В районе два золотороссыпных узла: Катанца-Мензинский на западе и Асакан-Куналейский на северо-востоке. На этой площади отмечается пространственное совпадение золотороссыпных объектов с золоторудными площадями и узлами. Золотороссыпная площадь превышает размеры рудных зон.

Осевую часть Даурского свода охватывает Бальджиканский золотороссыпной район с тремя россыпными узлами: Чикоконско-Верхнечикойский, Бальджиканский и Ингодинский. Россыпи Чикокон-Верхнечикойской площади в целом совпадают с Чикоконским рудным узлом, Ашаглейской и Верхнечикоконской рудоносными площадями. Вместе с тем, протяженные россыпи рр. Чикой и Чикокон выходят далеко за их пределы. В то же время Дабан-Горхонский рудный узел характеризуется слабой россыпной золотоносностью. В этом же районе распространены долины с россыпями, в пределах которых не выявлены коренные

источники золота (рр. Слюдянка, Монголка, Полощиха, Ленчиха, Гутай, Кумыл и др.). В верховье р. Чикокон обращает на себя внимание большое количество россыпей с весьма слабой коренной обеспеченностью.

В пределах юго-восточной части Даурского свода расположен Хапчерангинский золотороссыпной район или Любавинская золотороссыпная зона, в которой выделена большая группа сопряженных золотороссыпных площадей: Кундулунская, Тарбальджей-Моконская, Курултей-Тыринская, Мордойская, Хавергинская, Хангорокская, Приононская и Газултыйская. Пространственно этот район совпадает с Любавинской золоторудной зоной. Здесь располагаются наиболее богатые, но в большинстве выработанные россыпи, открытые еще во второй половине позапрошлого века.

На северо-восточной периклинали Даурского свода располагается Тура-Илинский золотороссыпной район, включающий Илинский и Тура-Оленгуйский золотороссыпные узлы, формирование которых связано непосредственно со сносом золота из коренных источников. В полосе восточного края свода от Любавинской зоны до Тура-Илинской прослеживается Курулга-Тулутайская золотосодержащая зона, объединяющая Салбартуйский и Урейский рудные узлы, а также разобщенные проявления коренного золота. В большинстве долин, пересекающих эту полосу, выявлено шлиховое золото. В связи с этим можно констатировать, что золотороссыпной потенциал этой части территории в настоящее время недооценен.

В пределах Агинской геоморфологической субпровинции выделяется Кундулунский золотороссыпной узел, охватывающий водораздельные пространства и юго-восточные

склоны хр. Эрмана. Он отнесен В.А. Эповым (ФГУГП «Читагеолсъёмка») к Хапчерангинскому золотороссыпному району. Далее на север, на правобережье Онона, серия коренных проявлений золота Онон-Тохторской площади и Ново-Казачинского рудного узла со шлиховым золотом в долинах, которые, вероятно, необходимо включить в Саханай-Дурульгуевский золотороссыпный район, находящийся вне площади неоплейстоценовых оледенений.

Особенности формирования ГЛД-россыпей. В отличие от севера Забайкальского края [3], на юго-западе ледниковый транзит моренного материала в область абляции к краевым и конечным образованиям осуществлялся повсеместно вдоль современной долиновой системы, что обусловило неизменное направление сноса продуктов дезинтеграции коренных пород в доледниковые, ледниковые, межледниковые и послеледниковые эпохи. Отмечается сравнительно слабый уклон базисной поверхности, построенной по долинам третьего и выше порядков. В связи с этим энергия ледников всех периодов оледенения, кроме сартанского, значительно уступала экзартирующей способности ледников северных территорий Восточного Забайкалья. Объем транспортируемого ледниками терригенного материала оказался сравнительно небольшим. Это нашло отражение в морфологической невыразительности береговых, конечных и краевых образований. Вместе с тем, сравнительно малое количество перемываемого возрожденными в послеледниковые реками материала обеспечило большую степень аллювиальной сепарации конечных и стадийных накоплений. Однако незавершенный мотогенез характерен все же для некоторых россыпей, формирование которых началось еще в самаровское

оледенение (250-300 тыс. лет назад). К примеру, подошва протяженного многоструйного продуктивного пласта Куналейской россыпи (рис. 3) выделена по содержанию золота, а не по плотности.

Участки речных долин, сопряженные с конечными и стадийными образованиями или пересекающие полосы краевых ледниковых накоплений, являются перспективными для формирования россыпей. В некоторых из них на участках совпадения абляционных зон разновозрастных оледенений, характеризующихся повышенной мощностью рыхлых отложений, наблюдаются два золотоносных пласта. Нижний погребенный пласт располагается в подошве долинных осадков, верхний, как правило, на глубине 4...6 м от поверхности поймы – в основании современного пойменного аллювия.

Широкому распространению ГЛД-россыпей способствовало интенсивное и экстенсивное «заражение» области питания и транзита неоплейстоценовых ледников коренными источниками (рис. 1). Прогнозирование их осуществляется путем совмещения металлогенической ситуации региона с палеогеографическими картами четвертичных оледенений. Оценка направления ледникового транзита, выявление зон накопления гляциального и перигляциального материала, установление характера и степени размыва их современными водотоками и наличие в шлихах аллювия признаков золота позволяют выделить новые перспективные для россыпеобразования участки долин. Примером прогноза местоположения ГЛД-россыпей может служить фрагмент карты (Еникеев, Старышко, 2005. Росгеолфонд), составленный для данного региона (рис. 3).

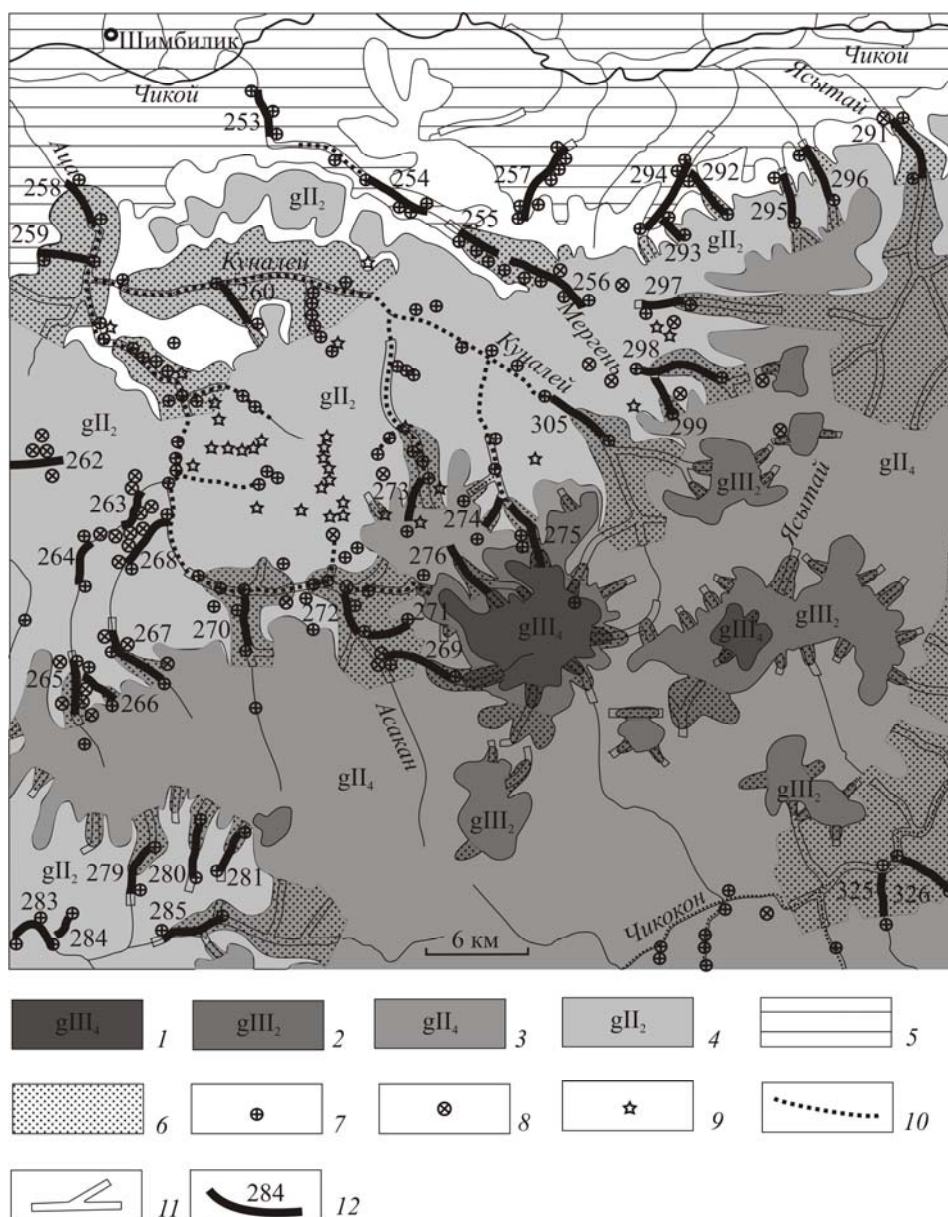

Рис. 3. Фрагмент “Карты перспектив россыпной золотоносности ледниковых и приледниковых образований” (Еникеев, Старышко, 2005):

Оледенения: 1 – сартанское, 2 – муруктинское, 3 – тазовое, 4 – самаровское; 5 – приледниковое озеро; 6 – область абляции: 7 – шлиховое золото; 8 – литохимическое золото (рыхлые отложения); 9 – разнообразные проявления коренного золота; 10 – золотоносные россыпи, установленные предшественниками; 11 – участки долин массового перемыва конечных, краевых и прибрежных отложений; 12 – золотоносные ГЛД-россыпи (категория Р₃), принятые ТКЗ на учет (Протокол..., 2005); цифра – номер россыпи по каталогу

Переосмысление генезиса большинства россыпных месторождений юго-запада Забайкальского края связано с выяснением характера гляциального лито- и морфогенеза. Прогноз местонахождения золотороссыпных объектов связан главным образом с решением двух основных проблем. Во-первых, установление количества ледниковых периодов в неоплейстоцене и палеогеографическая реставрация площади их распространения. Во-вторых, выяснение специфики гляциальной литодинамики, определяющей строение четвертичных отложений. В конечном итоге решение этих задач позволяет выделить конкретные россыпосодержащие участки долин древней и современной речной системы по комплексу критериев: наличие коренных источников в области

питания; установление направления ледникового транзита; выявление поясов и зон накопления металлосодержащего моренного материала; определение объема перемываемой морены и длительности мотогенеза, связанного с аллювиальной сепарацией и др. Присутствие шлихового золота на участке активного размыва краевых и конечных накоплений и использование медианного значения продуктивности известных россыпей сопряженных районов позволяют наметить протяженность россыпи и оценить ее продуктивность. Не исключено решение и обратной задачи – наличие россыпи указывает на возможность поисков коренных проявлений в направлениях, проксимальных линиям тока льда в ледниковых покровах.

Литература

1. Беневольский Б.И. Золото России: проблемы использования и воспроизводства минерально-сырьевой базы / Б.И. Беневольский. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЗАО «Геоинформмарк», 2002. – 464 с.

2. Еникеев Ф.И. Гляциально-литодинамические россыпи Забайкалья // Проблемы геологической и минерагенической корреляции в сопредельных территориях России, Китая и Монголии / Тр. VI междунар. симпозиума по геологической и

минерагенической корреляции в сопредельных районах России, Китая и Монголии / Ф.И. Еникеев, В.Е. Старышко. – Чита, Россия. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. – С. 134-138.

3. Еникеев Ф.И. Плейстоценовые оледенения Восточного Забайкалья и юго-востока Средней Сибири / Ф.И. Еникеев // Геоморфология. – М.: МГУ, 2009. – № 2. – С. 33-49.

4. Золото Бурятии / П.А. Рожекаев [и др.]. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004. – 464 с.

Коротко об авторе

Еникеев Ф.И., канд. геол.-минер. наук, геолог ФГУП «Читагеолсъёмка», старший научный сотрудник ИПРЭК СО РАН
pgi@geojog.chita.ru

Научные интересы: геология кайнозоя, россыпи, палеогеография, геоморфология, неотектоника, гидрогеология, мерзлотоведение

Briefly about the author

F. Enikeev, Candidate of Geological and Mineralogical Science, geologist of "ChitaGeolSyemka" FSUGE, Senior Research Assistant, Institute of Mineral Resources, Ecology and Criology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

Areas of expertise: Cenozoic geology, alluvials, paleogeography, geomorphology, neotectonics, hydrogeology, permafrostology

УДК 628.336.3

Кириллов Максим Владимирович
Maxim Kirillov

Асонов Александр Михайлович
Alexander Asonov

**ЗАЩИТА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
ОТ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ТЯЖЕЛЫМИ
МЕТАЛЛАМИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ПРИРОДНЫХ СОРБЕНТОВ**

**ENVIRONMENTAL PROTECTION FROM
CONTAMINATION BY HEAVY METALS WITH
USE OF NATURAL SORBENTS**

В статье рассмотрена проблема загрязнения окружающей среды жидкими отходами (активными илами), загрязненными ионами тяжелых металлов. Представлены методики и результаты исследований по детоксикации илов опалкристобаллитовыми породами (опока). Предложена технология по кондиционированию избыточного активного ила, позволяющая использовать его в сельском хозяйстве в качестве органоминерального удобрения и решающая проблему загрязнения окружающей среды

This work treats the problem of pollution of environment by liquid wastes (activated sludge), polluted by ions of heavy metals. There are methods and results of the research to detoxify sludge by opal cristobalite rock (opoка). The technology on air-conditioning of the superfluous activated sludge is offered, allowing to use it in agriculture as organo-mineral fertilizer, and solving an environmental contamination problem

Ключевые слова: жидкие отходы, активный ил, опалкристобаллитовые породы (опока), сорбент, десорбция, кондиционирование, органо-минеральное удобрение

Key words: liquid wastes, activated sludge, opal cristobalite rock (opoка), sorbents, desorption, conditioning, organo-mineral fertilizer

Одним из важнейших аспектов глобального экологического кризиса является стремительное накопление в окружающей среде отходов хозяйственной деятельности человека. По мнению многих экологов, именно отходы и загрязнение окружающей среды представляют главную угрозу современной цивилизации. В расчете на одного жителя Земли из ее недр ежегодно извлекается и

перемещается 50 т сырого вещества и только из них 2 т превращается в конечный продукт. Проведя эту гигантскую работу, человечество получает в итоге на душу населения почти столько же (48 т) отходов, из которых 0,1...0,5 т – опасные. В число названной группы входят отходы, содержащие тяжелые металлы, а также соединения из группы ароматических хлорированных углеводородов (диоксины, бифе-

нилы, фурунги и пр.). Передаваясь по трофической цепочке, они способны накапливаться в ее верхних звеньях, включая человека, в концентрациях, превосходящих исходную в тысячи раз.

Один из важнейших компонентов окружающей среды – почва – наиболее остро ощущает негативное влияние отходов, содержащих токсичные вещества. На ее поверхности размещают свалки бытового мусора, накопители жидких и твердых отходов, содержащих, в большинстве случаев, токсичные вещества. Особое место среди жидких токсичных отходов занимают илы, загрязненные тяжелыми металлами, являющиеся отходами биохимического процесса очистки сточных вод. Их объем составляет 6...10 % от объема очищаемой сточной воды [6]. По данным РосНИИВХ, годовой объем сточных вод, прошедших биохимическую очистку, в среднем составляет около 1230 млн м³. При этом объем образую-

щегося ила влажностью 98 % составляет около 123 млн м³ [1]. Учитывая, что образующиеся илы практически во всех крупных и средних городах загрязнены тяжелыми металлами, проблема утилизации отходов в таких количествах по экобезопасной технологии приобретает первостепенное значение. Ее решение возможно на основе процесса рециклирования при использовании илов в качестве органо-минерального удобрения в сельском хозяйстве.

Применение избыточного ила в качестве органо-минерального удобрения является одним из наиболее экономичных и экологических путей его утилизации. Это обуславливается тем, что в нем содержится физиологически сбалансированное количество микроэлементов и основных биогенных элементов, необходимых для развития растений. В табл. 1 представлен химический состав их минеральной части [2].

Таблица 1

Состав минеральной части осадков, % к абсолютно сухому веществу

Типы осадков	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CaO	MgO	K ₂ O	Na ₂ O	SO ₃	ZnO	CuO	NiO	Cr ₂ O ₃
Первичные сырые	8,4-55,9	0,3-18,9	3,0-13,9	11,8-35,9	2,1-4,3	0,7-3,4	0,8-4,2	1,8-7,5	0,1-0,6	0,1-0,8	0,2-2,9	0,8-3,1
Активный ил	7,6-33,8	7,3-26,9	7,2-18,7	8,9-16,7	1,4-11,4	0,8-3,9	1,9-8,3	1,5-6,8	0,2-0,3	0,1-0,2	0,2-3,4	0-2,4

Анализ обзорных материалов по данной проблеме показал, что из общего количества избыточных активных илов в России как удобрение используется 1...6 %, перерабатывается не более 3 %, основная масса ила хранится в илонакопителях или на свалках промтоходов, загрязняя тем самым окружающую среду. За рубежом в качестве удобрения используется в среднем 32,4 % осадка сточных вод. Так, в Люксембурге их используется 90 %, в Германии – 30 %, а в Бельгии – 10 % [4, 5].

Использование активного ила в качестве удобрения существенно повышает урожай-

ность сельскохозяйственных культур: картофеля на 50...100 ц/га, озимых пшеницы и ржи на 6...14,4 ц/га (14...46 %), кукурузы и подсолнечника на силос – на 73...113 ц/га (13...39 %) [3].

В большинстве случаев непосредственное использование осадков городских станций аэрации не представляется возможным из-за присутствия в них тяжелых металлов, которые обогащают илы в процессе совместной очистки хозяйственно-бытовых и производственных сточных вод. Учитывая огромный объем образующегося избыточного активного ила на станциях аэрации и его высокую удобритель-

ную ценность, следует признать отсутствие альтернативы его рациональному использованию, помимо сельскохозяйственных угодий, в качестве удобрения. В этом случае проблема его детоксикации является весьма актуальной и требует своего решения.

Цель настоящего исследования – установить возможность и эффективность исполь-

зования опалкристиобаллитовой породы (опока) для детоксикации активного ила.

Для исследований были взяты образцы опок Сухоложского месторождения Свердловской области. Этот материал в Уральском регионе является весьма доступным как по количеству, так и по стоимости [7]. Химический состав опоки представлен в табл. 2.

Таблица 2

Химический состав опоки, %

Состав					
SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MgO	CaO	Na ₂ O, K ₂ O
82,80	6,60	4,95	0,78	1,18	–

Выполненные исследования механических и физико-химических свойств опоки на измельчаемость и истираемость, пористость, химическую стойкость и гидравлическую крупность показали ее соответствие требованиям, предъявляемым к сорбционным материалам.

На первом этапе исследований по регенерации активного ила ставилась задача – определить наиболее эффективный способ обеспечения наилучших условий контактирования опоки с активным илом. Изучались два способа:

- 1) перемешивание механической мешалкой;
- 2) путем барботирования смеси сжатым

воздухом.

В опытах из трех серий, выполненных в трех повторностях с концентрацией активного ила 20 г/дм³ и опоки крупностью 1...2 мм и концентрацией 20 г/дм³, осуществляется перемешивание в течение 30 мин с помощью механической мешалки и путем барботирования. По окончании перемешивания смеси из активного ила и опоки давали отстояться в течение 15 мин. Осадок анализировали на наличие ионов тяжелых металлов. В качестве контроля служил активный ил, использованный в эксперименте. Усредненные результаты исследований приведены в табл. 3.

Таблица 3

Влияние способа перемешивания активного ила и опоки на эффективность десорбции тяжелых металлов

Способ перемешивания		Концентрация тяжелых металлов в активном иле, мг/кг					
		Cr	Cu	Fe	Mn	Ni	Zn
Механический с опокой		86,6	164,8	20009,5	366,7	95,1	764,3
Барботажный	с опокой	10,1	16,3	20082,3	186	19,07	73,1
Барботажный	без опоки	96,6	174,1	22007,3	385,2	104	790,5

Выполненные исследования показали целесообразность использования борбатажа воздухом, что не только обеспечивает хороший массообмен в аэрируемой среде, но и в

значительной мере способствует переводу тяжелых металлов с твердой фазы (активного ила) в жидкую.

При выполнении всех последующих исследований с опоккой перемешивание выполнялось путем азрирования жидкости через диспергатор с интенсивностью 3...4 л/дм³ · мин.

Исследованию влияния фракционного состава опоки на содержание ионов тяжелых металлов в осадке активного ила, в надилковой жидкости после его контакта с опоккой при экспозиции 15 мин и отстаивании в течение 30

мин была посвящена следующая серия опытов (рис. 1).

В этой же серии изучалось качество надилковой жидкости после фильтрации через бумажный фильтр (белая лента). Осадок, представляющий смесь активного ила и осевшую с ним опокку, как и осадок, выделенный на фильтре, анализировался на следующие тяжелые металлы: хром, медь, железо, марганец, никель и цинк.

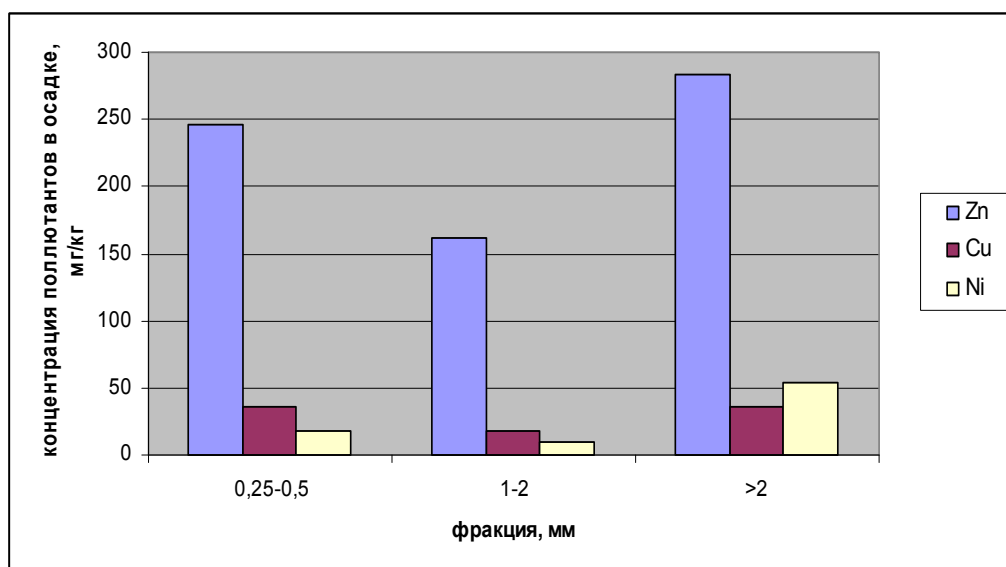

Рис. 1. Влияние фракционного состава опоки на содержание ионов тяжелых металлов в осадке активного ила (доза опоки – 25 г/дм³)

Внесение в иловую смесь опоки фракцией 1...2 мм обеспечивает наибольший эффект перевода ионов тяжелых металлов с активного ила в надилковую жидкость. Данный эффект объясняется тем, что опока фракцией более 2 мм достаточно быстро оседает совместно с активным илом, обогащая его адсорбированными опоккой ионами тяжелых металлов. Более мелкая фракция (0,25...0,5 мм) опоки сама хорошо сорбируется активным илом и при совместном оседании также повышает в иле концентрацию тяжелых металлов. В свою очередь надилковая жидкость после отстаивания в опытах именно с этой фракцией максимально

обогащена ионами тяжелых металлов. Результаты экспериментов позволяли рекомендовать для дальнейших исследований опокку с фракционным составом 1...2 мм.

Представляет интерес и форма нахождения тяжелых металлов в надилковой жидкости после процесса десорбции последних опоккой из активного ила. Выполненные с этой целью исследования позволили утверждать, что тяжелые металлы либо адсорбированы опоккой, либо находятся в виде гидроокиси, но не в ионном состоянии. Доказательством этого утверждения служит факт практически полного освобождения надилковой жидкости от тяжелых

металлов при ее фильтровании через бумажный фильтр (табл. 4).

Задачей исследований в следующей серии экспериментов являлось изучение влияния дозы опоки на содержание тяжелых металлов в осадке и надиловой воде после этапов пе-

ремешивания и отстаивания иловой смеси (рис. 2).

Анализ результатов исследований наглядно демонстрирует эффективность увеличения дозы опоки на процесс десорбции тяжелых металлов с активного ила.

Таблица 4

Содержание ионов тяжелых металлов в фильтрате, мг/дм³

Компонент	Концентрация			ПДК х/б
	0,25-0,5 мм	1-2 мм	>2 мм	
Cr	<0,005	0,012	0,015	0,5
Cu	0,014	0,039	0,021	1,0
Fe	0,434	1,122	0,602	0,5
Mn	0,019	0,029	0,018	0,1
Ni	<0,02	<0,02	0,028	0,02
Zn	0,035	0,088	0,035	1,0

Из трех исследованных доз опоки (15, 25 и 50 г/дм³) наилучшие результаты получены при добавке к илу опоки дозой 50 г/дм³ иловой смеси. Учитывая трудности, возникающие с обработкой повышенного объема осадка, а также увеличение затрат на приобретение опоки в качестве оптимальной, принята доза

опоки 25 г/дм³. Она обеспечивает качество ила, удовлетворяющее использованию его в качестве удобрения, незначительное увеличение объема, образующегося при обработке осадка, и наименьшие затраты на приобретение сорбента.

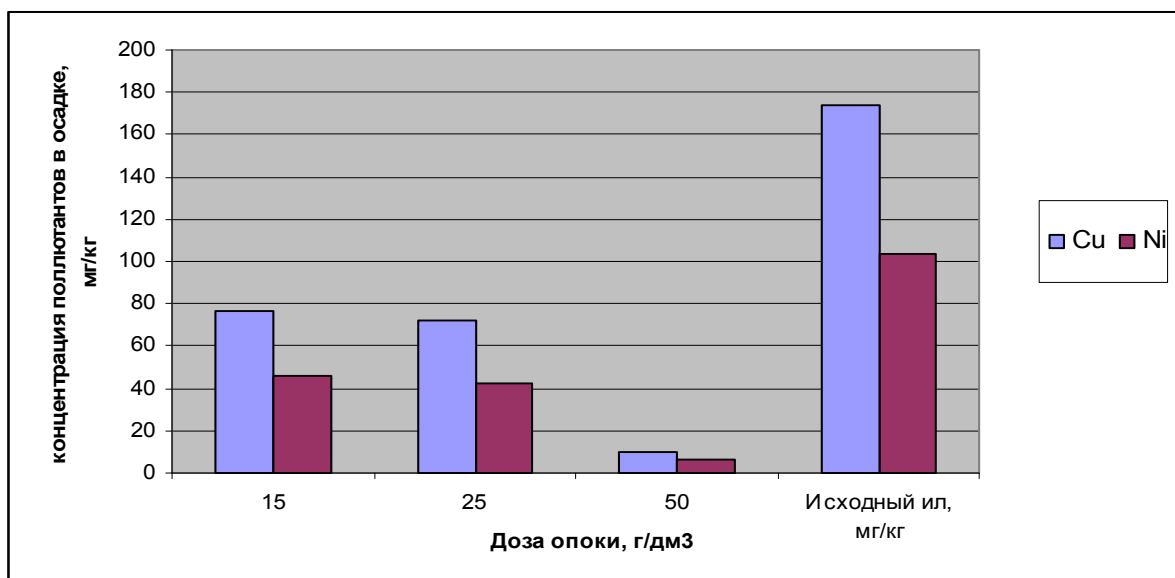

Рис. 2. Влияние дозы опоки на содержание ионов тяжелых металлов в осадке активного ила (фракция 1...2 мм)

Учитывая важность результатов перераспределения тяжелых металлов между осадком и жидкой фазой (надиловая вода), нами были выполнены исследования, позволяющие характеризовать обе фазы иловой смеси. С этой целью определялась масса абсолютно сухого вещества (а.с.в.) осадка, находящегося после 30 мин отстаивания в надиловой воде, при использовании в качестве сорбента опоки с фракционным составом 0,25...0,5 мм, 1,0...2,0 мм и более 2,0 мм. Доза добавляемой в иловую смесь опоки во всех вариантах была одинакова – 25 г/дм³.

Как показывают результаты исследований, отмечается достаточно четкая зависимость увеличения массы осадка, выпавшего на дно отстойника от фракционного состава опоки. При этом увеличение фракции опоки от 0,5 до 3...5 мм приводит к увеличению массы осадка от 27,68 до 28,92 г.

Такая закономерность коррелируется с данными, полученными при анализе надиловой воды. Масса взвешенных веществ в ней повышается от проб с более крупной фракцией

опоки (7,92 г) к пробам с опокой более мелкой фракции (11,8 г).

Определив концентрацию исследуемых загрязнителей в осадочной и взвешенной частях осадка, можно утверждать, что их большая часть перешла в надиловую воду. Так, количество загрязнений, находящихся в надиловой воде, по хрому превышает его массу в осадке в 2,7 раза, меди – в 5,9 раза, железа – в 1,6 раза, марганца – в 3,0 раза, никеля – в 3,0 раза. По цинку сохранившиеся загрязнения в осадке больше, чем во взвешенных веществах надиловой воды в 5,7 раза.

Результаты данного этапа исследований предопределяют необходимость глубокой доочистки надиловой жидкости и позволяют рекомендовать осадок к использованию в качестве органического удобрения во всех случаях, определяемых нормативными документами.

Предлагаемая технологическая схема обработки осадка и надиловой жидкости представлена на рис. 3. Она предусматривает его обезвоживание, детоксикацию и обеззараживание.

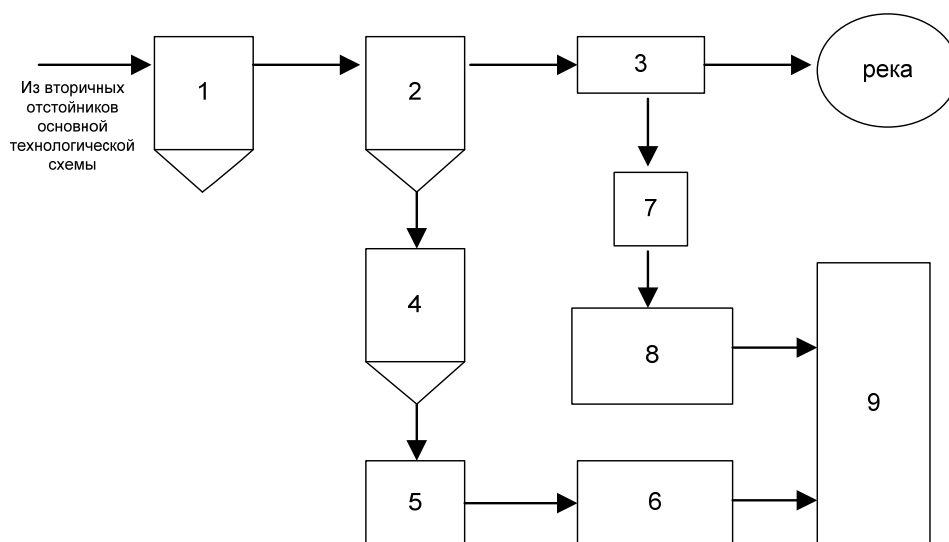

Рис. 3. Технологическая схема обработки осадка:

1 – контактный смеситель; 2 – первичный вертикальный отстойник; 3 – вторичный горизонтальный отстойник с тонкослойными модулями; 4 – илоуплотнитель; 5 – фильтр-пресс; 6 – бурты; 7 – вакуум-фильтр; 8 – ботаническая площадка; 9 – сельскохозяйственные поля

После вторичного отстойника избыточный ил совместно с природным сорбционным материалом (опокой) направляется в контактный смеситель 1. Опока дозируется в сухом виде из расчета 1 г на 1 г абсолютно сухого активного ила.

Интенсификация процесса извлечения тяжелых металлов в контактном смесителе достигается путем аэрирования в течение 15 мин.

После перемешивания смесь активного ила и опоки из смесителя направляется в первичный вертикальный отстойник, в котором ил под действием сил тяжести в течение 30 мин оседает на дно. Осевший осадок перекачивается в илоуплотнитель, где обретает влажность 95...97 %.

Ил после илоуплотнителя, предварительно смешанный с флокулянтom, перекачивается в цех механического обезвоживания, на фильтр-пресс. В процессе обезвоживания влажность осадка снижается до $\approx 65\%$, а его качество удовлетворяет требованиям, предъявляемым к илам, используемым в качестве органоминерального удобрения на сельскохозяйственных угодьях, парковых и лесных территориях.

Активный ил после механического обезвоживания направляется на площадку биотермического обеззараживания для улучшения

санитарно-гигиенических показателей.

Как было отмечено ранее, основная часть тяжелых металлов десорбируется из активного ила и концентрируется в надиловой жидкости, в которой в качестве твердой составляющей входят опока и активный ил.

Для выделения взвеси надиловая жидкость, включающая большую часть ионов тяжелых металлов, перекачивается из первичного отстойника схемы обработки осадка во вторичный горизонтальный отстойник с тонкослойным модулем, где эффект задержания взвеси в течение 30 мин достигает 85...90 %.

Очищенная надиловая часть из отстойника отводится в контактный резервуар, станции для обеззараживания, например, хлором. После обеззараживания вода сбрасывается в водоем.

Образовавшийся после осветления надиловой жидкости осадок для обезвоживания перекачивается на вакуум-фильтр.

Осадок влажностью 70...80 %, содержащий повышенную концентрацию тяжелых металлов, накапливается и вывозится на ботаническую площадку для его детоксикации.

Активный ил выполняет роль твердого субстрата, на который с началом вегетационного периода высаживаются тростник, осуществляющий детоксикацию осадка.

Таблица 5

*Эколого-экономические показатели
биосорбционной технологии реабилитации активного ила*

№ п/п	Затраты	Ед. изм.	Величина показателей
1	Капитальные затраты	тыс. руб.	801
2	Эксплуатационные затраты	тыс. руб/год	8875,6
3	Чистый экономический эффект средозащитных мероприятий	тыс. руб/год	162
4	Эколого-экономическая эффективность капитальных затрат	–	3,3
5	Срок окупаемости капитальных затрат	год	0,3

Предлагаемая технология и сооружения для кондиционирования избыточных активных илов, загрязненных ионами тяжелых металлов, не только экологична, но и экономически целесообразна (табл. 5). Она позволяет ре-

шить проблемы загрязнения окружающей среды многотоннажными отходами станции очистки сточных вод городской канализации и может стать возобновляемым источником органоминеральных удобрений для сельского хозяйства.

Литература

1. Воды России (состояние, использование, охрана) 1996-2000 гг. – Екатеринбург: РосНИИВХ, 2002. – 254 с.

2. Яковлев С.В. Водоотведение и очистка сточных вод / С.В. Яковлев, Ю.В. Воронов. – М.: АСВ, 2004 – 704 с.

3. Тяжелые металлы в системе почва – растение – удобрение // Под общей ред. М.М. Овчаренко. – М.: Пролетарский светоч, 1997. – 290 с.

4. Трубникова Л.И. Утилизация избыточного активного ила предприятий нефтехимии / Л.И. Трубникова // Экология и промышленность России. – 2000, август. – 9-11 с.

5. Зыкова И.В. О возможности извлечения ионов тяжелых металлов из избыточного активного ила при нормальных температурах / И.В. Зыкова, Е.А. Алексеева, В.П. Панов // Журнал при-

кладной химии. – 2000. – Т. 74. – Вып. 11. – 1901-1903 с.

6. Жуков Н.Н. Состояние и перспективы развития сооружений по обработке водопроводных и канализационных осадков в городах России / Н.Н. Жуков // Водоснабжение и санитарная техника. – 2002. – № 12. – Ч. 1, 3. – 6 с.

7. Исследование сорбционно-фильтровальных свойств материала ОМД-2Ф и эффективности его применения в схемах контактного фильтрования на многослойной загрузке с целью повышения технологической надежности и производительности очистных сооружений донских водопроводов: отчет о НИР (заключ.): / ЮРГТУ (НПИ) ПНИИВуВ ЮРГТУ (НПИ); рук. В.Н. Рычков; исполн.; Матерн А.И. – Новочеркасск, 2002. – 80 с.

Коротко об авторах

Кириллов М.В., аспирант, Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС)
kirillovmv.83@mail.ru

Научные интересы: проблемы загрязнения окружающей среды

Асонов А.М., д-р биол. наук, профессор кафедры «Инженерная защита окружающей среды», Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС)
Служ. тел.: (343)245-33-96

Научные интересы: решение проблем загрязнения окружающей среды

Briefly about the authors

M. Kirillov, Post-graduate student of the Department of the Engineering Protection of Environment of the Ural State University of Railway Transport
Areas of expertise: problems of environmental contamination

A. Asonov, Doctor of Biological Science, Professor. of the Department of the Engineering Protection of Environment of the Ural State University of Railway Transport

Areas of expertise: solution of environmental contamination problems

УДК 504.054.001.5; 504.064

Павленко Юрий Васильевич
Juri Pavlenko

ЭКОЛОГО-ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ТЕРРИТОРИЙ И ОБЪЕКТОВ

THE ECOLOGICAL AND GEOLOGICAL ESTIMATION OF THE TERRITORIES AND OBJECTS

Рассмотрены методы эколого-геологической оценки площадей, предложен способ отображения экологического состояния месторождений

The methods of ecological and geological estimation of areas are examined, the mode of description of the ecological condition of mineral deposits is suggested

Ключевые слова: эколого-геологическая оценка, ландшафты, морфоструктуры, геологические опасности, критерии оценки, месторождения, биокосная система

Key words: ecological and geological estimation, landscapes, morphostructures, geological perils, criteria of estimation, mineral deposits

Современный уровень развития производственных отношений характеризуется ужесточением требований к состоянию природопользования, стремлением к комплексной оценке эколого-геологических обстановок и степени нарушенности естественной геологической среды, необходимостью разработки мероприятий по мониторингу не только территорий, но и отдельных объектов и процессов. Вместе с тем, в некоторых последних работах по этому направлению не в полной мере освещаются многие важные стороны экологической проблемы территорий, а вопросы показателей степени экологической опасности отдельных объектов только ставятся. В связи с этим представляется целесообразным сведение требований по оценке эколого-геологической обстановки, предъявляемых к современным среднемасштабным геологическим картам, которые могут использоваться также для оценки относительно небольших площадей.

Государственные геологические карты

масштаба 1:200 000 второго поколения (Госгеолкарта-200/2) призваны решать крупные федеральные проблемы экологии и связанные с ними аспекты хозяйственной деятельности. Поскольку эти карты являются основным источником информации по рациональному природопользованию, последние требования к ним, уточненные в конце 2008 г., призваны обеспечить снижение уровня безопасного использования геологической среды на основе цифровых материалов [1].

Госгеолкарта-200/2 представляет собой комплект взаимосвязанных карт геологического содержания масштаба 1:200 000, сопровождаемый Базой данных без грифа ограничения доступа к ним. Эта карта предполагает использование материалов геологосъемочных, поисковых, разведочных, геофизических, геохимических, гидрогеологических и экологических, научных работ, аэрокосмосъемок. В комплект Госгеолкарты входит эколого-геологическая схема масштаба 1:500 000, составляемая для районов с относительно спокойной экологиче-

ской обстановкой, или эколого-геологическая карта масштаба 1:200 000, составляемая для районов с кризисной, а также напряженной экологической обстановкой (с развитой промышленностью, крупных городских агломераций).

Эколого-геологическая схема (ЭГС) призвана оценить эколого-геологическую ситуацию территории, разработать рекомендации по рациональному природопользованию, включая эксплуатацию минерально-сырьевых ресурсов с условием сохранения среды обитания. ЭГС сопровождается следующими схемами:

– геодинамической и геохимической устойчивости ландшафтных подразделений (СГГУ);

– эколого-геологической опасности (СЭ-ГО) или схемой районирования территории по эколого-геологической опасности масштаба 1:1 000 000.

На ЭГС показываются существующие геологические природные и техногенные объекты и процессы, которые могут влиять на экологическую обстановку. В их перечень входят следующие:

1) типы и формы рельефа с обобщенной характеристикой вещественного состава четвертичных и дочетвертичных образований. Среди морфоструктур выделяются:

– области денудации (высоко-, средне-, низкогорные, холмистые, равнинные);

– области транспортировки (речные, ледниковые, морские, эоловые, а также русла и поймы рек, современные ледники, пляжные и приливно-отливные побережья морей, пустыни с движущимися песками);

– области аккумуляции (холмистые и равнинные морфоструктуры подразделяются по генетическим признакам на аллювиальные, флювиогляциальные, пролювиальные, озерно-ледниковые, ледниковые, морские, техногенные).

В пределах морфоструктурных областей по ландшафтному признаку могут выделяться зоны, подзоны, районы, которые являются объектами экологической оценки;

2) природные геологические опасности, в том числе:

– экзогенные как опасные геологические процессы, включая:

– ареалы и зоны развития отмершего и активного карста, обвалов, курумов, маломощных щебнистых образований, отвалов и отседаний блоков и массивов горных пород на склонах, лавин, селей, оврагов, засоленных почв, солифлюкцию и др.;

– поля развития неблагоприятных отложений и форм рельефа (скальные выходы, уступы террас, стенки кратеров);

– ареалы активной водной, русловой и других эрозий, аккумуляции рыхлых отложений, геокриогенных явлений, зоны и ареалы просадок и вспучивания грунтов, заболачивания, периодических затоплений паводками, приливно-отливного воздействия, цунами и т.п.

– эндогенные опасности (сейсмичность, вулканизм, сольфатаро-фумарольная деятельность, радоноопасность, аномалии теплового поля, распространение термальных подземных вод и т.п.);

– эколого-геохимическая обстановка (природные геохимические и гидрогеохимические аномалии, их специализация, загрязнение компонентов геологической среды токсичными химическими элементами, геохимическая оценка экологического состояния территории);

3) техногенные комплексы и объекты, воздействующие на геологическую среду (населенные пункты и их экологическое состояние, транспортные магистрали и объекты промышленности, эксплуатируемые месторождения и сопровождаемые их объекты, энергетические объекты, сельскохозяйственные комплексы, ирригационные и мелиоративные, лесохозяйственные и прочие объекты). Техногенные объекты, нарушающие геологическую среду на поверхности, подразделяются на объекты:

– интенсивного нарушения (города, карьеры, крупные гидротехнические сооружения и связанные с ними зоны затопления, заболачивания, оползней и т.п.);

– средней степени нарушения – растительный покров нарушен на 70...80 %, орографические элементы изменены незначи-

тельно (места лесоразработок, геологоразведочных работ и подземной разработки полезных ископаемых, пахотные земли, животноводческие комплексы, транспортные магистрали и т.п.);

- малой степени нарушения – растительный покров нарушен менее чем на 50 %, орографические элементы не изменены (пастбищные, луговые земли и т.п.);

4) прочая информация, включающая границы:

- эколого-геологических подразделений;
- распространения потенциально опасных геологических образований, выходящих и не выходящих на поверхность;

- границы бассейнов стока поверхностных вод;

- границы районов (участков) с разной степенью защищенности подземных вод от загрязнения (незащищенные, локально-защищенные, условно защищенные, защищенные) с характеристикой мощности зоны аэрации, наличия выдержанных региональных или невыдержанных водоупоров (глинистые, криогенные), карстовых пород.

На схеме геодинамической и геохимической устойчивости ландшафтных подразделений (СГГУ) требуемые характеристики приводятся для каждого выделенного ландшафтного подразделения. Под устойчивостью ландшафта понимается его способность противодействовать природному, техногенному физико-химическому воздействию, геохимическому заражению и восстанавливать свои прежние параметры. Для определения возможных масштабов загрязнения учитывается способность геологической среды к аккумуляции загрязнителей, а также характер промышленных выбросов и стоков наиболее крупных предприятий территории. Необходимые для этого сведения о технологии производства, использовании сырьевых, водных, энергетических ресурсов, данные о количестве и составе газообразных, жидких и твердых выбросов содержатся в экологическом паспорте предприятия, который введен с 01.07.1990 г. (ГОСТ 17.0.0.04.-90) и

хранится в территориальном отделении по охране природы.

Критерии оценки геохимической устойчивости ландшафтов включают следующие факторы, определяющие устойчивость природных компонентов к загрязнению:

- тип ландшафта по условиям миграции загрязняющих веществ (денудационный, аккумулятивно-денудационный, аккумулятивный);

- сорбционная способность (низкая – для скальных, полускальных, крупнообломочных пород, средняя – для песков, супеси, крупнообломочных пород с супесчаносуглинистым заполнителем, высокая – для торфов, почвы, высокогумусовых глин, илов);

- тип водообмена грунтовых вод с атмосферой – путем использования коэффициента увлажнения «К» (инфильтрационный, $K=1$, инфильтрационно-испарительный, $K=1,0...0,33$, испарительный, $K=0,33$);

- годовой слой атмосферных осадков (соответственно сорбционной способности - ≥ 600 , $200...600$, ≤ 200 мм);

- объем биомассы, т/га (большой ≥ 3000 – леса южной тайги, широколиственные, средних $1000-3000$ – леса тайги, агроландшафты, малый ≤ 1000 – тундра, лесотундра, болота, степь, полупустыни);

- механический состав почвы (глины и суглинки, супеси, песок);

- содержание гумуса в почве, % ($1...2$, $3...5$, $6...10$);

- оценка устойчивости (высокая, средняя, низкая).

Те же критерии оценки геохимической устойчивости ландшафтов на основе естественных геологических опасностей подразделяются на:

- наиболее значимые, включающие вероятность природных катастроф (низкая – менее 1 раза за 50 лет, средняя – 1 раз за 50 лет, высокая – более 1 раза за 50 лет), вероятность эколого-геологических процессов, % (5 , $5...25$, ≥ 25), льдистость, % (0 , 40 , ≥ 40);

- значимые, включающие сейсмичность, в баллах (6 , $6...8$, 9 и более), инженерно-

геологическую группу пород (прочная – скальные, полускальные, средняя – связные породы, непрочная – рыхлые породы, в том числе в тектонических зонах), среднюю крутизну склонов, градус (3, 3...10, ≥ 10);

– менее значимые, включающие растворимость пород (отсутствует, средняя – карбонаты, высокая – гипс, соли), среднегодовую температуру грунтов, °С (выше 0, ниже минус 5, минус 5 – минус 6), закрепляемость поверхности растительностью (высокая – леса, средняя – травяной и моховой покров, низкая – растительность разреженная).

Для определения степени устойчивости территории (высокая, средняя, низкая) достаточен один наиболее значимый фактор или два значимых фактора, или три менее значимых (при условии, что остальные факторы имеют более высокую или равную степень устойчивости).

Схема оценки эколого-геологической опасности (СЭГО) отражает экспертную оценку экологической ситуации на изучаемой территории в зависимости от эндо- и экзодинамических процессов, возможности катастроф, степени ее геохимического, радиоактивного загрязнения.

Оценка экологической ситуации дается по критериям в следующих пяти градациях степени нарушенности среды:

– допустимая (благоприятная) – малоосвоенная территория с минимально распространенными и спокойными экзо- и эндодинамическими условиями, нерегулярными (редкими) проявлениями слабых по интенсивности природных геологических опасностей – геохимические и радиоактивные аномалии отсутствуют либо локальны и не превышают 8 ПДК;

– удовлетворительная – регулярное проявление (развитие) слабых по интенсивности и локальных по распространенности природных и техногенных опасных (экологически неблагоприятных) объектов и процессов; малая степень нарушенности среды – наличие участков с содержанием загрязняющих или опасных веществ не превышает 8...16 ПДК;

– напряженная – регулярное проявление преимущественно слабых природных и техногенных, экологически неблагоприятных объектов и процессов; средняя степень нарушенности среды – наличие отдельных локальных участков геохимического или радиоактивного загрязнения и т.п. в пределах 16...32 ПДК;

– кризисная – регулярное проявление умеренно опасных и редкое – интенсивно опасных природных и техногенных объектов и процессов, на локальных участках – интенсивная нарушенность природной среды; наличие локальных участков и ареалов с геохимическими и другими заражениями в пределах 32 ПДК;

– катастрофическая – повсеместное распространение опасных и особо опасных геологических природных и техногенных объектов и процессов, интенсивное нарушение среды обитания; обширные ареалы и потоки загрязнений, превышающие 32 ПДК.

Поскольку четкие критерии оценки еще не разработаны, во всех случаях следует в первую очередь учитывать интенсивность проявления опасных геологических процессов, интенсивность геохимического и радиоактивного загрязнения почвы, поверхностных, подземных вод и т.п. Отнесение к той или иной категории проводится по 1-2 признакам.

При оценке опасности геохимических и радиоактивных аномалий следует использовать значение ПДК или, при их отсутствии, степень отклонения от фонового содержания загрязняющих веществ, определенного на заданном чистых территориях.

На СЭГО выделяются территории, на которые распространяются ограничения ведения хозяйственной деятельности (границы заповедников, заказников, национальных парков, нерестовые участки рек и другие охраняемые территории) или выносятся различные природоохранные рекомендации.

Реально существующие геологические природные объекты в виде гипогенных месторождений полезных ископаемых на территории планшета масштаба 1:200 000 обычно являют-

ся точечными. По своей сути они представлены локальными первичными ореолами концентрации химических элементов различных классов экологической опасности. На ЭГС среднего масштаба месторождения неравномерно рассеяны на планшете геологической съемки. Изначально первичные ореолы отдельно взятого месторождения существенно не влияют на экологическую оценку геологических процессов, поскольку основная масса потенциально экологически опасных химических элементов, располагаясь ниже дневной поверхности, находится в условно законсервированном состоянии. Такие объекты экологически тревожны при их освоении – когда они переходят в разряд загрязняющих техногенных. В процессе техногенной миграции осуществляется массовая миграция химических элементов. Востребованные и, следовательно, используемые руды, продукты их обогащения и отходы требуют особого рассмотрения и тщательного изучения, а невостребованные – являются активными загрязнителями окружающей среды. Эти техногенные продукты подлежат учету, поскольку, находясь на поверхности, вовлекаются в различные, часто интенсивные физико-химические процессы, продукты которых могут рассеиваться на значительных площадях.

При оценке экологической ситуации территорий, связанной с присутствием месторождений, гораздо большее внимание заслуживают их вторичные геохимические ореолы, аномалии и потоки рассеяния. В этом случае при оценке опасности целесообразно использовать

элементы 1 и 2 классов опасности в виде аддитивного коэффициента концентрации, ранжированного по их ПДК (сумма целых величин превышений концентраций по каждому элементу). Значения аддитивных коэффициентов концентраций по классам предлагается записывать в виде дроби (например, 45/76 или суммарной величины, например, 121).

Обращает внимание, что во вторичном геохимически и физико-химически неоднородном поле наиболее высокие концентрации элементов приурочены к биокосной системе [3]. Эта система представляет почвенно-растительный слой, который в результате отмирания и многолетнего накопления растительности представляет природную среду концентрации практически всех химических элементов и является наиболее чувствительным индикатором степени экологической чистоты природной среды. На Жипкошинском кварц-антимонитовом месторождении Юго-Восточного Забайкалья аддитивный показатель концентрации загрязняющих компонентов почвы на месторождении достигает величины 60 [2]. Судя по тому, что на расстоянии 1 км от месторождения эта величина составляет 5, площадь аномалий токсичных элементов в биокосной системе существенно превышает размеры вторичных литохимических ореолов сурьмы и мышьяка. Следовательно, биокосная система, являющаяся наиболее информативным и доступным для исследования компонентом экологического состояния природной среды, является важнейшим объектом ее оценки.

Литература

1. Методическое руководство по составлению и подготовке к изданию Государственной геологической карты Российской Федерации масштаба 1:200 000. – М.: Роскомнедра, 2008. – 205 с.

2. Мязин В.П. Экологическая безопасность рентгенорадиометрической сепарации сурьмя-

ных руд Восточного Забайкалья / В.П. Мязин, Ю.В. Павленко, Е.Н. Сергеенко // Вестник ЧитГУ. – Чита, 2009. – № 6. – С. 37-45.

3. Перельман А.И. Геохимия: учебник для геол. специальности вузов / А.И. Перельман. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1989. – 528 с.

Коротко об авторе

Павленко Ю.В., д-р геол.-минер. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Тел.: 31-70-90

Научные интересы: мелко-среднемасштабное картирование, прогнозирование, оценка, разведка месторождений

Briefly about the author

Yu. Pavlenko, Doctor of Engineering Science (Geology and Mineralogy), Chita State University

Areas of expertise: geological mapping of small – medium scales, prognosis, estimation and exploration of the mineral deposits

Педагогика

УДК 504 (7)

**Несговорова Наталья Павловна
Natalia Nesgovorova**

**Савельев Василий Григорьевич
Vassily Savelyev**

**ФОРМИРОВАНИЕ КОГНИТИВНОГО
КОМПОНЕНТА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
СТУДЕНТОВ ВУЗА В ПРОЦЕССЕ ПРАКТИКО-
ОРИЕНТИРОВАННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**THE FORMATION OF THE COGNITIVE
COMPONENT OF HIGH SCHOOL STUDENTS'
ECOLOGICAL CULTURE IN THE PROCESS OF
PRACTICE-ORIENTED EDUCATIONAL ACTIVITIES**

Формирование когнитивного компонента экологической культуры студентов вуза происходит более эффективно в процессе практико-ориентированной образовательной экологической деятельности, под которой следует понимать один из важнейших видов деятельности, в процессе которой личность, познавая окружающий мир, взаимодействует со средой, воздействует на нее, преобразует

The formation of the cognitive component of the high school students' ecological culture goes on more effectively in the process of practice-oriented educational ecological activity, which should be viewed as one of the most important types of activity, in the process of which the individual, while perceiving the outside world, interacts with the environment, influences and transforms it

Ключевые слова: экологическая культура, экологическая деятельность, практико-ориентированная образовательная деятельность

Key words: ecological culture, ecological activity, practice-oriented educational activities

Формирование экологической культуры социума – одна из актуальнейших задач современности, обусловленная состоянием взаимоотношений в системе «человек-общество-природа». По мнению Н.Ф. Реймерса, экологическая культура – это «этап и

составная часть развития общечеловеческой культуры, характеризуемые острым, глубоким и всеобщим осознанием насущной важности экологических проблем в жизни и будущем развитии человечества» [4]. В рамках деятельностного подхода экологическая культура вы-

ступает как способ, мера и результат деятельности человека и общества; это тот механизм, который регулирует взаимоотношения человека и социоприродной среды, являясь при этом и системой ценностей, и уровнем овладения ими. Поэтому экологическую культуру целесообразно рассматривать как сложное и динамическое образование, отражающее процесс и результат человеческой деятельности.

С нашей точки зрения, экологическая культура, являясь частью общечеловеческой культуры, определяет характер и качественный уровень отношений между человеком и социальной средой. Она проявляется в системе ценностных ориентаций, мотивирующих экологически обоснованную (природосообразную) деятельность, реализуется во всех ее видах и результатах, связанных с познанием, использованием и научно обоснованным преобразованием природы и общества, в поведении человека [2].

На основании изложенного приходим к выводу о том, что экологическая культура является интегральной характеристикой, вбирающей множество показателей, объединяемых нами в когнитивно-операциональный, аксиологический, результативно-деятельностный компоненты.

В настоящей статье мы останавливаемся на когнитивно-операциональном компоненте, формируемом в процессе практико-ориентированной образовательной деятельности студентов вуза.

С позиции родового понятия «практика» – это деятельность людей, в которой они, воздействуя на материальный мир в процессе производства, преобразуют его [1]. В рамках практики экодеятельность следует рассматривать как специфическую человеческую форму отношения к биосфере в процессе ее преобразования. В структуре экодеятельности нами выделены два компонента:

- 1) деятельность по познанию окружающего мира;
- 2) практико-ориентированная деятельность в адрес среды.

Учитывая, что под деятельностью принято понимать занятие, труд [1], под *практико-ориентированной экологической деятельностью* следует понимать вид занятий, в котором личность воздействует на окружающую среду, преобразуя ее. Практико-ориентированная деятельность может быть направлена на сохранение, восстановление, благоустройство социально-природной и природной среды, на пользование природными ресурсами.

Формирование когнитивно-операционального компонента экологической культуры в процессе практико-ориентированной образовательной деятельности предполагает освоение экологизированного содержания, уровень которого можно оценить по полноте, научности, системности и осознанности знаний, а также формирование комплекса умений переноса знаний в новые условия, проектирования и анализа собственной экологически направленной деятельности.

Критериальная шкала оценки сформированности данного компонента в структуре экологической культуры студента имеет трехуровневое построение (низкий, средний, высокий).

При низком уровне объем экологических знаний ниже требований стандарта, их научность проявляется в знакомстве с экологическими понятиями, не связанными с практикой. Что касается системности знаний, то между терминами и понятиями отсутствует взаимосвязь. Полученные знания не осознаются, используются по образцу, перенос их на практику не осуществляется либо осуществляется с грубыми ошибками. Проектирование практико-ориентированной экодеятельности не осуществляется, она реализуется по образцу. Умения анализировать деятельность не развиты.

На среднем уровне объем знаний соответствует нижней планке образовательного стандарта, научность проявляется в оперировании понятиями, теориями и законами, подкрепленными примерами из практики, четкой картины мира в сознании не сформировано.

Умение переносить знания в плоскость практико-ориентированной деятельности развито слабо. Использование знаний осуществляется в рамках одного предмета. Отмечается умение проектировать деятельность по образцу, способность к разработке нескольких альтернативных вариантов, умение обосновывать и выбирать наиболее оптимальный. В то же время на данном уровне не сформированы умения выделять существенные признаки основных компонентов самой деятельности, проведения ее анализа.

При высоком уровне отмечается полное соответствие объема знаний требованиям образовательного стандарта, научность проявляется в формулировании гипотез, составлении экологических проектов, знания упорядочены, взаимосвязаны, объединены в научную картину мира. Осознанность полученных знаний проявляется в способности к объяснению взаимосвязей и взаимоотношений в природе и обществе. Умения использовать знания на практике настолько прочны, что не утрачиваются, даже если знания практически не применяются. Наблюдается хорошо сформированное умение самостоятельно переносить научные знания экологического характера в плоскость практико-ориентированной деятельности, обобщать, использовать знания из других предметов. Сформировано умение включать элементы экологизации в деятельность, разрабатывать несколько вариантов проектов, выбирать оптимальный, нестандартный вариант, доказывать правильность выбора. Отмечается умение анализировать деятельность, заключающуюся в самостоятельном выделении существенных признаков основных компонентов, установлении причинно-следственных связей, определении основных признаков неудач. Результаты теоретического исследования нами подтверждены эмпирическими данными, полученными в процессе наблюдений в деятельности. Для этого нами проведено исследование, в рамках которого изучалась динамика формирования экологической культуры у студентов вуза в процессе практико-

ориентированной образовательной деятельности. Базой экспериментальной работы являлся факультет естественных наук, участниками опытно-экспериментальной работы – студенты специальности «Экология».

Наблюдение за процессом формирования когнитивно-операционального компонента экологической культуры в структуре личности студента осуществлялось в процессе полевого практикума, организуемого в различной форме. В контрольной группе практика проводилась в традиционной, фронтальной форме, обозначенной инструкцией по проведению полевых практик и программой учебного предмета, по строго определенному расписанию, с частичным использованием элементов самостоятельной работы, относящихся по своему характеру к реконструктивно-вариативным (по классификации П.И. Пидкасистого). Данный вид работы требует переноса известного способа (усвоенных умений в процессе лабораторно-практических занятий) с некоторой его модификацией в необычную (полевые условия) ситуацию.

Экспериментальные группы участвовали в комплексном экологическом практикуме, включавшем учебную практику студентов первого, третьего курсов, производственную практику студентов четвертого курса. Такая практика организуется в виде самостоятельной работы на межпредметном уровне с использованием частично-поисковых и исследовательских самостоятельных работ. Практико-ориентированная деятельность студентов, комплексная по своему характеру, по способу организации – в форме временных творческих коллективов, в состав которых входило 3...4 чел. В каждой микрогруппе руководителем был студент 4 курса.

Комплексная полевая практика выводит процесс обучения на высокий уровень трудности, он становится развивающим, осуществляется более быстрыми темпами, способствует обеспечению комплексной ведущей роли теории в сочетании с формированием умений прикладного характера, учете особенностей всех обучаемых.

Динамика формирования когнитивного компонента
экологической культуры студентов, %

Характеристика когнитивно-операционального компонента		Контрольная группа			Экспериментальная группа		
		1	2	3	1	2	3
Полнота познания	До практики	41,4	58,6	0,0	40,0	60,0	0,0
	После практики	30,1	61,5	8,4	6,7	53,3	40,0
Научность	До практики	38,4	43,4	18,2	26,7	53,3	20,0
	После практики	20,0	60,0	20,0	0,0	33,3	66,7
Системность	До практики	32,8	64,3	2,9	6,3	87,5	6,3
	После практики	20,0	60,0	20,0	0,0	56,3	43,8
Осознанность	До практики	35,3	36,4	28,3	6,3	62,5	31,3
	После практики	25,3	42,1	32,6	0,0	31,3	68,8
Умение переноса знаний*	До практики	15,3	56,4	28,3	6,3	62,5	31,3
	После практики	10,6	45,9	43,5	0,0	12,5	87,5
Умение проектировать деятельность**	До практики	32,4	67,6	0,0	21,5	47,3	31,3
	После практики	0,0	100,0	0,0	0,0	13,3	86,7
Умение анализировать деятельность***	До практики	27,4	54,8	17,8	0,0	60,6	39,4
	После практики	6,7	73,3	20,0	0,0	50,0	50,0

Примечание: *умение переносить знания экологического характера в плоскость практико-ориентированной деятельности; ** умение проектировать практико-ориентированную деятельность; *** умение анализировать собственную практико-ориентированную деятельность

Анализ полученных эмпирических данных показал, что объем знаний у студентов экспериментальной и контрольной групп до начала полевой практики практически одинаков. Объем знаний, соответствующий лишь нижней планке образовательного стандарта, выявлен у 61,5 % студентов контрольной группы, в экспериментальной группе на 8,2 % меньше. Кроме того, уровень знаний, не соответствующий требованиям образовательного стандарта, выявлен у 30,1 % студентов контрольной и у 6,7 % студентов экспериментальной группы до начала практики. После практики примерно у 40 % студентов экспериментальной группы объем знаний стал соответствовать стандарту. Среди студентов контрольной группы этот показатель ниже на 31,6 %.

В контрольной группе в начале экспери-

мента у большинства студентов выявлена способность оперировать понятиями, теориями и законами, подкреплять их примерами из практики. После практики повысили способность к названному виду деятельности еще 16,6 % студентов. Незначительно выросло число студентов, которые могут сформулировать гипотезы, составлять экологические проекты.

В экспериментальной группе наблюдается значительное увеличение числа студентов с высоким уровнем знаний, способных свободно формулировать гипотезы и разрабатывать экологические проекты. У этих студентов после прохождения практики наблюдались изменения в мировоззрении. Произошло упорядочение, связывание знаний в единую картину мира, что наблюдается у большинства участников экспериментальной группы.

В контрольной группе результаты несколько ниже (рост на 17,1 %, в экспериментальной – на 37,5 %); 20 % студентов контрольной группы и после практики не способны провести взаимосвязь между терминами и понятиями, законами, научная картина мира у них так и осталось не сформированной.

В экспериментальной группе таких студентов не оказалось. Следовательно, комплексная практика способствует связыванию знаний в систему, в научную картину мира.

Полученные результаты могут быть объяснены тем, что объединение практик по нескольким предметам способствует соединению разрозненных знаний в единое целое, чего не наблюдается при проведении практик по отдельно взятым предметам.

Наши предположения подтверждаются результатами изучения уровня осознанности знаний. Среди студентов контрольной группы до полевой практики 35,3 % используют знания только в знакомой ситуации, еще 36,4 % переносят знания в меж- и внутрипредметную среду, 28,3 % способны к объяснению взаимосвязей и взаимоотношений в природе и обществе. В экспериментальной группе лишь 6,3 % студентов используют знания только в знакомой ситуации, 62,5 % переносят знания в меж- и внутрипредметную среду, 31,3 % способны к объяснению взаимосвязей.

После практики наблюдается снижение количества студентов, использующих знания по образцу. В экспериментальной группе таких студентов нет. В этой группе отмечен значительный рост числа студентов, объясняющих взаимосвязи в природе и обществе. В контрольной группе количество студентов, переносящих знания в меж- и внутрипредметную среду и способных к объяснению взаимосвязей, возросло на 5,7 и 4,3 % соответственно.

Выявленная динамика получила дополнительное подтверждение при рассмотрении способности переносить знания из теории в практику. До практики часть студентов не умели осуществлять такой перенос либо осуществляли его с грубыми ошибками. В контрольной

группе их больше на 9 %. После практики в экспериментальной группе студентов с данными затруднениями не выявлено, в контрольной группе их количество составило 10,6 %.

У студентов обеих групп умение переносить знания в плоскость практико-ориентированной деятельности до практики развито слабо. Число студентов с таким умением на 6,1 % больше в экспериментальной группе до практики, а после практики разница составляет 33,4 %.

До полевой практики число студентов, умеющих самостоятельно переносить научные знания экологического характера в плоскость практико-ориентированной деятельности, обобщать, использовать знания из других предметов, в экспериментальной группе на 3 % больше, после практики – на 44 %.

Студентов, не владеющих умением проектировать практико-ориентированную деятельность либо владеющих им в недостаточной степени, до практики на 10,9 % в контрольной группе больше, чем в экспериментальной. После прохождения практики в контрольной группе 100 % студентов демонстрируют умение проектировать деятельность по образцу. В экспериментальной группе лишь 13,3 % студентов проектируют ее по образцу.

Умением включать элементы экологизации в практико-ориентированную деятельность владеют 20 % студентов контрольной группы и 60,6 % экспериментальной группы до прохождения практики. В экспериментальной группе после прохождения полевой практики 86,7 % студентов умеют включать элементы экологизации в практико-ориентированную деятельность. Рост числа студентов, умеющих переносить экологические знания в плоскость практико-ориентированной деятельности, в экспериментальной группе происходит более интенсивно.

В процессе комплексной полевой практики число студентов, не умеющих выделять существенные признаки основных компонентов практико-ориентированной деятельности и проводить анализ их роли в получении результата, и тех, кто самостоятельно выделяет эти

признаки и может определить основные признаки неудач практико-ориентированной деятельности, становится равным. В контрольной группе преобладают студенты, не умеющие выделить существенные признаки практико-ориентированной деятельности и проводить анализ их роли в получении результата. В этой же группе незначительно увеличивается процент студентов, умеющих определить основные признаки неудач практико-ориентированной деятельности.

В процессе проведенного исследования и обработки полученных данных можно сделать следующие выводы:

– в начале эксперимента существенных различий между уровнем сформированности когнитивно-операционного компонента экологической культуры у студентов обеих групп по выделенным показателям практически не существует;

– проведение практики в форме комплексного практикума способствует повышению эффективности решения задач обучения, формирования профессионально важных качеств личности студентов. Доказательством тому служат более высокие показатели уровня знаний, сформированности основных умений, формируемых в процессе активной самостоятельной практической деятельности;

– комплексное проведение практики способствует более эффективному формированию изучаемых показателей когнитивно-операционного компонента экологической культуры у студентов;

– организация и проведение полевых практик с большой долей самостоятельности и научности повышает эффективность формирования более высокого уровня направленности экодеятельности.

Литература

1. Ожегов С.И. *Словарь русского языка* / С.И. Ожегов. – М.: Мир и Образование, 2004. – 1200 с.
2. Несгворова Н.П. *Экологическое образование. Введение в предмет* / Н.П. Несгворова. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004. – 163 с.
3. Несгворова Н.П. *Формирование готов-*

ности педагогов-экологов. Вопросы теории и практики / Н.П. Несгворова. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. – 228 с.

4. *Экологическое образование в России*. – М.: РЭФИА, 1995.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Несгворова Н.П., канд. пед. наук, доцент, Курганский государственный университет (КГУ)
Nesgovorova @yandex.ru

N. Nesgovorova, Candidate Of Pedagogics, Associate Professor, Kurgansk State University

Научные интересы: экология, экологическое образование

Areas of expertise: ecology, ecological education

Савельев В.Г., ассистент, Курганский государственный университет (КГУ)
Nesgovorova @yandex.ru

V. Savelyev, Assistant, Kurgansk State University

Научные интересы: экология, экологическое образование

Areas of expertise: ecology, ecological education

Трофимова Оксана Владимировна
Oxana Trofimova

**НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ ПО ОБУЧЕНИЮ
КРИТИЧЕСКОМУ АУДИРОВАНИЮ НА УРОКАХ
РУССКОГО ЯЗЫКА (ПРИ СЛУШАНИИ УСТНОГО
РАЗВЕРНУТОГО ОТВЕТА НА ЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ ТЕМУ)**

**ACTIVITIES ON TRAINING OF CRITICAL
LISTENING COMPREHENSION AT RUSSIAN
LANGUASGE LESSONS (AT AUDITION OF THE
DETAILED SPEECH CONCERNING LINGUISTICS)**

Дано описание содержания обучения критическому аудированию на уроках русского языка. Обоснована необходимость разработки целостной системы обучения критическому аудированию при обучении русскому родному языку, т.к. критически осмысливать информацию – важное умение, характеризующее школьника как субъекта учения

The article deals with the description of the essence of the training of critical listening comprehension at Russian language lessons. The author explains the necessity to elaborate the integral system of training of critical listening comprehension at Russian language lessons, because critical comprehension of the information is an important ability, characterizing pupils as subjects of learning

Ключевые слова: критическое аудирование, умение, контроль, устный ответ

Key words: critical listening comprehension, skill, control, speech

Под критическим аудированием мы понимаем такой вид аудитивной деятельности, при котором реципиент осуществляет осмысление как воспринятой информации с точки зрения истинности/ложности, новизны/известности, согласия/несогласия и т.п., так и собственной аудитивной деятельности. Критическое аудирование является компонентом коммуникативной, информационной, социальной и других ключевых компетенций. Осознанно слушать, критически воспринимать, анализировать услышанное, сопоставлять услышанное с ранее известным и т.п. – умения, необходимые человеку в жизни. Поэтому считаем, что обучение критическому аудированию является одной из актуальных задач

современной школы.

Учебный предмет «Русский язык» обладает особым потенциалом в обучении аудированию, т.к. обучение восприятию речи на слух – одна из задач данного курса [2]. Однако содержание обучения критическому аудированию в нормативных документах не определено, поэтому необходима разработка содержания обучения критическому аудированию, в первую очередь, как общепредметному умению, которым должен обладать ученик как субъект учения.

Традиционно устный развернутый ответ на лингвистическую тему считается методом контроля и определения уровня знаний и умений учащегося. Однако устный развернутый

ответ можно признать эффективным средством обучения критическому аудированию.

Обучение критическому аудированию на уроках русского языка может осуществляться в двух направлениях:

1) формирование у школьников умений критически осмысливать воспринимаемую на слух информацию, содержащуюся в устном развернутом ответе на лингвистическую тему;

2) формирование у школьников умений критически осмысливать собственную аудитивную деятельность.

Первое направление представлено следующим содержанием:

1) понятиями и формируемыми на их основе знаниями: устный развернутый ответ как жанр учебно-научной речи; содержание устного развернутого ответа; структура устного развернутого ответа; план оценивания ответа (параметры и критерии, по которым оценивается ответ);

2) умениями и способами действия: а) на этапе ориентировки и планирования действия (слушания): актуализировать теоретический материал, знание которого необходимо оценить в ответе товарища; настраиваться на критическое слушание устного развернутого ответа; б) на этапе реализации (осуществления слушания): сопоставлять материал ответа с материалом параграфа (рассказом учителя); определять соответствие устного развернутого ответа критериям оценивания; в) на этапе контроля результатов: давать развернутую аргументированную оценку прослушанного ответа; формулировать советы ответившему товарищу по улучшению ответа.

Второе направление представлено следующим содержанием:

1) понятиями и формируемыми на их основе знаниями: слушание как вид речевой деятельности; виды слушания; цели слушания;

2) умениями и способами действия: а) на этапе ориентировки и планирования действия (слушания): воспринимать инструкцию к заданию; настраиваться на слушание (сосредоточивать внимание, вдумываться в форму-

лировку вопроса); осознавать и определять мотивы слушания, ставить перед собой цели слушания; прогнозировать то, о чем должен рассказать ученик, отвечая на вопрос учителя; планировать процесс слушания, фиксировать различными способами информацию;

б) на этапе реализации (осуществления слушания): следовать инструкции к заданию; не отвлекаться от процесса восприятия на слух; слушать в соответствии с поставленной целью; соотносить содержание, спрогнозированное до слушания, с содержанием, воспринимаемым во время слушания; фиксировать информацию разными способами;

в) на этапе контроля результатов: контролировать следование инструкции к заданию; контролировать, анализировать и оценивать свои способности настраиваться на слушание и не отвлекаться в процессе слушания; анализировать и оценивать, достигнуты ли цели слушания; анализировать и оценивать способность антиципации, причины неуспешного прогнозирования; контролировать, анализировать, оценивать и корректировать свою способность фиксировать информацию во время слушания; соотносить свой результат с аналогичной работой одноклассников; анализировать и сравнивать свои и чужие результаты аудирования и в соответствии с этим корректировать свою аудитивную деятельность.

В соответствии с описанным содержанием обучения критическому аудированию устного развернутого ответа на лингвистическую тему в рамках деятельностного подхода в качестве требований к подготовке ученика назовем следующее: ученик должен знать, понимать:

1) что такое устный развернутый ответ как жанр учебно-научной речи; что составляет содержание устного развернутого ответа; какова структура устного развернутого ответа; план оценивания устного развернутого ответа; критерии оценивания ответа;

2) что такое слушание как деятельность; чем отличаются понятия «слушаю» и «слышу»; каким видом слушания необходимо воспользо-

ваться в конкретной ситуации; с какой целью можно слушать (узнать новое, оценить ответ или высказывание товарища, свою аудитивную деятельность).

Обучение критическому аудированию должно соотноситься с фазами речевой деятельности (ориентировки в ситуации общения, планирования действия, реализации действия, контроля и коррекции результатов) [1; С. 8] и сопровождаться рефлексивным осознанием учащимися собственных аудитивных действий.

В результате обучения ученик должен уметь, быть способен:

1) прогнозировать содержание ответа на основе вопроса учителя; актуализировать теоретический материал, знание которого необходимо оценить в ответе товарища; настраиваться на критическое слушание устного развернутого ответа; сопоставлять информацию устного ответа с информацией, изложенной в параграфе (рассказе учителя); определять соответствие содержания устного развернутого ответа критериям оценивания; давать развернутую аргументированную оценку прослушанному ответу; формулировать советы ответившему товарищу по улучшению ответа;

2) воспринимать инструкцию к заданию; настраиваться на слушание (сосредоточивать внимание, вдумываться в формулировку во-

проса); осознавать и определять собственные мотивы слушания, ставить цели слушания; планировать процесс слушания, фиксировать информацию различными способами; следовать инструкции к заданию; не отвлекаться от слушания; слушать в соответствии с поставленной целью; соотносить содержание, спрогнозированное до слушания, с содержанием, воспринимаемым во время слушания; фиксировать воспринимаемую информацию различными способами; контролировать, анализировать и оценивать свои способности, настраиваться на слушание и не отвлекаться в процессе слушания; анализировать и оценивать, достигнуты ли цели слушания; анализировать и оценивать способность антиципации, причины неуспешного прогнозирования; контролировать, анализировать, оценивать и корректировать свою способность фиксировать информацию во время слушания; соотносить результат своей аудитивной деятельности с аналогичной работой одноклассников; анализировать и сравнивать свои и чужие результаты аудирования и в соответствии с этим корректировать свою аудитивную деятельность.

Безусловно, данный подход не претендует на полноту, требует осмысления и дальнейшей разработки.

Литература

1. Капинос В.И. // Развитие речи: теория и практика обучения: 5-7 кл.: книга для учителя / В.И. Капинос, Н.Н. Сергеева, М.С. Соловейчик. – М.: Просвещение, 1991. – 342 с.

2. Федеральный компонент Государствен-

ного стандарта общего образования / Сборник нормативных документов. Русский язык / Сост. Э.Д. Днепров, А.Г. Аркадьев. – М.: Дрофа, 2004. – 96 с.

Коротко об авторе

Трофимова О.В., ст. преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)
Служ. тел.: 8 (3022) 35-28-22

Научные интересы: формирование коммуникативной компетенции школьников на уроках русского языка, проблема обучения аудированию, культура речи

Briefly about the author

O. Trofimova, Senior Teacher of the Department of the Russian Language and Methods of its Teaching, Transbaikalian State Humanitarian and Pedagogical University, Named after N.G. Chernyshevsky

Areas of expertise: formation of communicative competence of pupils at Russian language lessons, problems of listening comprehension training, speech culture

УДК 371/5

Хренова Татьяна Петровна
Tatyana Khrenova

УКЛАД ЖИЗНИ ШКОЛЫ В КОНТЕКСТЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

THE WAY OF SCHOOL LIFE IN A CONTEXT OF PEDAGOGICAL KNOWLEDGE

Рассматривается актуальность введения понятия «уклад жизни школы», выделяются его признаки в опоре на теорию и практику использования данного понятия в философии, социологии и педагогике

The article considers the urgency of introduction of a concept of «way of school life», shows its attributes based on the theory and practice of use of the given concept in philosophy, sociology and pedagogics

Ключевые слова: уклад школьной жизни, сферы действия уклада: культурно-духовная, политическая (идеологическая), организационно-образовательная

Key words: way of school life, sphere of action of the way, cultural-spiritual, political (ideological), organizational-educational

Начало 90-х гг. XX в. характеризуется инновационным развитием российского сообщества, создающим новый образ жизни – новый уклад, определяющийся изменениями в идеологии, экономике, общественной жизни России, опирающийся на иные смыслообразующие представления о мире, о месте человека в этом мире.

Новый заказ государства и общества образованию влечет за собой смену парадигмы образования, что приводит к осмыслению необходимости формирования уклада школьной жизни, отвечающего вызовам нового времени. Осуществляющиеся в России правовые и экономические реформы, модернизация образования в числе главных приоритетов провозглашают потребность общества в воспитании граждан, уважающих права и свободы личности, являющихся носителями гуманистических ценностных ориентаций, обладающих высокой духовно-нравственной культурой. Данные приоритеты закреплены в принятом на Санкт-

Петербуржской Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные задачи гражданского образования России» Меморандуме, провозгласившим в сентябре 2002 г. компоненты демократического уклада жизни школы.

В январе 2003 г. письмом Министерства образования Российской Федерации «О гражданском образовании учащихся общеобразовательных учреждений Российской Федерации» уточнены положения меморандума и, в частности, говорится о том, что гражданское образование «...представляет собой единый комплекс, стержнем которого является политическое, правовое и нравственное образование, реализуемое посредством организации учебных курсов, внеклассной и внеурочной работы, а также создания демократического уклада школьной жизни ...».

Развитие демократического уклада жизни имеет глубокие исторические корни. В начале XX в. американский философ, психолог и педагог Джон Дьюи в своей работе «Реконст-

рукция в философии» утверждал, что школа в условиях демократии служит осуществлению демократической идеи. Дьюи основал культуру- и ребенкосообразную школу, связывающую процесс социализации, освоение ребенком мира с индивидуальным учением, базирующимся на его личном опыте. Он так характеризует уклад жизни своей школы: «... в школе жизнь ребенка становится все определяющей целью. Обучение? Конечно, но жизнь – на первом месте, а обучение только при содействии этой жизни и для нее» [3; С. 54]. В школе Дж. Дьюи была заложена возможность обучающего сотрудничества как в самом образовательном пространстве, так и в создании специальных педагогических проблемных ситуаций.

Известный российский педагог С.Т. Шацкий в 1903 г. пишет о том, что «новый уклад жизни, новых людей должна дать школа» [8, Т.1, 108]. Рассматривая педагогическую деятельность Л.Н. Толстого, он обращает внимание на рассуждения писателя о духе школы, составляющем сущность, успешность учения. Подхватывая и развивая эту мысль, С.Т. Шацкий делает вывод о причинах неудач в педагогической деятельности и говорит о том, что они часто определяются соотношениями «... между преподаванием и уровнем текущей жизни класса Социальная сторона школьной жизни всегда реальна, всегда действительна, но постоянно находится вне области педагогического понимания. Разбираться в ней – значит устранить многие тормозы общения с детьми», мешающие им продуктивно использовать свое школьное время, т.е. время организованной жизни [8, Т2, С. 47]. Главная задача школы, – считал С.Т. Шацкий, – организовать разнообразную, разносторонне развивающую и воспитывающую деятельность детей.

В Советской России влияние уклада жизни школы на эффективность образовательного процесса рассматривали такие педагоги, как А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский. Они описывали специфическую атмосферу, дух, стиль взаимоотношений участников образовательного процесса, каждый из которых

создал в собственной практике такое образовательное учреждение, которое отличалось от других именно своим, самобытным укладом.

Наши современники И.О. Фруммин, А.А. Пинский, В.И. Зверева, М.М. Поташник, А.Н. Тубельский в своих работах также раскрывают роль скрытого содержания образования, именно этим термином определяют уклад школьной жизни их зарубежные коллеги Я. Миллер, У. Селлев, Х. Даниелс, Н. Оверлей.

Рассматривая пути создания эффективной российской школы, П. Монтимор, А. Пинский утверждают, что различные педагогические коллективы достигают хороших результатов за счёт таких факторов, как уклад жизни школы. По мнению В. И. Зверевой, школьная культура, включающая систему ценностей, норм, традиций, обычаев, подходов к решению школьных проблем, является важным составным компонентом педагогической системы школы. Раскрывая вопросы проектирования развития школ, М.М. Поташник рассматривает развитие школы как изменение и становление социальной (гуманистической) системы, имеющей признаки «живого организма», и говорит о том, что в связи с этим школа должна иметь свой дух, традиции, эмоциональный настрой.

В исследовании Г.Н. Козловой по теме: «Воспитание в системе деятельности отечественной общеобразовательной средней школы (первая половина XX в.)» высказывается мысль о том, что выделение ведущей, специфической в отношении обучения и социализации личности формы воспитания – «уклада жизни», способствует его закреплению как главного фактора воспитания. Последний действует на уровне учреждения в целом, создает новое направление для обновления форм, средств воспитания в их единстве с целями и показателями эффективности.

Впервые к проблеме определения понятия «уклад жизни» обратились социологи России (Е. Ануфриев, И. Бестужев-Лада, А. Бутенко, А. Ципко), которые в 70-90 гг. прошлого столетия проводили исследования в рамках

концепции образа жизни человека. Они пришли к выводу, что под образом жизни следует понимать совокупность форм деятельности, взятых в неразрывном единстве с условиями этой деятельности. По отношению к укладу жизни было признано, что это понятие носит преимущественно социально-экономический характер и должно применяться для характеристики элементов общественного хозяйства, типичных для той или иной группы или общества в целом.

Впоследствии понятие «уклад» пополнилось новым содержанием. В частности, Ю.И. Семёнов определяет общественно-экономический уклад как «более или менее сложившаяся, оформившаяся совокупность производственных отношений...» [4; С. 27]. М.Я. Гефтер даёт определение, которое расширяет наполненность понятия «уклад». Это уже не просто совокупность общественных отношений, но и общественный строй и, следовательно, в него, наряду с производством, входит культурно-духовная и идеологическая сферы, что для понимания смысла уклада жизни школы наиболее важно [2].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что *уклад – это порядок, который характеризуется отношениями в культурно-духовной, политической, производственной сферах.*

Уклад – явление динамичное, связанное с изменениями в различных сферах жизнедеятельности. Именно на этот аспект обращает внимание С.А. Никольский (2001 г.). По его мнению, «уклад есть постоянно воспроизводящаяся, затухающая (деградирующая) или развивающаяся *система общественных отношений* в рамках конкретного типа хозяйственно-экономической деятельности человека, испытывающая на себе воздействия производственных (технологических), идеологических и культурно-духовных новаций, которые включаются в уклад как в результате усилий отдельных индивидов, так и через систему общественных и государственных институтов и организаций» [4; С. 27].

Как видим, определение понятия уклада жизни школы вызывает затруднение ввиду его широты и отсутствия однозначности. Отчасти это понятие воспринимается субъективно, но, тем не менее, складывается некий смысловой контур.

Ученый и педагог А.Н. Тубельский определяет понятие «уклад жизни школы» как «...совокупность таких условий, как атмосфера школьной жизни, образовательный процесс, взаимоотношения учителей и учеников между собой, разрешение всевозможных проблем и конфликтов, нормы и правила школьной жизни...» [7; С. 4].

Уклад жизни школы, – считает Г.К. Селевко, — это его обобщённая характеристика, отражающая относительно устойчивые и постоянно поддерживаемые особенности, наиболее значимые для содержания и качества жизни детей и взрослых в школе. Уклад жизни школы рассматривается им, прежде всего, через призму условий бытия членов сообщества, видов их деятельности, действующих норм и правил поведения, реальных возможностей, создаваемых для школьников, характер взаимоотношений в коллективе детей и взрослых [6].

В рассуждениях доктора педагогических наук Е.А. Александровой подчеркивается роль системы межличностных отношений педагогов, детей, родителей, администрации, других сотрудников и представителей фирм и учреждений городского/сельского сообщества в формировании уклада сообщества. «Уклад есть некий устоявшийся *порядок жизнедеятельности школы* как социального института в целом», – утверждает Е. Александрова [1; С. 62].

Определяя уклад как *способ* организации жизни, как интегративную характеристику, Н.Ю. Конасова пишет: «В самом общем виде уклад – это тот или иной способ организации жизни. Уклад школьной жизни – характеристика, интегрирующая в себе проявления различных компонентов образовательной системы: общих целей образования, образовательных целей учащихся, педагогических целей, со-

держания образования, организации образовательного процесса, отдельных образовательных технологий» [9; С. 146].

Таким образом, рассмотрение разных точек, анализ предложенных определений понятия «уклад жизни школы» позволяет делать вывод о том, что уклад жизни школы – *порядок жизнедеятельности школы*, который определяется *системой общественных отношений* между участниками образовательного процесса. Данная система отношений может воспроизводиться, деградировать или развиваться в рамках конкретного типа образовательной деятельности учреждения под действием тех-

нологических, идеологических и культурно-духовных новаций, которые включаются в уклад как в результате усилий отдельных педагогов (учащихся, родителей), так и через систему общественных и государственных институтов и организаций. Уклад жизни школы, таким образом, представляет собой каркас, который выстраивает, обеспечивает взаимосвязи всех сфер деятельности школы, играет интегративную функцию и связывает воедино когнитивные, ценностные, регулятивные смыслы жизнедеятельности школьного организма.

Литература

1. Александрова Е.А. Уклад образовательного учреждения как фактор развития его пространства / Е.А. Александрова // Уклад школы будущего: сб. науч. ст. / Под ред. Н.Б. Крыловой. – М.: НИИ школьных технологий, 2007. – С. 62-74.

2. Гефтер М.Я. Многоукладность – характеристика целого / М.Я. Гефтер // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. – Свердловск, 1972. – 90 с.

3. Дьюи Д. Демократия и образование: пер с англ. / Д. Дьюи. – М.: Педагогика – Пресс, 2000. – С. 54.

4. Никольский С.А. Аграрная экономика, сельская общность и проблема социально-экономических укладов / С.А. Никольский // Вопросы философии. – 2000. – № 12. – С. 16-27.

5. Семенов Ю.И. Категория «общественно-

экономический уклад», ее значение для философской и исторических наук / Ю.И. Семенов // Философские науки. – 1964. – № 3. – С. 27.

6. Селевко Г. Уклад жизнедеятельности современной школы / Г. Селевко, О. Соловьева // Народное образование. – 2006. – № 1. – С.183-188.

7. Тубельский А.Н. Формирование опыта демократического поведения у школьников и учителей: метод. пособие / А.Н. Тубельский. – М., 2001. – С. 154.

8. Шацкий С.Т. Избранные педагогические сочинения: в 2-х т. / С.Т. Шацкий. – Под ред. Н.П. Кузина, М.Н. Скаткина, В.Н. Шацкой. – М.: Педагогика, 1980. – Т. 1. – Т. 2. – 416 с.

9. Эффективное управление школой в современных условиях. – СПб.: КАРО, 2005. – С. 272.

Коротко об авторе

Хренова Т.П., методист, Забайкальский краевой институт повышения квалификации и переподготовки работников образования (ЗабКИПКРО), Заслуженный учитель РФ khrenova_tp@mail.ru

Научные интересы: исследования в области общей педагогики, истории педагогики и образования. В частности, исследование такого педагогического феномена, как школьный уклад: определение понятия «уклад школьной жизни», становление данного понятия в истории образования, развитие школьных укладов в различные периоды жизни педагогического сообщества

Briefly about the author

Khrenova T., Methodologist, Transbaikalian Regional Institute of Improving the Qualification of the Pedagogical Workers (ZabKIPKRO), Merited Teacher of RF

Areas of expertise: research in the field of the general pedagogics, history of pedagogics and education. In particular, research of such pedagogical phenomenon as a school way of life: definition of a concept of «way of school life», formation of the given concept in the history of education, development of school ways of life during various periods of life of the pedagogical community

УДК 392.5 + 37

Яковлева Ольга Николаевна
Olga Yakovleva

**ИЗУЧЕНИЕ СВАДЕБНОГО РИТУАЛА В ШКОЛЕ:
СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

**SEMIOTIC APPROACH TO THE WEDDING
CEREMONY RESEARCH IN THE
SECONDARY SCHOOL**

Представлен и обоснован педагогический потенциал изучения свадебного ритуала в семиотическом аспекте. Автор статьи считает, что применение семиотического подхода к изучению обрядовой культуры в школьной практике позволяет решить важнейшие проблемы гуманитарного образования

The article presents and confirms the pedagogical potential of semiotic research of the wedding mythological principles.

The author considers that the semiotic method of research of the ritual culture can solve a number of the most important problems in humanitarian education

Ключевые слова: фольклор, семиотические коды, семиотический анализ, свадебный фольклор

Key words: folklore, semiotic codes, semiotic analysis, wedding ceremony

Семейно-обрядовая культура как одна из сфер, объединяющих человечество во всех исторических измерениях и опирающаяся на доминантные стороны человеческой жизни, обладает огромным педагогическим потенциалом. Исследователи (В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин, О.А. Еремина и др.) и педагоги-практики (Л.В. Васильченко) отмечают, что в настоящее время появилась необходимость включения обрядовой культуры в систему литературного образования.

Специфика семейно-обрядовой культуры, отмечавшаяся фольклористами, этнографами, педагогами, психологами связана с блоком «нормы – ценности – смыслы – символы» [5]. В условиях современного кризиса института семьи в период нестабильности и дегуманизации семейных ценностей и норм особую актуальность приобретает изучение свадебного ритуала в старших классах. В народных пред-

ставлениях именно свадьба была призвана привнести счастье в семью, а также оберегать человека в дальнейшей его жизни – в этом заключается важнейшее педагогическое значение свадебного ритуала.

Свадьбу можно рассмотреть с различных сторон: с этнографической, эстетической, нравственно-этической, однако подобные подходы к изучению ритуала не в полной мере реализуют цели и задачи гуманитарного образования, которые отнюдь не ограничиваются определённым багажом знаний. Кроме этого, русский народный свадебный ритуал представляет собой богатейший комплекс традиционной бытовой культуры, прочно сохранивший в себе элемент синкретичности. Синкретизм свадебного ритуала проявляется в теснейшей связи фольклорного текста и этнографической действительности, поэтому изучение свадьбы, как и любого ритуального комплекса, в школь-

ной практике сталкивается с определёнными трудностями. Перед педагогом возникает методическая проблема, связанная с нахождением оптимальных путей интерпретации целостности обряда, а также выявлением и анализом основных структурных элементов, составляющих эту целостность.

Семиотика, предлагая учителю-словеснику научный аппарат и научный инструментарий анализа текстов как литературных, так и исторических, позволяет решить многие образовательные задачи аксеологического, нравственно-этического, культуроведческого и мировоззренческого характера.

Семиотический подход ориентирован на понимание свадебного ритуала как «многоуровневого культурного текста, включающего в себя элементы, принадлежащие разным кодам» [5]. Коды обряда, охватывающие различные реалии человеческой жизни, соотносимы друг с другом, т.к. имеют общую функциональную направленность. В свадебном ритуале можно выделить следующие основные коды: агентивный, включающий состав участников и их роли; акциональный, описывающий их действия; темпоральный, включающий ритуальное время; локативный, осваивающий ритуальное пространство; вербальный код, основу которого составляет обрядовый фольклор.

«Код хранит в себе определенные модели миропонимания, которые притягивают различные древнейшие смыслы» [4]. Например, при изучении агентивного кода, включающего всех участников свадьбы (жениха, невесты, сватов, подруг и т.д.), важно знать, что одним из основных мировоззренческих принципов является принцип цикличности бытия, берущий начало в мифе о рождении Солнца, откуда мотив «ритуальной смерти и возрождения» невесты, а также символический подтекст обрядовых актов, совершаемых над невестой – укрывание, мытьё, осыпание, обливание и т.д. Разумеется, чтобы определить общую семантику свадебного ритуала, все его коды необходимо изучать в совокупности, учитывая специфику каждого.

Семиотический анализ, многократно апробированный в этнографических работах и объединяющий два смысловых плана: «план содержания» и «план выражения», позволяет реконструировать мифологическую картину мира наших предков, привлекая и синтезируя знания различных наук, таких, как фольклор, этнография, культурология, религиоведение, философия, мифология, выводит учащихся на ряд интересных проблем, о которых они не имели представления ранее: взаимодействие фольклора и обрядовых действий, фольклор и его основа, мифологическое сознание и его отражение в обрядовой культуре и т.д.

Таким образом, семиотический подход к свадебной культуре русского народа позволяет, с одной стороны, целостно охватить весь древнейший многокомпонентный обрядовый комплекс, интегрирует в единое многие реалии человеческого бытия, помогает старшеклассникам увидеть их взаимодействие в одной структурной схеме, с другой – убедительно демонстрирует путь открытия потаенных смыслов ритуала, раскрывает глубокую связь с языческой основой, тем самым способствует формированию культуроведческой компетентности.

Испокон веков эффективным средством формирования ценностно-смысловых ориентаций личности являлись ритуалы, отражающие аксеологические категории культуры. Семиотический подход и его семиотические механизмы взаимоотношений помогают усилить ценностно-смысловую, содержательную составляющую изучения свадьбы, что соответствует возрастным потребностям старшего подростка.

Как известно, ценностные ориентации, усваиваемые в процессе развития, зависят от того, в какую деятельность включена личность: постижение учащимися основных культурных кодов свадебного ритуала – это процесс установления единства формы и глубинного смысла, что является главным условием эффективности усвоения своеобразия и ценностных установок народной культуры» [6].

Архаические корни ритуала связаны с мифологическим мировосприятием, важнейшей специфической чертой которого является острое ощущение единства человеческого экзистенциального мира и космоса. В каждом элементе брачного ритуала при внимательном его изучении можно найти зашифрованный фундаментальный принцип мироустройства – принцип единения противоположностей, в соответствии с которым происходит развитие Вселенной и зарождение новой жизни. Этот принцип порождает основные оппозиционные мотивы: «свой – чужой», «живой – мёртвый», «правый – левый», «близкий – далёкий», являющиеся важными структурными элементами кода, которые помогают работать с ним и проникать в семиотические пласты, структурировать знания.

Слово в свадебном ритуале обладало магией, творило свою реальность, поэтому проникновение в тайны поэтических текстов свадебных лирических песен и причитаний – занятие одновременно интеллектуальное и нравственное. А нахождение в свадебных песнях и причитаниях таких общих для всех культур первообразов, как Мировое Древо, Дорога, Мать – Земля, Сокол и т.д., усиливает деятельность компонент в обучении, работает на формирование ценностно-смысловой компетентности обучающихся.

В процессе установления диалога с образцовым текстом у старшеклассников формируется система личностных смыслов, обуславливающая возможность понимания и дальнейшей коммуникации в мире культуры. Выявляя мифологическую сущность ритуала путём семиотического анализа, старшеклассники приходят к собственному пониманию свадебного ритуала и его роли не только в древнем, но и в современном социальном мире: трансформация свадьбы в традицию – явление

отчасти закономерное, свидетельствующее о глобальном изменении мировоззрения русского человека.

Необходимо отметить, что компьютеризированное и пропитанное техногенными новинками сознание подростка 15...16 лет достаточно легко усваивает терминологию семиотического характера, что в дальнейшем даёт возможность почувствовать «вкус» высокого интеллектуального общения со сверстниками и педагогом, и как компонент диалога в более широком смысле слова, событие со временем и культурным прошлым народа, открывшемся в ритуале. В этом несомненная практическая значимость применения семиотического подхода к изучению русской народной свадьбы, не просто предъявляющего ученику интересный этнографический материал, но прежде всего ориентирующего ученика на гуманитарную сферу деятельности.

Итак, свадебный ритуал, рассматриваемый на занятиях в семиотическом аспекте, представляет собой культурный текст с определенными семиотическими кодами. Владя кодом, языком перевода впечатления психической данности в знаковую, ученик как читатель становится не просто потребителем чужого знания, но и переводчиком этого знания в своё собственное понимание, становится творцом, участником нового диалога, ибо «понимание есть процесс осознания себя в культуре, форма самоосознания, самоосмысления и самоопределения» [4]. При изучении свадебной обрядовой культуры с точки зрения закономерностей развития знаковых и символических систем расширяется кругозор учащихся, углубляются познавательные интересы, активизируются практические умения школьников, но, главное – идёт формирование ключевых компетентностей учащихся, необходимых для ориентации в мире культуры.

Литература

1. Адамский А.В. *Размышления о гуманитарном образовании: международная гуманитарная школа / А.В. Адамский // Новые ценности образования: культурные модели школ. – 1997. – №*

7. – С. 157.

2. Выготский Л.С. *Орудие и знак в развитии ребенка / Л.С. Выготский. – Собр. соч. в 6-и т. Т. 6. – М.: Педагогика, 1983. – С. 34-45.*

3. Доманский В.А. Культурологический подход к изучению словесности в школе / В.А. Доманский. – Томск: ТГУ, 2002. – С. 42.

4. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М.: Наука, 1994. – С. 27.

5. Михайлова Н.Г. Народная культура в современных условиях / Н.Г. Михайлова. – М.: Просвещение, 2000. – С. 29.

6. Цветкова Г.В. Место семиотического

аспекта изучения литературы в поддержке смыслопоисковой деятельности старшеклассников. – [Электронный ресурс]: Режим доступа:

E-mail/website2007.

7. Федоров С.В. Семиотический аспект изучения литературы. Размышления учителя-словесника. – [Электронный ресурс]: Режим доступа: Интернет-Сервер: mlis.fobr.ru/metodika2008.

Коротко об авторе

Яковлева О.Н., аспирантка, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)
atomanovka@mail.ru

Научные интересы: философия и история образования; методология педагогики, инновационные методы обучения, профильная школа, обрядовая культура, фольклор Забайкалья

Briefly about the author

O. Yakovleva, Post-graduate Student of Transbaikalian State Humanitarian Pedagogical University named N.G. Chernishevsky

Areas of expertise: philosophy and history of education, methodolgy of pedagogics, innovative methods of education, specialized schools, ritual culture, folklore of Transbaikalia

Право

УДК 344

Аулов Владимир Константинович
Vladimir Aulov

Туганов Юрий Николаевич
Yuri Tuganov

**ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
СУДЕЙ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И
СОВРЕМЕННОСТЬ
(КРАТКИЙ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)**

**DISCIPLINARY LIABILITY OF JUDGES:
HISTORICAL LINKS AND CONTEMPORANEITY
(BRIEF HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS)**

Рассмотрены актуальные проблемы дисциплинарной ответственности судей в их исторической взаимосвязи с ранее наработанным историческим опытом регулирования этого правового института.

По результатам исследования выявлены основные тенденции развития российского законодательства, регулирующего дисциплинарную ответственность судей в исторической динамике с учетом правоприменительной практики.

Отмечается, что полноценной реализации принципа независимости судьи будут способствовать воссоздание судебной процедуры дисциплинарного производства и устранение ряда пробелов, выявленных сравнительным анализом законодательства XIX-XX вв. и ныне действующего

The article describes the most urgent problems of disciplinary responsibility of judges in their historical relationship with the previously accumulated historical experience of the management of this legal institution.

The study identified major trends in Russian law regulating disciplinary responsibility of judges in the historical dynamics of the legal enforcement.

It is noted that the full realization of the principle of independence of the judges will contribute to the re-establishment of the judicial procedure of disciplinary proceedings and the removal of a number of gaps identified by the comparative analysis of legislation of XIX-XX centuries and current legislation

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, судьи, правовой институт

Key words: disciplinary liability, judges, legal institute

Многие исследователи проблематики статуса судей указывали на то, что способность государства гарантировать неза-

висимость судьи по сути является индикатором, отображающим состояние всей правовой системы страны, и, одновременно, важнейшим

критерием оценки эффективности государственной власти как гаранта прав и свобод человека.

Поскольку одной из первостепенных составляющих института независимости судей является специальный порядок привлечения к дисциплинарной ответственности, неконкретность и противоречивость [1] организационно-правового механизма этого порядка последней, нестабильность дисциплинарной практики определяют актуальность проблематики дисциплинарной ответственности судей. По мнению ряда современных юристов, осмысление исторического опыта формирования института ответственности судей в России и практики его реализации не только повысит качество дискуссии по современной проблематике дисциплинарной ответственности, но поможет сделать обсуждение более плодотворным, указав на нужный подход к разрешению современных проблем этого вида ответственности на основе превалирующего правового и политического учений [2].

Историко-правовой анализ проблематики дисциплинарной ответственности судей тем более значим, что предмет обсуждения, вопреки его злободневности (*Интернет ресурс <http://vff-s.narod.ru/gov/c/ci.html#0> приводит перечень свыше 1700 публикаций центральной прессы, состоявшихся с 25 октября 2004 г. и посвященных тем или иным аспектам независимости судьи*), анализируется обычно неполно, отрывочно, попутно с другими темами [3; 4].

Общеизвестно, что отграничение судебной власти от исполнительной и административной впервые в России произошло только с принятием Судебных Уставов 1864 г. (в блок законов, известных как Судебные уставы 1864 г., входили: 1) учреждения судебных установлений; 2) Устав уголовного судопроизводства; 3) Устав гражданского судопроизводства; 4) Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями). Положения судостроительных законов и подзаконных актов, регулирующих дисциплинарную ответственность судей, свое подлинное содержание и смысл об-

наруживают только в тесной взаимосвязи исторического контекста и правовых понятий текущего политического законодательства (*при изложении материала авторы сочли возможным заимствовать в ряде случаев выражения и терминологию законодательства в редакции рассматриваемого нормативного акта*). Это предопределило выбор отправной точки (*этой же хронологии придерживается и О.А. Шварц в работе: «Правовой статус судей. Роль судебной власти и важность обеспечения адекватного статуса судей» [5]*) хронологии исследования – первоначальная редакция (в редакции, действовавшей до принятия блока законов, ознаменовавших начало так называемой контрреформы) Учреждения судебных установлений (*анализ правового акта производится по тексту «Судебные Уставы» 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на которых они основаны [6]*) (далее – Учреждение) (в 1883-1885 гг. было подвергнуто существенной корректировке). Следует учесть, что историко-правовой анализ проблематики дисциплинарной ответственности судей по законодательным положениям, действующим до принятия Судебных Уставов, раскрытие содержания дисциплинарной ответственности судей и корректное (система судостроительства России, включая вопросы дисциплинарной ответственности судей до 60-х гг. XIX в., определялась положениями Учреждения о губерниях 1775 г. При систематизации русского права М.М. Сперанским это законодательство вошло в книгу 2 т. XV Свода законов. Как писал А.Ф. Кони, получилось «бессвязное собрание самых разновременных постановлений, механически сливавших воедино Уложение царя Алексея Михайловича, указы Петра и, как выразился в 1835 г. Государственный совет, "виды правительства", обнародованные в 1784, 1796, 1823 гг.». Такое состояние нормативной базы делает сравнительный анализ беспредметным) сопоставление ныне действующих составных частей исследуемого института не представляется возможным.

Несмотря на отсутствие общей части как

элемента структуры кодифицированного акта (общая часть у нормативных документов, регламентирующих дисциплинарную ответственность судей, отсутствует и в настоящее время. См.: Кодекс судейской этики, утв. VI Всероссийским съездом судей 2 декабря 2004 г.), вторая глава (дисциплинарную ответственность судей по Учреждению регулируют нормы второй главы, состоящей из двух отделений: О взысканиях дисциплинарных и О порядке дисциплинарного производства. Такую структуру с небольшими оговорками можно классифицировать как попытку разделить материальные и процессуальные нормы) указанного исторического памятника права в своей совокупности содержит материальные и процессуальные нормы, а также основные дефиниции и юридические категории, предопределившие последующую правоприменительную практику и законотворческую деятельность на протяжении XIX-XX вв.

Так, методика регламентации дисциплинарной ответственности судей теми же самыми нормами, что и остальных чинов судебного ведомства (см.: Глава 2 Учреждения «Об ответственности должностных лиц судебного ведомства», в которой перечисляются субъекты дисциплинарной ответственности: судебные следователи, лица прокурорского надзора, обер-секретари, обер-прокуроры кассационных департаментов Сената и их товарищи, прокуроры судебных палат и их товарищи, прокуроры окружных судов, а также чиновники канцелярий окружных судов и судебных палат. Вопрос об отнесении к субъектам этого вида ответственности писцов по найму остается слабо исследованным) была воспроизведена в законодательстве России после 1917 г. (начиная с 1917 г. судьи народных судов и трибуналов могли привлекаться к иным видам ответственности, например, к партийной. По этому поводу В.И. Ленин 4 мая 1918 г. написал в ЦК РКП(б): «Прошу поставить на порядок дня вопрос об исключении из партии тех ее членов, которые, будучи судьями по делу (2. V. – 1918 г.) о

взяточниках, при доказанной и признанной ими взятке, ограничились приговором на 1/2 года тюрьмы. Вместо расстрела взяточников выносить такие издевательски слабые и мягкие приговоры есть поступок позорный и для коммуниста, и революционера. Подобных товарищей надо преследовать судом общественного мнения и исключать из партии, ибо им место рядом с Керенскими или Мартовыми, а не рядом с революционерами-коммунистами») двумя первыми полноценными советскими судостроительными законами – Положениями (утверждены ВЦИК соответственно 1 ноября 1922 г. и 19 ноября 1926 г.) «О судостроительстве РСФСР» 1922 и 1926 гг. (принятие нового Положения о судостроительстве республики обусловлено среди прочего и изменением административно-территориального устройства РСФСР, что прямо касалось судебной системы. Суть законодательной инициативы Наркомюста РСФСР, закончившаяся принятием Положения 1926 г., состоит в том, чтобы не создавать окружные суды, ограничившись структурой: народный суд, краевой или областной суд, с Верховным Судом на вершине структуры). Однако в последующем законодатель ни к единой технологии дисциплинарной ответственности разнородных по статусу субъектов, ни к установлению дисциплинарной ответственности для заседателей (по Положению 1926 г. народные заседатели несли дисциплинарную ответственность по тем же основаниям и в том же порядке, что и судьи), а также к регулированию порядка привлечения к дисциплинарной ответственности напрямую законом (Положения «О судостроительстве РСФСР» 1922 и 1926 гг. были единственными законами, где была прописана процедура привлечения судей к дисциплинарной ответственности) больше не возвращался. Статус регулирующего процедуру дисциплинарного производства документа в дальнейшем только понижался, и в настоящее время порядок рассмотрения дисциплинарных дел определяется корпоративным актом [7].

Зато другое важное положение Учреждения об определении правил подсудности в зависимости от должностного положения судьи с установлением иерархии органов, имеющих право рассматривать дисциплинарные дела, присутствует в действующем законодательстве до настоящего времени, исключая периоды, когда дисциплинарная ответственность судей на территории России фактически не применялась (с 22 ноября 1917 г. по 1 января 1923 г. и с 26 июня 1992 г. по 15 декабря 2001 г. дисциплинарная ответственность судей в Российской Федерации законодательно не предусматривалась. Первым нормативным документом, закрепившим возможность привлечения судей арбитражных судов к дисциплинарной ответственности был Закон Российской Федерации от 4 июля 1991 г. № 1543-1 «Об арбитражном суде», ст. 23 которого устанавливала, что «судьи арбитражного суда могут привлекаться к дисциплинарной ответственности лишь в порядке, определяемом Президиумом Верховного Совета Российской Федерации», который так и не был разработан до отмены самого закона).

Интересен правовой генезис органа, наделенного правом привлечения судьи к рассматриваемому виду ответственности (нормативные документы, определяющие порядок привлечения к дисциплинарной ответственности судей Конституционного суда РФ и уставных судов, особенности дисциплинарной ответственности судей военных судов, не анализируются). Как известно, базисное положение Учреждения (согласно ст. 270 Учреждения судья мог быть привлечен к дисциплинарной ответственности кассационными департаментами Правительствующего сената либо судебными палатами – в зависимости от ранга и статуса) о возможности привлечения судьи только судебным органом было воссоздано в нормативных документах советского периода (См.: Положения о судостроительстве РСФСР 1922 и 1926 гг.), когда рассмотрение дисциплинарных производств было возложено на судебные органы – дисципли-

нарные коллегии в Верховном, губернском и равном последнему (Главные суды автономных республик и т.д.) судах.

Вопрос об отнесении к судебным органам коллегий, сформированных более поздними нормативными документами (начиная с «Положения о дисциплинарной ответственности судей», утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР 15 июля 1948 г.) представляется дискуссионным, поскольку последующие судостроительные законы положений о дисциплинарных коллегиях или коллегиях по дисциплинарным делам не содержат. Формирование, компетенция и порядок осуществления своих полномочий коллегиями по дисциплинарным делам определялись подзаконным актом, с указанием на то, что такие коллегии или образуются (начиная с «Положения о дисциплинарной ответственности судей», утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР 15 июля 1948 г.), или утверждаются (см.: Положение о дисциплинарной ответственности судей судов РСФСР. Утверждено Указом Президиума Совета РСФСР от 26 мая 1976 г.) при соответствующем суде. Впрочем, для некоторых категорий судей устанавливались исключения из общего правила. Например, по Положению 1976 г. вопрос о дисциплинарной ответственности Председателя Верховного Суда РСФСР и его заместителей решался непосредственно Президиумом Верховного Совета РСФСР. Кроме того, в ходе исследования не удалось выявить нормативный акт, которым бы регулировалась дисциплинарная ответственность судей Верховного Суда СССР с момента образования этого суда в 1923 г. и до принятия 15 июля 1948 г. Положения о дисциплинарной ответственности судей.

Таким образом, фундаментальное отличие современного института дисциплинарной ответственности судей состоит в том, что судьи по Учреждению могли привлекаться к ответственности только судебным органом (ст. 270 определяла следующие правила подсудности в зависимости от должностного по-

ложения судьи: дела, подлежащие дисциплинарному производству «о председателях и членах судебных палат» рассматриваются кассационными департаментами Правительствующего сената, а дела «о председателях, товарищах председателей и членах окружных судов» рассматриваются судебными палатами», а не какими-либо специальными структурами (решение о привлечении к дисциплинарной ответственности принимается квалификационными коллегиями судей; с 4 августа 1989 г. – в отношении судей судов СССР, а с 27 февраля 1990 г. – в отношении судей судов России). Кроме того, авторы Учреждения наиболее последовательно реализовали концепцию разделения административно-властных полномочий внутри судебной системы.

Определив исчерпывающий и не подлежащий расширительному толкованию перечень оснований (по терминологии Учреждения «поводы». Согласно ст. 263 Учреждения основаниями привлечения к дисциплинарной ответственности судей являются упущения по службе, за которые в Уложении о наказаниях предусмотрены взыскания в виде предупреждения, а также вычет из времени службы) возбуждения дисциплинарного производства, Учреждение сделало невозможным привлечение судьи к дисциплинарной ответственности за отмену или изменение принятых ими судебных постановлений. Председатели судов обладали лишь правом информировать вышестоящие надзорные судебные органы (дисциплинарные производства инициировались надзорной судебной коллегией в распорядительном заседании суда или Министром юстиции) (или Министра юстиции), иницирующие дисциплинарную процедуру, об обнаружении поводов к возбуждению дисциплинарного производства. Такая система в сочетании с отсутствием возможности у председателей судов вмешиваться в формирование органов дисциплинарной юрисдикции свела к минимуму влияние руководителей суда на результат рассмотрения дисциплинарного производства.

Последующие отступления от принципа разделения административно-властных полномочий очевидны при рассмотрении дисциплинарных полномочий председателя суда по Положению о дисциплинарной ответственности судей 1948 г. Статья 4 этого Положения консолидирует всю полноту дисциплинарной власти в руках председателей судов – руководителей судебных органов, которые сами по должности, как правило, входили в состав коллегии по дисциплинарным делам, назначали всех остальных членов коллегии, совмещая эти полномочия с правом возбуждения дисциплинарных дел. Более того, отведенный член коллегии (а им мог быть и сам председатель) заменяется другим – по назначению председателя суда, возможно, только что устраненного от рассмотрения конкретного дела. Если прибавить к этому, что решение коллегии по дисциплинарным делам являлось окончательным и могло быть отменено лишь в порядке надзора по представлению (правом внесения представления также обладали коллегии по дисциплинарным делам при вышестоящем суде, Министр юстиции СССР, министры юстиции союзных или автономных республик) председателя вышестоящего суда коллегией, которую этот самый председатель и возглавляет, и назначает, то результат рассмотрения дисциплинарного дела становится очевидным. С другой стороны, Положение 1948 г. содержало прогрессивные положения. Отказавшись от дисциплинарной ответственности в виде прекращения полномочий судьи, Положение установило количественный и структурный состав дисциплинарных взысканий, просуществовавший до распада СССР. Но самое главное, Положение исключило из числа оснований привлечения к дисциплинарной ответственности результат рассмотрения конкретных дел вышестоящими судами, установив, что судьи могут привлекаться к дисциплинарной ответственности только за нарушение трудовой дисциплины; упущения в судебной работе вследствие небрежности или недисциплинированности и за совершение поступков, недостойных

советского судьи. Между тем, согласно Положениям 1922 г. (*Статья 73*) и 1926 г. (*Статья 192*) возбуждение дисциплинарного производства могло иметь место не только при совершении поступков (*«При исполнении служебных обязанностей или вне их» – ст. 192 Положения 1926 г.*), «...несовместимых с достоинством и назначением судебных деятелей», но и вследствие отмены «...Верховным Судом ряда приговоров и решений, вынесенных судебными работниками, по несоответствию таковых общему духу законов РСФСР и интересам трудящихся масс», причем по Положению 1926 г. ответственность формально могла наступать даже за единичную отмену судебного решения. Следует учитывать, что дисциплинарные коллегии судов избирались пленумами при активном участии руководившими заседаниями пленумов председателей, обладавшими к тому же правом (*наряду с Прокурором республики и крайевыми прокурорами*) «возбуждения дисциплинарного преследования». Как результат дисциплинарные коллегии в большинстве случаев также возглавлял председатель суда – лицо, принимавшее участие в избрании коллегии и лично возбуждавшее дисциплинарное производство.

На фоне такой концентрации дискреционных полномочий у председателя суда порядок утверждения коллегии по дисциплинарным делам исполнительным комитетом Совета народных депутатов (*Коллегия по дисциплинарным делам утверждалась в составе 5-7 членов сроком на пять лет*), по Положению 1976 г., (*пусть даже и по совместному представлению председателя соответствующего суда и начальника отдела юстиции исполнительного комитета или соответствующими вышестоящими структурами Министерства юстиции и Советов*) выглядит прогрессом с позиций сегодняшних общепризнанных правовых стандартов. Примечательно, что для утверждения коллегии по дисциплинарным делам при Верховном Суде РСФСР Президиумом Верховного Совета РСФСР было достаточно представления одного Председателя

Верховного Суда.

Что касается имеющей первостепенное значение для независимости судьи возможности прекращения его судейских полномочий в порядке дисциплинарного производства, то первоначальным вариантом Учреждения вопрос решался исходя из верховенства принципа несменяемости судьи, т.е. полномочия судьи не могли быть прекращены в дисциплинарном порядке.

Более того, согласно ст. 295 Учреждения, при назначении судье в уголовном порядке наказания или взыскания, в том числе и соединенного с потерей права на службу, общее собрание кассационных департаментов Сената могло удалить судью от должности не по факту осуждения, а «смотря по обстоятельствам», предварительно затребовав от него объяснения. Таким же порядком судья мог быть удален от должности при задержании за долги или объявления судьи в установленном порядке несостоятельным должником (*См.: статья 296 Учреждения*), а также при рецидиве взысканий (*Согласно ст. 293 Учреждения: «Если судья в течение одного года подвергся три раза предостережению, то в случае новой, в том же году, считая со времени первого предостережения, вины, подлежащей тому же взысканию, представляется на усмотрение кассационных департаментов Сената, не признают ли они нужным предать виновного уголовному суду»*). То есть полномочия судьи, говоря современным языком, прекращались не за совершение дисциплинарных проступков, а по иным основаниям.

Как уже указывалось, юридическая доминанта несменяемости судьи была не сразу воспринята российским законодательством: по Положению 1922 г. судья в порядке дисциплинарного взыскания мог быть, в том числе, перемещен на низшую должность или отстранен от службы с запрещением работы в судебных должностях – причем без указания срока действия такого запрета. Положение 1926 г. несколько уточнило формулировки взысканий, предусмотрев возможность наказывать судью

перемещением и смещением на низшую должность, а также отстранением от службы с запрещением работы на судебных должностях на срок до двух лет.

Невозможность по Учреждению прекращения судейских полномочий в дисциплинарном порядке на качественно новом этапе развития российской судебной системы воспроизведена первой редакцией Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» в еще более радикальном варианте. Согласно этому Закону, судья вообще «...не может быть привлечен к административной и дисциплинарной ответственности» [8]. Правовую позицию о невозможности привлечения судьи к дисциплинарной ответственности долгое время разделяли и органы судейского сообщества [9], принявшие два постановления по этому поводу.

Закон от 15 декабря 2001 г. № 169-ФЗ, восстановивший возможность наложения дисциплинарного взыскания (*за исключением судей Конституционного Суда РФ и судей уставных судов*) на судью, одновременно изменил количественную и содержательную структуру дисциплинарных взысканий, просуществовавшую без изменений более полувека. Вместо замечания, выговора и строгого выговора (*приведенный перечень присутствовал во всех регламентирующих ответственность судей документах, начиная с 15 июля 1948 г.*) на судью могли быть наложены взыскания в виде предупреждения и досрочного прекращения полномочий судьи.

Еще одной введенной в 1864 г. и просуществовавшей свыше ста лет гарантией независимости судьи при привлечении его к ответственности является прекращение дисциплинарного производства, если в ходе рассмотрения дисциплинарного проступка в действиях виновного будут обнаружены признаки состава уголовного наказуемого деяния. Обязательная передача в этом случае дела в «уголовный суд для рассмотрения Устава уголовного судопроизводства» исключала возможность преюдициального воздействия последующих судебных постановлений дисциплинарного произ-

водства на ход расследования уголовного дела. К дополнительным гарантиям судей, привлекаемых к ответственности по Учреждению, можно также отнести выбор судьей режима рассмотрения его дисциплинарного дела с установлением общего правила о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании, а также обязательное участие прокурора.

Интересно даже фрагментарное (*сопоставлению порядка обжалования решений о наложении дисциплинарных взысканий разных периодов будет посвящена отдельная публикация*) сравнение подробно разработанной Учреждением системы процессуальных гарантий прав привлекаемого к дисциплинарной ответственности судьи с ныне действующим порядком. Так, судье, в отношении которого возбуждено дисциплинарное производство, как и сейчас, предоставлялось право отводов (*см.: ст. 280 Учреждения*) судей, рассматривающих вопрос о его ответственности; до настоящего времени существует право иметь защитника (*по Учреждению из числа присяжных поверенных и только в случае публичного рассмотрения дела*); предусматривалось, как и сегодня, обязательное уведомление судьи о времени и месте судебного разбирательства дисциплинарного дела. Учреждение также установило пресекательные сроки давности привлечения к ответственности, которые в разных вариантах исчисления просуществовали как субинститут дисциплинарной ответственности до введения запрета на привлечения судей РФ к этому виду ответственности.

Отсутствие в настоящее время сроков давности при оценке общественной опасности проступка судьи позволяет привлекать судью к дисциплинарной ответственности за действия, совершенные, в том числе и в период, когда дисциплинарная ответственность судей по законодательству РФ не предусматривалась (*напр., с учетом конкретных данных по срокам сдачи кассационных дел в канцелярию суда, проанализированных в решении суда, суд пришел к правильному выводу о том, что судья С.А.А. на протяжении длительного*

времени допускал грубые нарушения норм процессуального закона при их рассмотрении и квалификационная коллегия судей Ростовской области вправе была прекратить полномочия судьи С.А.А. на основании подп. 9 п. 1 ст. 14 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» [10]), а морально-нравственные основы судейского поведения регулировались Кодексом чести судьи Российской Федерации, а не Кодексом судейской этики (Соответственно утверждены: Советом судей РФ 21 октября 1993 г. и VI Всероссийским съездом судей 2 декабря 2004 г. [11]) – корпоративными документами, утвержденными различными органами судейского сообщества. Отсутствие в текущем законодательстве РФ и судебной практике обязательного срока возбуждения дисциплинарного производства со дня обнаружения дисциплинарного проступка может служить основанием для использования специальной методики (вывод сделан на основе сопоставления судебной практики и положений постановления Правительства РФ от 5 марта 2009 г. № 196 [12]), применяемой для экспертизы проектов нормативных правовых актов и документов.

Учреждение также содержит и уникальные, никогда больше в истории Российского государства и права не повторившиеся правовые технологии (напр., дисциплинарной ответственности могли подвергаться не только индивидуальные, но и коллективные носители судебной власти – «судебные места в целом его составе или в составе присутствия». По мнению А.Э. Яковлева, предостережения и замечания, принимаемые кассационными департаментами Сената в отношении нижестоящих судов, не устраняли возбуждения дисциплинарной ответственности против конкретного судьи, а служили поводом к возбуждению дисциплинарного производства). В частности, институт соучастия в дисциплинарном проступке двух и более должностных лиц. Согласно ст. 271 Учреждения дело, подлежащее дисциплинарному производству в отношении двух или более

должностных лиц судебного ведомства, «...из коих одни подсудны высшему, а другие низшему суду», подлежит к «совокупному» рассмотрению «высшего из судов». Отсутствие в действующем законодательстве правовой нормы о соучастии представляется еще одним пробелом в системе гарантий судей, привлекаемых к ответственности, поскольку судьи, привлекаемые к ответственности за волокиту, в свое оправдание иногда ссылаются на действия председателя суда, который не только обладает правом инициации дисциплинарного производства, но и организует работу суда.

Неурегулированность процедуры соединения или выделения материалов при вменении судье двух и более дисциплинарных проступков (Квалификационная коллегия судей Приморского края 27 февраля 2003 г. за совершение дисциплинарного проступка наложила дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи на судью М., которая совершила два дорожно-транспортных происшествия 18 ноября 2001 г. и 7 декабря 2002 г.) также является вопросом, требующим правового разрешения. Отсутствие регулирования в настоящее время может нарушать права привлекаемого к дисциплинарной ответственности судьи, порождая правовую неопределенность при определении вида окончательного дисциплинарного взыскания по совокупности проступков или дисциплинарных дел (см.: позицию Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, согласно которой факт сокрытия В. сведений о привлечении его к уголовной ответственности в 1985 г. непосредственно расценивается в качестве позорящего честь и достоинство судьи, умаляющего авторитет судебной власти, и по своему характеру несовместим с высоким званием судьи. Дисциплинарный проступок же был усмотрен в иных действиях В., проанализированных в одном деле наряду с приведенными выше обстоятельствами. (Для сведения: В. избран народным судьей 25 октября 1993 г., Указом Президента РФ № 1358 от 11 ноября 1998 г. на-

значен судьей в этот же суд на неограниченный срок полномочий. Пикантность ситуации в том, что В. осужден 15 августа 1985 г. Навлинским районным судом Брянской области за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 206 УК РСФСР к двум годам лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора на 2 года – т.е. тем самым судом, где он в последующем работал судьей все время). Цитируется по [13]. Вопрос множественности дисциплинарных проступков судьи был предметом анализа той же коллегии Верховного Суда РФ, которая согласилась с «... выводом квалификационной коллегии судей Красноярского края о том, что судья С.Л.А. совершила дисциплинарный проступок, заключающийся в систематическом нарушении ст. 3 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», а также ст. ст. 1 и 2 Кодекса чести судьи РФ...» Цитируется по [14]). Между тем, такая правовая ситуация ранее была разрешена Учреждением, которое на основании ст. 283 предоставляло суду, рассматривающему дисциплинарное производство, право выхода за пределы выдвинутого обвинения, если при дисциплинарном производстве обнаружится какое-либо другое нарушение или упущение обвиняемого, подлежащее дисциплинарной ответственности. В этом слу-

чае суд, смотря по обстоятельствам, мог или объединить оба дела с принятием решения по существу или выделить новые материалы в отдельное производство.

Таким образом, эволюционируя в русле общего развития судебной власти России, юридическая парадигма дисциплинарной ответственности прошла от наложения дисциплинарного взыскания только судом, через отрицание самого института дисциплинарной ответственности к предельной концентрации корпоративным органом административно-властных дисциплинарных полномочий и, как следствие – к воссозданию судебной структуры дисциплинарного производства – пока только в виде Дисциплинарного судебного присутствия [15]. Изложенное свидетельствует о наработке значительного исторического опыта функционирования институтов дисциплинарной ответственности судей в Российской Федерации, который может быть востребован при дальнейшем реформировании судебной системы – например, при «периодической оценке» правовых документов, регламентирующих дисциплинарную ответственность судей «...определения их адекватности с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней» [16].

Литература

1. Панкратов В. От дисциплинарной ответственности – к дисциплинарному судопроизводству / В. Панкратов // Рос. юстиция. – 2004. – № 3.
2. Яковлев А.Э. Исторические аспекты дисциплинарной ответственности судей / А.Э. Яковлев // Рос. юстиция. – 2007. – № 10.
3. Колесников Е.В. О повышении ответственности судей в РФ / Е.В. Колесников, Н.М. Селезнева // Журнал российского права. – 2006. – № 3.
4. Сапунова М.О. Юридическая ответственность судей в Российской Федерации: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук / М.О. Сапунова. – М., 2007.
5. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.indem.ru/Proj/SudRef/prav/PraStaSu.htm>.
6. «Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., с из-

ложением рассуждений, на которых они основаны. В 5 т. – СПб.: Гос. канц., 1866-1867. – [Электронный ресурс]: Режим доступа:

http://civil.consultant.ru/sudeb_ustav/.

7. Положение о порядке работы Квалификационных коллегий судей Утверждено Высшей квалификационной коллегией судей РФ на основании ст. 14 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» 22 марта 2007 г. – [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.vkks.ru/ss_detale.php?id=771.

8. Часть 2 ст. 16 указанного Закона // Рос. газета. – 1992. – 29 июля.

9. Постановление Совета судей РФ от 4 апреля 1997 г. «О нецелесообразности введения дисциплинарной ответственности судей в законодательном порядке». – [Электронный ресурс]: Режим

доступна: http://www.vkks.ru/ss_detale.php?id=771.

10. [Электронный ресурс]: Режим доступа: справ.-информ. система «Гарант»

11. [Электронный ресурс]: Режим доступа: справ.-информ. система «Гарант».

12. Постановления Правительства РФ от 5 марта 2009 г. № 196 «Об утверждении методики проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 10. – Ст. 1241.

13. Определение Судебной Коллегии по гра-

жданским делам Верховного Суда РФ от 7 июня 2006 г. № 83-Г06-7 [Электронный ресурс]: Режим доступа: справ.-информ. система «Гарант».

14. Определение Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 апреля 2003 г. № 53-Г03-10 [Электронный ресурс]: справ.-информ. система «Гарант».

15. Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2009 г. № 4-ФКЗ «О Дисциплинарном судебном присутствии» // Рос. газета. – 2009. – 11 нояб.

16. Пункт 3 ст. 5 Конвенции ООН против коррупции // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 26. – Ст. 2780.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Аулов В.К., ст. преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Байкальский государственный университет экономики и права (БГУЭиП)

V. Aurol, Senior Teacher of the Department of Criminal and Judiciary Disciplines, Baikal State University of Economy and Law

Научные интересы: судебная система

Areas of expertise: judicial system

Туганов Ю.Н., канд. юрид. наук, доцент, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
(8-302-2) 32-01-16

Yu. Tuganov, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Chita State University (CSU)

Areas of expertise: constitutional laws

Научные интересы: конституционные законы

УДК 344.5

Дондоков Цырен Сономович
Tsyren Dondokov

Лупенко Игорь Юрьевич
Igor Lupenko

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ НОРМ
ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПО ОХРАНЕ ПРАВОПОРЯДКА
И ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗАКОННОСТИ**

**THE PECULIARITIES OF CONSTITUTIONAL LAW
NORMS REALIZATION BY THE ORGANS OF
INTERNAL AFFAIRS IN KEEPING LAW AND
ORDER AND IN ENSURING LEGITIMACY**

Статья посвящена некоторым особенностям реализации конституционно-правовых норм органами внутренних дел в деятельности по охране правопорядка и обеспечению законности. Обосновывается тезис о том, что защита и обеспечение прав и свобод человека и гражданина является основной задачей этой деятельности

The article deals with the thesis about the importance of defence and ensuring human and citizen rights, which is considered to be the major task of internal affairs activity. The effectiveness of this activity depends on the fulfillment of this work

Ключевые слова: конституционно-правовые нормы, правопорядок, законность

Key words: constitutional and legal standards, law and order, legitimacy

Реализация конституционно-правовых норм есть воплощение их в повседневную жизнь, в сознание и поведение людей. Процесс реализации конституционно-правовых норм – сложное правовое явление, имеет несколько стадий, проходит определенные этапы.

Необходимо признать, что «между правовой нормой и результатом ее действия лежит деятельность» [1]. Именно в результате

правомерной целенаправленной деятельности различных субъектов права требования правовой нормы воплощаются в жизнь. Конституционно-правовые нормы реализуются различными субъектами, однако важнейшее значение приобретает деятельность государственных органов, среди которых большое значение имеют органы внутренних дел.

Именно реализация конституционных норм, имеющих прямое действие, стала ис-

ходной позицией в оценке деятельности сотрудников органов внутренних дел [2].

Под деятельностью органов внутренних дел понимается «специфическая человеческая форма активности, реализуемая в сфере обеспечения правопорядка и законности с помощью специальных институтов, форм и методов осуществления» [3].

Конституционным основанием для организации и деятельности органов внутренних дел служит отнесение конституцией России к прерогативе Правительства Российской Федерации проведение мер «по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью» (ст. 114). Детальное регулирование полномочий соответствующих структур данных органов осуществляется отраслевым и текущим законодательством, а также ведомственными нормативными актами. Именно через оценку специфики полномочий органов внутренних дел и эффективности реализации всех нормативных правовых актов проявляется в целом роль органов внутренних дел в реализации конституционно-правовых норм. Исходя из конституционного основания деятельности органов внутренних дел по охране правопорядка и обеспечению законности, особое место среди конституционно-правовых норм занимают нормы, определяющие правовой статус человека и гражданина.

Конституционность государственного органа определяется тем, насколько он соответствует положениям, закрепленным в конституции, и законностью процедуры учреждения этого органа. Это не значит, что все органы обязательно должны учреждаться конституцией. Например, в ныне действующей Конституции Российской Федерации не указаны органы внутренних дел, но это не лишает их конституционности, т.к. они созданы и существуют в связи с тем, что имеется конституционное основание для их организации и деятельности. Как указывалось, таким конституционным основанием является необходимость охраны общественного порядка и обществен-

ной безопасности и, в конечном итоге – прав и свобод граждан. Конечно, более предпочтительным мог бы стать такой вариант, при котором в самой конституции указываются все составные звенья правоохранительной системы [4]. Актуальность данного положения определяется тем, что именно правоохранительные органы в соответствии с законом могут ограничивать права и свободы граждан. В Конституции Российской Федерации, в ст. 55, об этом сказано: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Кроме этого, конституцией предусматривается, что ряд прав, например, право на свободу (ст. 22), право на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений (ст. 23), право частной собственности (ст. 35) и другие могут ограничиваться только на основании судебного решения. Кроме судов, других субъектов, имеющих возможность ограничивать права граждан, Конституцией Российской Федерации не определено. Предполагается, что этот пробел необходимо восполнить и закрепить конституционными нормами субъектов, обладающих этим правом. Таковыми субъектами должны стать правоохранительные органы, что явится дополнительной гарантией реализации прав и свобод.

Охрана правопорядка и законности, защита прав и свобод человека, прав и законных интересов юридических лиц от противоправных посягательств должны стать предметом первоочередной заботы нашего государства. Данное положение имеет базисное значение, что прямо вытекает из ст. 2 Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства», а в ч. 1 ст. 45 конституции России провозглашено: «Государственная защита прав и свобод человека и гра-

жданина в Российской Федерации гарантируется» [4; С. 34-35].

Эти и другие конституционные положения требуют участия в реализации конституционно-правовых норм, определяющих правовой статус человека и гражданина, всех государственных структур Российской Федерации. Однако для большинства государственных органов эта деятельность носит вспомогательный, дополнительный характер, вместе с тем, для эффективной реализации указанных норм необходимы специализированные органы.

Таковыми специализированными органами в системе исполнительной власти являются органы внутренних дел, в том числе милиция.

Конституционные основы деятельности органов внутренних дел дополняются положениями текущего законодательства.

Так, в Законе Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. «О милиции» [5] обозначены задачи милиции.

Более детально правовой статус органов внутренних дел определен Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, в соответствии с которым «Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, а также по выработке государственной политики в сфере миграции....» [6].

Особое место Министерства внутренних дел России в правоохранительной системе российского государства, а также в системе органов исполнительной власти определяется тем, что именно оно в том или ином объеме выполняет все правоохранительные функции; организационные структуры министерства действуют на всех уровнях государственно-территориального устройства Российской Федерации; традиционно именно Министерство внутренних дел, его органы воспринимаются основной массой населения страны в качестве

главной правоохранительной силы государства [4; С. 36].

Являясь федеральным органом исполнительной власти, Министерство внутренних дел России осуществляет в пределах своей компетенции государственное управление в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, охраны правопорядка, обеспечения общественной безопасности, непосредственно реализует основные направления деятельности органов внутренних дел. Оно организует и непосредственно осуществляет оперативно-розыскную и экспертно-криминалистическую деятельность, производство дознания и предварительного следствия по уголовным делам, отнесенным к ведению органов внутренних дел. Оно организует и осуществляет розыск лиц, совершивших преступления, скрывающихся от органов дознания, следствия или суда, уклоняющихся от отбывания уголовных наказаний, призыва на военную службу, без вести пропавших и иных лиц, а также меры по борьбе с организованной преступностью, коррупцией, незаконным оборотом оружия и наркотических веществ, незаконными вооруженными формированиями.

Министерство внутренних дел является федеральным органом исполнительной власти отраслевой компетенции, осуществляющим свою деятельность на всей территории России, в том числе через региональные структуры федерального подчинения.

Характерной чертой статуса Министерства внутренних дел России как федерального органа исполнительной власти является то, что оно подведомственно Президенту Российской Федерации по вопросам, закрепленным за ним Конституцией Российской Федерации.

Характеризуя деятельность органов внутренних дел по охране правопорядка и обеспечению законности, признавая, что целью указанной деятельности является реализация конституционно-правовых норм (прежде всего норм, закрепляющих права и свободы человека и гражданина), необходимо остановиться на формах деятельности органов внутренних дел.

Существенным в этом плане является классификация форм деятельности органов внутренних дел. Основными формами являются: нормотворческая, правоприменительная (регулятивная и охранительная), организационная, воспитательная. Юридически значимыми являются нормотворческая и правоприменительная формы деятельности органов внутренних дел, поэтому остановимся на них подробнее.

Нормотворческая деятельность заключается в выработке правовых норм, их усовершенствовании, изменении, дополнении, отмене, т.е. издании ведомственных нормативных актов, нацеленных на регулирование разных сторон функционирования органов внутренних дел.

Важнейшей юридической формой деятельности органов внутренних дел по охране общественного порядка и обеспечению законности, в том числе по реализации конституционно-правовых норм, закрепляющих права и свободы человека и гражданина, служит применение норм права. Каждая структура указанных органов в определенном объеме обладает правоприменительной компетенцией.

Правоприменение органов внутренних дел в значительной степени подчинено задачам охраны правопорядка и обеспечению законности, т.е. предупреждению, выявлению, раскрытию, расследованию преступлений и иных правонарушений. Принимая во внимание, что противоправная деятельность посягает на права и свободы человека и гражданина и блага, ими опосредованные (жизнь, здоровье, имущество и др.), конечной задачей деятельности органов внутренних дел является защита конституционных прав и свобод. Это, как правило, связано с необходимостью использования принудительных мер: задержания, наказания и пресечения, специальных средств и т.д.

Правоприменение регулятивного свойства осуществляется органами внутренних дел при разрешении различных управленческих дел, как внутриорганизационных, так и нахо-

дящихся вовне структуры (подбор и расстановка кадров, планирование, распоряжение материальными средствами, поощрение, выдача юридическим лицам разрешения на приобретение и хранение предметов сферы разрешительной системы и др.).

При этом вынесение органами внутренних дел правоприменительных актов, исходя из действующего законодательства, требуется при реализации целого ряда конституционных и отраслевых прав российских граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства.

Важное значение имеет охранительная правоприменительная деятельность, тем более, что охрана прав и свобод является основной задачей деятельности органов внутренних дел. Это не случайно, т.к. в основе конституционных прав и свобод лежат важнейшие для личности и общества блага в экономической, политической, духовной жизни, а значительное число преступлений и иных правонарушений, с которыми ведут борьбу органы внутренних дел, прямо или косвенно посягает на эти блага. От эффективности борьбы во многом зависит возможность пользования ими со стороны личности, реальность прав и свобод, демократизм, стабильность общества, законность и правопорядок.

В правовом государстве защита прав и свобод личности, а также борьба с правонарушениями должна вестись законными средствами. Как указывалось, все властно-исполнительные структуры государства должны осуществлять (в пределах своей компетенции) функцию обеспечения, реализации гражданам своих прав, свобод и законных интересов, однако «защита прав и свобод» целиком ложится на правоохранительные органы.

Согласно ст. 5 Закона Российской Федерации «О милиции» «милиция защищает права и свободы человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств».

Органы внутренних дел в процессе своей повседневной деятельности по охране правопорядка и обеспечению законности занимаются охраной прав, свобод и законных интересов граждан. Это охрана жизни, здоровья, чести и достоинства граждан, обеспечение им нормальных условий для жизни, труда и отдыха, принятие мер по оказанию неотложной помощи лицам, пострадавшим от правонарушений и несчастных случаев, а также находящимся в беспомощном или ином состоянии, опасном для жизни и здоровья. При стихийных бедствиях и чрезвычайных обстоятельствах органы внутренних дел участвуют в спасении людей, организуют охрану личного имущества граждан, оставшегося без присмотра, и мн. др.

Основными направлениями деятельности органов внутренних дел по обеспечению реализации, охране и защите конституционных прав, свобод и законных интересов граждан России являются:

а) защита человека, его жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов независимо от пола, возраста, национальности и т.д.;

б) недопущение в своей деятельности незаконных ограничений и нарушений прав, свобод и законных интересов граждан;

в) непосредственная охрана декларируемых Конституцией Российской Федерации прав, свобод и законных интересов граждан;

г) обеспечение необходимых условий реализации гражданами соответствующих видов прав, свобод и законных интересов.

Конституционные нормы, направленные на обеспечение государством реализации, охраны и защиты прав, свобод и законных интересов граждан, требуют от органов внутренних дел и других правоохранительных органов умело и последовательно направлять свою правоприменительную деятельность, неукоснительно соблюдая при этом принцип верховенства Конституции Российской Федерации. Осуществление данного принципа является главным в создании правового государства.

Другим принципом деятельности органов внутренних дел Российской Федерации явля-

ется законность.

Применительно к рассматриваемым нами проблемам можно сказать, что законность – это неукоснительное исполнение законов и соответствующих им иных правовых актов всеми органами государства, должностными и иными лицами.

Важнейшим принципом деятельности органов внутренних дел является уважение человеческого достоинства, прав, свобод и законных интересов личности.

Правоохранительная система должна признавать достоинство каждого человека. Статья 3 Закона Российской Федерации «О милиции» [5] декларирует: «Деятельность милиции строится в соответствии с принципами законности, гуманизма, уважения прав человека, гласности», а в ст. 5 устанавливается, что «милиции запрещается прибегать к обращению, унижающему достоинство человека».

Взаимоотношения органов внутренних дел и граждан строятся на политико-юридическом фундаменте, основу которого составляют Конституция Российской Федерации, Закон Российской Федерации «О милиции», другие законы и подзаконные нормативные акты.

В статье 3 Закона Российской Федерации «О милиции» оговорено, что деятельность милиции строится в соответствии с принципами законности, гуманизма, уважения прав человека, гласности. Буквально толкуя данное положение, можно сказать, что каждый сотрудник органов внутренних дел должен соотносить свои действия с данными принципами, а также принципами, установленными международными договорами, ратифицированными Российской Федерацией.

Только реализация указанных принципов позволяет сделать деятельность органов внутренних дел эффективной. Эффективность представляет собой специфическое системное состояние деятельности органов внутренних дел, характеризующее общие принципы, цели, содержание, организацию, формы, методы, средства, личностный стиль и результаты ее

осуществления, его состояния – соответствие потребностям общества в обеспечении правопорядка и законности, закрепленным посредством конкретных критериев, содержащихся в социальных (правовых, нравственных, моральных, этических, экономических, организационных) нормах [3; С. 426].

Таким образом, конституционным основанием для организации и деятельности органов внутренних дел служит отнесение Конституцией Российской Федерации к прерогативе Правительства Российской Федерации, проведение мер «по обеспечению законности, прав

и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью». Детальное регулирование полномочий соответствующих структур органов внутренних дел осуществляется отраслевым и текущим законодательством, а также ведомственными нормативными актами. Строгое соблюдение закрепленных в законодательстве принципов законности, уважения прав и свобод человека и гражданина является важнейшим показателем эффективности деятельности органов внутренних дел по охране правопорядка и обеспечению законности.

Литература

1. Васькин В.В. О некоторых вопросах теории эффективности правовых норм / В.В. Васькин, В.П. Сальников, Г.Н. Хон // Вопросы профилактики преступлений. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. – С. 94-103.

2. Мелихов А.И. Проблема формирования информационной компетентности студентов и курсантов юридических вузов / А.И. Мелихов, Р.А. Видюков // Военно-юридический журнал. – 2008. – № 11.

3. Аврутин Ю.Е. Эффективность деятельности органов внутренних дел (государственно-правовые, социальные и организационные аспекты изучения, оценки, проектирования): дис. ... д-ра юрид. наук / Ю.Е. Аврутин. – СПб., 1998. – С. 66.

4. Аврутин Ю.Е. Органы внутренних дел в

государственном механизме Российской Федерации (государственно-правовые и социальные вопросы функционирования и перспектив развития): монография / Ю.Е. Аврутин, И.Н. Зубов. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. – С. 25.

5. О милиции: закон Рос. Федерации [от 18 апреля 1991 г. № 1026]: с посл. изм. и доп. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 16. – Ст. 503.

6. Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации [19.07.2004 г. № 927] // Соб. законодательства Рос. Федерации. – 2004. – № 30. – Ст. 3149.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Дондоков Ц.С., канд. юрид. наук, доцент, заместитель директора по науке юридического института, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

Ts. Dondokov, Candidate of Law Science, Deputy Science Director, Law Institute, Chita State University

Научные интересы: государственно-правовое строительство, проблемы административного права

Areas of expertise: state legal construction, problems of administrative law

Лупенко И.Ю., канд. юрид. наук, зав. кафедрой государственного и муниципального права юридического института, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

I. Lupenko, Candidate of Law Science, Head of the Department of State and Municipal Law, Law Institute, Chita State University

Научные интересы: государственно-правовое строительство, проблемы обеспечения прав и свобод человека и гражданина

Areas of expertise: state legal construction, problems of provision of rights and freedoms of a man and a citizen

УДК 343.6

Радчук Константин Иванович
Konstantin Radchuk

**МЕТОДИКА ВЫЯВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 315 УК РФ**

**METHODS OF DETECTION AND PECULIARITIES
OF INVESTIGATION OF CRIMES STIPULATED BY
THE ARTICLE 315 OF RF CRIMINAL CODE**

В статье рассмотрен аспект исследования практического исполнения судебных решений и приговоров судов

The article researches practical execution of judicial orders and sentences

Ключевые слова: преступления, расследование, Уголовный кодекс, злостное неисполнение

Key words: crimes, investigation, Criminal Code, malicious non-performance

В современный период развития Российской Федерации как правового государства наиболее актуальным в укреплении законности и правосудия является неукоснительное исполнение судебных решений. Именно от этого зависит авторитет российской судебной системы. Мало вынести справедливое и правосудное решение, его нужно ещё исполнить. Однако, как показывает судебная и правоприменительная практика, не все судебные решения исполняются. Причины этому могут быть разные, в том числе и субъективные, когда должностные лица просто игнорируют решения судебной власти и этим подрывают авторитет российского правосудия.

Для пресечения таких фактов в Уголовный кодекс Российской Федерации введена правовая норма (ст. 315 УК РФ [1]), предусматривающая наказание за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта. Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации расследование данного преступления отнесено к компетенции

органов дознания службы судебных приставов. До настоящего времени отсутствуют общие методики в выявлении и расследовании данного вида преступления, что нередко влечет процессуальные ошибки и позволяет субъектам данного вида преступления уклониться от уголовной ответственности. Для решения настоящей задачи обратимся к анализу сущности самой правовой нормы, изложенной в ст. 315 УК РФ.

Указанная статья Уголовного кодекса включает два смежных состава преступления. Первый состав предусматривает уголовную ответственность за *злостное неисполнение* представителем власти, государственным служащим, служащим органа местного самоуправления, служащим государственного или муниципального учреждения, служащим коммерческой или иной организации *вступивших в законную силу* приговора суда, решения суда или иного судебного акта. Второй состав ст. 315 УК РФ [1] предусматривает уголовную ответственность за *воспрепятствование исполнению* перечисленных судебных актов.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ [1], может быть представитель власти, государственный служащий, служащий органа местного самоуправления, служащий государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации.

К служащим относятся такие категории трудящихся, которые выполняют работу по руководству, выработке необходимых решений и подготовке информации, занимая соответствующую должность в государственных, общественных и кооперативных предприятиях, учреждениях, организациях. Служащие подчиняются Правилам внутреннего трудового распорядка и получают соответствующее вознаграждение за свой труд. Квалификационные характеристики таких должностей являются основой для разработки должностных инструкций, закрепляющих конкретные права и обязанности служащего.

Объектом этого вида преступления являются интересы правосудия и нормальная деятельность судебной власти в государстве, а также общественные отношения, обеспечивающие порядок исполнения судебных решений. *Объективная сторона* состава злостного неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта представляет собой деяния, которые могут быть совершены как в виде действия, так и бездействия.

Понятие *злостность* законодатель конкретно не определил, но, вместе с тем, согласно распространённому мнению криминалистов, а также исходя из логического смысла диспозиции указанной нормы, может включать следующие варианты противоправного поведения, а именно:

1) *систематический отказ от исполнения судебного решения* (т.е. длительное неисполнение);

2) *игнорирование требований суда* после официальных предупреждений судом либо судебным приставом-исполнителем об ответственности по ст. 315 УК РФ [1] (преступное бездействие);

3) *открытый (категоричный) отказ от исполнения судебного решения*, совершённый в грубой форме, подтверждаемый как показаниями субъекта, так и показаниями свидетелей или иными доказательствами (средствами доказывания), например: магнитофонной, кино, видеозаписью или иными документами.

Следует иметь в виду, что по исполнительному производству, связанному с возложением обязанности на должника исполнить конкретное судебное постановление (решение суда), судебный пристав-исполнитель должен официально вручить постановление о возбуждении исполнительного производства лично руководителю организации – должнику. При этом в постановлении о возбуждении исполнительного производства должна быть проставлена подпись руководителя, свидетельствующая о том, что оно получено, с указанием даты получения документа. В случае невозможности вручения данного документа лично руководителю, необходимо регистрировать указанное постановление в книге входящей корреспонденции организации. При таком способе вручения данного постановления организации – должнику необходимо, чтобы подпись руководителя была заверена штампом или печатью предприятия с указанием номера входящего документа, даты его поступления и подписью лица, принявшего документ.

По истечении срока добровольного исполнения судебный пристав-исполнитель, в случае неисполнения судебного решения, в присутствии понятых лиц составляет соответствующий акт, в котором указываются фамилии, имена, отчества понятых, год их рождения, домашние адреса, в какой срок и какое судебное решение должно было быть исполнено и в чём выразилось неисполнение судебного постановления. Также в акте необходимо указать, какое должностное лицо не исполнило судебное постановление. Если решение суда исполнено частично, то в акте необходимо указать, в какой части (в каком объёме) и кем конкретно не исполнено в полном объёме это судебное решение [2].

Вопрос о документировании «злостности» как квалифицирующего признака в указанных деяниях должен решаться в каждом конкретном случае с учётом формы, продолжительности, причин фактических обстоятельств неисполнения судебного акта. Если по одному и тому же спорному вопросу имеется несколько действующих судебных решений, противоречащих друг другу, то при таких обстоятельствах злостность исключается.

В связи с этим, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 315 УК РФ [1] дознавателю необходимо совершить следующие действия:

1) запросить копию неисполненного решения суда, заверенную в канцелярии суда с отметкой, что оно вступило в законную силу, с указанием конкретной даты вступления решения в силу. Копия судебного решения, неисполнение которого ставится в основу обвинения, должна быть оформлена в соответствии с требованиями к оформлению судебных документов. В ней не должно быть каких-либо исправлений и дополнений. Если суд в своё решение вносил какие-либо изменения, уточнения или дополнения, то такое дополнительное судебное решение, также надлежащим образом заверенное печатью суда и подписью судьи и секретаря судебного заседания, должно быть приобщено к материалу. Судебные решения иностранных государств на территории России подлежат исполнению только после их соответствующего рассмотрения и оформления российским судом по территориальной подведомственности;

2) из материалов исполнительного производства истребовать заверенную печатью соответствующего подразделения службы судебных приставов копию постановления о возбуждении исполнительного производства с отметками о вручении его должнику либо истребовать документы, свидетельствующие о вручении этого постановления должнику;

3) если должник обжаловал постановление о возбуждении исполнительного производства в суде и суд в удовлетворении жалобы

отказал, необходимо к материалам о возбуждении уголовного дела приобщить судебное решение (постановление);

4) к указанным материалам должны быть приобщены документы, свидетельствующие о злостном неисполнении судебного решения субъектом, т.е. руководителем или служащим организации-должника. Такими документами могут быть и акты о неисполнении решения суда, и предупреждения об ответственности за неисполнение решения суда, и постановления о наложении штрафов.

Необходимо иметь в виду, что если в решении суда конкретное должностное лицо, обязанное его исполнять, не определено, а в качестве должника указано только юридическое лицо (т.е. организация), то в данном случае в соответствии с ч. 2 ст. 206 ГПК РФ [3] ответственность за неисполнение такого решения суда должна возлагаться на непосредственного руководителя данной организации. Но, если в качестве должника указана организация или администрация субъекта федерации или муниципального образования, где должностные обязанности распределены официальным распорядительным документом (уставом, приказом и т.п.), то данный распорядительный документ необходимо приобщить к материалам проверки. Это должны быть официальные документы о распределении обязанностей среди заместителей руководителя организации или предприятия. Также здесь должны быть представлены должностные инструкции соответствующих должностных лиц, непосредственно обязанных исполнять конкретное судебное решение (либо иных лиц, ответственных за его исполнение) в соответствии с их должностными компетенциями. Кроме того, должны быть приложены копии приказов о назначении на соответствующие должности руководителя, служащего или иного лица, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела. Указанные документы должны быть заверены печатью организации и подписью кого-либо из ответственных уполномоченных должностных лиц.

В данном случае соответствующий заместитель руководителя организации или администрации или иной служащий может быть привлечён к уголовной ответственности лишь при следующих условиях:

а) когда в соответствии со своими должностными обязанностями он был уполномочен выполнять те действия, которые изложены в судебном постановлении (решении, определении и т. п.) и официально состоял в штате организации в период необходимости исполнить судебное решение;

б) когда он в своём распоряжении имел необходимые материальные или административные ресурсы, требующиеся для исполнения судебного решения с момента его вынесения до момента рассмотрения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 315 УК РФ [1];

в) когда он был официально предупреждён судебным приставом-исполнителем или судом об уголовной ответственности за злостное неисполнение судебного решения. Если судебным приставом-исполнителем выносилось постановление о наложении штрафа на служащего организации, ответственного за неисполнение судебного решения, и судом была подтверждена правомерность наложения такого штрафа, то эти документы необходимо приобщить к материалам проверки.

Процедура документирования дознавателем состава преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ, заключается в следующем [1]:

1) в материалах проверки необходимо иметь заявление или рапорт от судебного пристава-исполнителя о злостном неисполнении конкретного судебного решения. Заявление или рапорт должны быть зарегистрированы в книге учета заявлений и сообщений о преступлениях (книге № 1). К указанному документу должны быть приобщены все материалы исполнительного производства, свидетельствующие о злостном неисполнении судебного решения конкретным служащим организации;

2) на основании указанных документов отбирается объяснительная от судебного пристава-исполнителя, в которой он поясняет о

ходе и результатах исполнительного производства, предпринятых мерах принудительного исполнения судебного решения и мерах воздействия на виновных лиц, причинах его неисполнения. Далее судебный пристав-исполнитель поясняет, какие возможности были у виновного должностного лица для исполнения судебного решения. Важным является пояснение пристава о фиксировании факта злостного неисполнения судебного решения. К объяснительной он должен приложить заверенные копии соответствующих документов;

3) необходимо истребовать объяснительную от служащего организации, ответственного за неисполнение судебного решения, в которой он поясняет следующие факты:

– что известно о судебном решении;

– входило ли исполнение данного судебного решения в его компетенцию;

– какие меры им принимались для исполнения этого судебного решения;

– по какой причине оно не было исполнено;

4) если у организации-должника имеет место распределение должностных обязанностей среди руководителей или заместителей, то необходимо взять объяснительную у руководителя организации. При этом в объяснительной следует отразить на кого конкретно (руководителя, заместителя, служащего) была возложена ответственность за исполнение судебного решения в соответствии с распределением должностных обязанностей и профессиональной компетенцией.

Вместе с тем, в объяснительной руководитель организации должен сообщить, кому и какие полномочия были предоставлены для исполнения судебного решения. Также необходимо указать, какие административные и материальные ресурсы были предоставлены для исполнения судебного решения. В заключительной части объяснительной следует отразить, что этими возможностями субъект не воспользовался и в результате должен персонально нести ответственность за злостное неисполнение судебного решения;

5) если по материалам проверки имеет-

ся лицо, чьи права нарушаются злостным неисполнением решения суда, то у него необходимо взять объяснительную, которая должна содержать следующие пояснения:

– что о необходимости исполнения решения суда он уведомлял руководителя организации;

– что он предупреждал конкретное ответственное должностное лицо, что в случае неисполнения судебного решения он будет обращаться с соответствующими заявлениями к старшему судебному приставу отдела службы судебных приставов и требовать применения мер принудительного исполнения судебного решения;

– был ли причинён ему моральный, материальный и другой вред злостным неисполнением судебного решения и в каком размере;

б) если по материалам проверки выявляются все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ [1], то судебный пристав-дознаватель в соответствии с требованиями ст. 145, ст. 146 УПК РФ [4] выносит постановление о возбуждении уголовного дела, а копию направляет районному прокурору.

В случае положительного решения вопроса о возбуждении уголовного дела по факту воспрепятствования исполнению судебного решения или иного судебного акта предварительное расследование уголовного дела необходимо проводить с учётом следующих особенностей:

– во-первых, в обязательном порядке необходимо задокументировать конкретные действия подозреваемых лиц, направленные на создание различного рода препятствий исполнению решений судебной власти, либо направленных на то, чтобы исполнение судеб-

ных актов стало невозможным. Например, создание различного рода препятствий судебному приставу-исполнителю для совершения принудительных исполнительных действий. Разновидностью воспрепятствования исполнению судебного решения может быть формальное переименование должности для такого лица, которую он по приговору суда не может занимать, с фактическим оставлением ему тех же должностных обязанностей [5];

– во-вторых, если воспрепятствование исполнению судебного решения сопровождалось угрозами или насильственными действиями в отношении судебного пристава-исполнителя в связи с его соответствующими исполнительными действиями, то необходимо решать вопрос о привлечении виновных к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 296 УК РФ [1]. В связи с этим необходимо документировать соответствующие противоправные действия должников (виновных) и материалы направлять в органы прокуратуры для возбуждения уголовного дела по данному составу преступления.

В последующем по возбужденному уголовному делу производится дознание в обычном порядке в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и соответствующими методическими рекомендациями.

Итак, рассмотрев методику выявления и особенности расследования преступлений, предусмотренных ст. 315 УК РФ, полагаем, что данный материал будет способствовать повышению профессионализма и качества расследования указанного вида преступлений и окажется полезен всем, изучающим данные проблемы.

Литература

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Гос. Думой РФ 24.05.1996 г. (ред. от 13.05.2008, с изм. От 27.05.2008) // СПС «Консультант плюс».

2. Федеральный Закон от 21.07.1997 №

118-ФЗ (ред. от 03.03.2007) «О судебных приставах» (принят Гос. Думой РФ 04.06.1997) // СПС «Консультант плюс».

3. Гражданский Процессуальный Кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ,

принят Гос. Думой РФ 23.10.2002 (ред. от 11.06.2008) // СПС «Консультант плюс».

4. Уголовно-Процессуальный Кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ, принят Гос. Думой РФ 22.11.2001 (ред. от 11.06.2008)

// СПС «Консультант плюс».

5. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 13.05.2008) «Об исполнительном производстве» (принят Гос. Думой РФ 14.09.2007) // СПС «Консультант плюс».

Коротко об авторе

Радчук К.И., ст. преподаватель кафедры государства и права, Тихоокеанский государственный экономический университет (ТГЭУ), ведущий инженер лаборатории криминалистики

Научные интересы: исследование криминологических проблем, связанных с возникновением и развитием коррупции, совершения преступлений против правосудия и государственного управления, а также разработка рекомендаций, способов и методов пресечения и профилактики этих видов преступлений

Briefly about the author

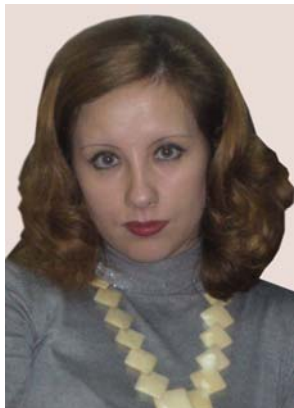
K. Radchuk, Senior Teacher of the Department of State and Law, Pacific State Economical University, Chief Engineer of criminal investigation laboratory

Areas of expertise: research of criminological problems associated with emerging and development of corruption, commission of crimes against law and state administration, as well as drafting of recommendations, means and methods of suppression and prevention of these kinds of crimes

Филология

УДК 800.005

**Анциферова Надежда Борисовна
Nadezhda Antciferova**

**ОБРАЗ РАССКАЗЧИКА КАК
ОРГАНИЗУЮЩЕЕ НАЧАЛО ЯЗЫКОВОЙ
КОМПОЗИЦИИ ЦЕЛОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ
ДНЕВНИКОВ С. ЕСИНА, В. ГУСЕВА, Т. ДОРОНИНОЙ)**

**IMAGE OF THE STORY-TELLER AS THE
BEGINNING OF A LANGUAGE COMPOSITION OF
THE WHOLE TEXT (ON A MATERIAL OF DIARIES OF
S. YESIN, V. GUSEV, T. DORONINA)**

На материале дневниковой прозы С. Есина, В. Гусева, Т. Дорониной рассматривается один из важнейших компонентов языковой композиции текста – образа рассказчика. Выявлены и проанализированы основные способы создания структуры образа дневникового рассказчика, в частности, взаимодействие словесных рядов и мена точек видения

In the text based on the material of S. Yesin's, V. Gusev's, T. Doronina's diaries the author considers one of the most important components of textual language composition – the image of the story-teller. The main ways to create the structure of the story-teller image are determined and analyzed; in particular, the cooperation of verbal ranges and change of view points are considered

Ключевые слова: образ автора, образ рассказчика, словесный ряд, точка видения, языковая композиция

Key words: author's image, the story-teller image, verbal range, the point of view, the language composition

Исследование языковой композиции целого текста представляется достаточно перспективным, поскольку предполагает анализ построения конкретного произведения словесности в единстве содержания и формы. При этом изучение языкового выражения образа рассказчика как одного из ключевых компонентов языковой композиции правомерно считать определенным этапом интерпретации.

Достаточно интересным представляется рассмотрение обозначенной текстообразующей категории на материале современной

дневниковой прозы, поскольку проведенное нами исследование позволяет говорить о своеобразии языкового выражения рассказчика по отношению к структуре аналогичного образа в собственно фикциональных художественных текстах. Научный интерес мотивирован еще и тем, что в ткани современного дневникового повествования, а соответственно, и в речевой сфере стержневого компонента (рассказчика) мобильно отражаются основные языковые процессы, происходящие в русской прозе рубежа XX-XXI вв.

В дневниках С. Есина, характеризую-

щихся взаимопроникновением и наложением друг на друга семейно-бытового, служебного, общественно-политического и путевого жанров, представлен рассказчик-хроникер, стенографирующий происходящие вокруг события. Специфика языковой структуры рассматриваемого образа определена сквозным движением и переплетением повседневно-разговорного, публицистического и книжного словесных рядов, которые, в зависимости от того, к какому сегменту действительности обращается автор, взаимодействуют с другими словесными рядами. При этом наиболее частотными являются отношения взаимопроникновения, переключения и наложения друг на друга.

Обратимся к примерам: «*К удачам дня я отношу и то, что на спектакле была королева датская, ее гостья королева Норвегии и муж датской королевы принц-консорт. <...> Тут же кто-то объяснил, что королева приехала на машине с одним шофером и без охраны. Надо бы тут написать пассаж о наблюдении моего шофера Феди. Мы с ним несколько раз за последние дни видели картеж машин Путина. Федя признал, что с Путиным ездит на три-четыре машины меньше, чем с Ельциным. По крайней мере, не ездит машина с врачами. Аристократизируемся. Вот так, кратенько без лишних деталей*» [10; С. 374]. На первый взгляд, дискурс рассказчика стилистически нейтрален, лишен экспрессивности и образности, однако необходимо помнить, что «<...> самая нейтрализация воздействий словесного стиля есть также результат поэтического искусства и может рассматриваться в системе поэтических приемов, рассчитанных на художественное воздействие» [2; С. 49]. Характерный для классического дневникового повествования повседневно-разговорный словесный ряд (*ее гостья, тут же кто-то объяснил, с одним шофером* (в значении «только с шофером»), *надо было тут написать, моего шофера Феди, по крайней мере не ездит машина с врачами, вот так кратенько*) взаимодействует с общественно-публицистическим (*я отношу и то, королева*

датская, королева Норвегии, муж датской королевы принц-консорт, королева приехала без охраны, несколько раз за последние дни, картеж машин Путина, признал) и книжным (*пассаж о наблюдении, без лишних деталей*), к которому в данном композиционном отрезке следует отнести имеющий ироническую окраску окказиональный глагол «*аристократизируемся*». Подобное взаимопроникновение словесных рядов, с одной стороны, удерживает дневниковое повествование в рамках жанрового канона (повседневно-разговорный словесный ряд как показатель интимности, открытости, исповедальности), с другой стороны, сближает речевую сферу рассказчика с дискурсом современных СМИ.

Движение обозначенного спектра словесных рядов позволяет общественно-публицистической части дискурса рассказчика не превращаться в безликую хронику, бес- субъектный перечень фактов – наоборот, речевая сфера рассказчика, сохраняя высокую информационную плотность, «пульсирует», динамически развивается. Обратимся к тексту: «<...> *Сегодня утром, опять по рассказам, в пятнистую омовскую форму переодели каких-то бомжей и послали их, якобы от лица сторонников Лебеда, бить тех, кто «за Зубова». В гостинице, где живут и враждующие стороны, и средства массовой информации, говорят, только что сменили охрану. Вместо покладистых местных мальчиков, которые понимали, что им потом жить с теми же людьми, поставили специально выписанных московских громил. Но это тоже по рассказам. Я просто всего этого не наблюдаю*» [10; С. 62]. В данном композиционном отрезке представлено не только взаимодействие, но и наложение друг на друга повседневно-разговорного (выделен полужирным курсивом) и публицистического (выделен подчеркиванием) словесных рядов, пронизанных предметно-событийным словесным рядом (*сегодня утром переодели каких-то бомжей – послали их бить тех, кто «за Зубова» – в гостинице только что сменили*

охрану – вместо покладистых местных мальчиков поставили специально выписанных московских громил).

Иногда профессионально-служебный дискурс по степени образности сближается с художественным: автор включает в речевую сферу рассказчика емкие, точные и неожиданные метафоры и сравнения. Например: «Вот что значит **немножко отдохнул**. Сегодня работалось как никогда. **Хроническая усталость живет во мне, как таракан за газовой плитой, и никакой отравой ее не выведешь**. С утра продиктовал Е.Я. письма Лужкову, Селезневу, Зюганову. Я называю этот прием **«выманивание из норки»**. Прямая цель всех этих писем чрезвычайно простая – пригласить на встречу со студентами. А дальше как Бог пошлет. Письма получились так хороши, что в который раз думаю, не пора ли мне их с определенными комментариями издать» [9; С. 273]. Метафора-олицетворение (выделена подчеркиванием) является результатом грамматического сдвига: абстрактное существительное используется в функции одушевленного конкретного, при этом сочетается с глаголом физического действия (*не выведешь*). Своеобразие данной метафоры, а также метафорического сравнения заключается в том, что в повествовании они представлены в рамках повседневно-разговорного (выделен полужирным курсивом) словесного ряда, взаимодействующего с книжнороманным (*чрезвычайно проста, как Бог пошлет, получились так хороши*), для которого использование тропов характерно в большей степени. Думается, введение тропов в дискурс рассказчика именно таким способом мотивировано тем, что «оперирование образными сущностями не может не привести <...> в новое значение следов того вспомогательного образа, который ассоциируется с «буквальным» значением <...>» [4; С. 181], хорошо известным в данном случае любому читателю.

В дневниках В. Гусева дихотомичная структура образа рассказчика организована метафизическим концептом «Истина», выра-

жаемом на вербально-языковом уровне как в исповедально-изобразительных, так и в репортажно-публицистических контекстах. Скрепой служит сквозное движение взаимодействующих друг с другом межтекстового, публицистического, повседневно-разговорного и книжного словесных рядов, которые, в свою очередь, находятся в интенсивных отношениях с другими, менее частотными рядами.

Обратимся к тексту: «* Воронеж: мороз и ветер... Магазины: все 200-300. Колбаса, мясо, рыба. «Любительская» колбаса – 300. Говядина – 210. Свинина (у Марьи) 150, карамель 180. Здоровая банка помидоров – 180. Маргарин 35, по талонам. Водка – 300...350. Яйца 88/10, яблоки 100, хлеб 10 р. Буханка. Сахар по талонам – 110: «Коммуна»: это Ковалев (стареется. Их новый глава всего). Эд. уверяет, сливочное масло купил по 390. Хотя должно быть минимум 650. В Москве 1000» [7; С. 226]. При чтении данного контекста возникает впечатление, что образы автора и рассказчика сливаются, но дистанция по-прежнему существует: рассказчик проявляет себя на вербально-семантическом уровне через использование разговорно-просторечного словесного ряда «здоровая банка, буханка».

В публицистических частях дневников В. Гусева можно наблюдать противоположную тенденцию – рассказчик дистанцируется от автора через прием остранения. Приведем пример: «Я знаю, я понимаю: вас снова и снова прельщает идея быстрого земного рая. Сейчас мы быстро исполним желание доброго дяди из-за океана, и он нам даст богатство и изобилие. Ошибаетесь, «господа хорошие». Добрый дядя, кстати, уже снова отказал вам в деньгах, и правильно сделал. Ни хрена он не даст вам задаром. Работать надо, а не бузить беспрерывно. Но работать вы ныне будете не на себя, а именно на разных дядь; и жить вы, 9/10 из вас, по-прежнему будете впроголодь, хотя и при полных витринах, что еще досаднее; ибо дядям нужно сырье и дешевая раб-сила, а вовсе не ваше процветание, и дяди по-своему правы» [5; С.

134-135]. Использование остраниения служит для выражения иронии: «*добрым дядей из-за океана*» назван глава Международного валютного фонда Мишель Кандесю, принимавший решения о выдаче России крупных кредитов. Данный композиционный прием реализуется также через условность грамматического лица и, соответственно, мену точек видения: рассказчик переходит с позиции стороннего наблюдателя (я – вас) внутрь ситуации (объединенная позиция *мы, нас*) и обратно (*вам, вы, вас, ваше*).

Своеобразие языковой структуры рассказчика в «Дневнике актрисы» Т. Дорониной обусловлено гибридность жанра исследуемого текста – синкретизм беллетризованной автобиографии и дневника. Считаем, что при интерпретации мемуарных композиционных отрезков следует говорить именно о наличии в тексте неявного рассказчика, а не о прямом появлении автора. «Объект "прочтения" в повествовании – даже если это собственное прошлое человека – никогда не остается равным себе. Очевидно, что личный опыт не есть фиксированная совокупность событий, их участников, мест и дат; все они существуют в сознании не как "гербарий" из "памятных листов", а как puzzle, в котором каждый элемент сам по себе не имеет значения – и лишь сложенные вместе "случайные" фрагменты образуют связную и понятную картину» [3; С. 15].

Образы я-повествуемого и я-повествующего эволюционируют: мемуарный рассказчик-персонаж «взрослеет», проходит трудный жизненный путь; «взрослый» рассказчик постепенно раскрывает свой внутренний мир, доверительная тональность его повествования переходит в исповедальность. Это эксплицируется в языковой структуре каждого образа не только через постепенную смену спектра словесных рядов, но и через характер соотношения речевых сфер я-повествуемого и я-повествующего.

«15.11.84.

Я ничего не репетирую. Я так мало играю. Злой правитель моей судьбы рас-

порядился именно так: «Не давать ей ничего!» И я вспоминаю опять сегодня то, что окрестило меня на эту вечную, неуполенную жажду. Называется эта жажда – «театр».

... Ах, какое было солнце, оно бежало передо мною, превращало грязные стекла окон в чистый хрусталь, лужи под ногами становились синими, а чистый воздух с залива переполнял меня. Так пахнет в Ленинграде только ранней весной – лед только начинает таять, а солнечный свет вездесущ и всеобъемлющ.

<...> Мы – в Ленинграде, мы приехали наконец домой после долгого и тяжелого отсутствия и тоски по дому. Мы дождались вызова, который нам прислал из Ленинграда отец. Я заходила по три раза на почту и говорила: «Нет Дорониным драгоценного письма?» Усталая женщина в платке брала каждый раз тоненькую пачку писем и говорила: «Нет! Нет никакого – ни ценного, ни драгоценного» [8; С. 54-55].

Дискурс я-повествующего представлен книжно-патетическим словесным рядом (выделен подчеркиванием), который, при переключении на речевую сферу рассказчика-девочки, лишь преобразуется в книжнороманный (также выделен подчеркиванием), а потому дистанцирование рассказчиков происходит на уровне временной организации их дискурсов. Четкое расслоение речевых сфер наблюдается при включении в языковую структуру я-повествуемого повседневно-разговорного словесного ряда (*мы – в Ленинграде; мы дождались вызова; я заходила по три раза на почту и говорила: «Нет Дорониным драгоценного письма?»; брала каждый раз тоненькую пачку писем и говорила: «Нет! Нет никакого – ни ценного, ни драгоценного»*).

В заключительных записях образы я-повествуемого на протяжении динамического развития текста «росшего» и «тянувшегося» к «взрослому» рассказчику и собственно я-повествующего становятся тождественными, происходит слияние двух речевых сфер. Приведем пример.

«30.11.97

«Напишите о "сегодня"». Трудно. Трудно писать. И я не понимаю – почему **«сегодня» не порождает поэтов, почему нет настоящих пьес, почему оскудела проза. Не пишут. Слишком больно. Душе больно. Она полна только болью – наша душа. За землю, на которой мы живем, за людей, которые живут в муке, за стариков, которых толпами гонят в огромную общую могилу, за детей, которых продают, калечат, убивают, бросают в мусорные баки. Статистика, опубликованная в печати, должна бы привести в чувство наших правителей. Но азарт, с которым рвут на части нашу кроткую и безответную Родину, не имеет аналогов в истории человечества. Безумие разрушения. Сыновья раздирают тело своей матери. Оставлены далеко позади татарские набеги, вражди нашествия, гражданские войны. Статистика потерь «тогда» и «сейчас» несопоставима. Нарушены все нравственные принципы, законы совести, законы естества. Все противоестественно, как на картинах Босха. Потеря лиц. Чудовища в пророческом «сне Татьяны» у Пушкина явили свои, скрывавшиеся донны, уродства и хохочут, глядя на лик Богородицы. <...>» [213; С. 272].**

Для данного композиционного отрезка характерно интенсивное взаимодействие ораторско-публицистического (выделен подчеркиванием) и книжно-патетического (выделен полужирным курсивом) словесных рядов, которые чередуются и накладываются друг на дру-

га не только на лексико-фразеологическом, но и на грамматическом уровне. Так, транспозиция наречия «сегодня», с одной стороны, может быть рассмотрена как средство создания образности; с другой стороны, частая субстантивация характерна для публицистических текстов. Парцеллированные конструкции, неполные предложения, телеграфный стиль письма служат одновременно для создания эффекта взволнованной речи и для перераспределения внимания читателя.

Таким образом, организующим центром языковой композиции дневниковой прозы С. Есина, В. Гусева и Т. Дорониной является рассказчик, поскольку динамическое развертывание движущих повествование словесных рядов представлено в речевой сфере именно этого образа. Развитие в составе языковой структуры рассказчика взаимодействующих друг с другом разновидностей публицистического и разговорного словесных рядов, предметно-событийного ряда и ряда прямых наименований задает фактографический, автобиографический и публицистический характер дневниковой прозы С. Есина и В. Гусева. Двухкомпонентный образ рассказчика в «Дневнике актрисы» Т. Дорониной динамичен: дискурс рассказчика-ребенка четко отграничен от дискурса «взрослого» рассказчика характерными лексико-грамматическими особенностями, однако по мере «роста» я-повествуемого его речевая сфера заполняется общими с я-повествующим книжно-романным/книжно-патетическим и ораторско-публицистическим словесными рядами.

Литература

1. Горшков А.И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности / А.И. Горшков. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2008. – 544 с.
2. Жирмунский М.В. Поэтика русской поэзии / В.М. Жирмунский. – СПб.: Азбука, 2003. – 496 с.
3. Кучина Т.Г. «Я»-повествователь как «ненадежный читатель» автобиографического

претекста в русской прозе конца XX – начала XXI вв. / Т.Г. Кучина // Филологические науки. – 2007. – № 2. – С. 14-21.

4. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира: монография / Б.А. Серебренников [и др.]; отв. редактор Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

Источники

1. Гусев В.И. Дневник – 91 / В.И. Гусев. – М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2003. – 224 с.

2. Гусев В.И. Дневник – 92 / В.И. Гусев. – М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 1995. – 208 с.

3. Гусев В.И. Начала и концы (дневник – 62-64, дневник – 93) / В.И. Гусев. – М.: Советский писатель, 2004. – 408 с.

4. Доронина Т.В. Дневник актрисы / Т.В. Доронина. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 335 [1] с.

5. Есин С.Н. Далекое как близкое. Дневник ректора / С.Н. Есин. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – 848 с.

6. Есин С.Н. На рубеже веков. Дневник ректора / С.Н. Есин. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 638 с.

7. Есин С.Н. Твербуль, или Логово вымысла: Роман места, Дневник ректора: 2005 / С.Н. Есин; вступ. ст. П.В. Басинского; худ. оформ. Ю.В. Хрустича. – М.: Дрофа, 2009. – 783 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Анциферова Н.Б., ассистентка, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)
Служ. тел.: 8-(3022)-35-15-11

N. Antciferova, Assistant, Transbaikalian State Humanitarian and Pedagogical University named after N. Chernyshevsky

Научные интересы: интерпретация текста

Areas of expertise: Text interpretation

УДК 42/49(=942.3)

Даржаева Надежда Баировна
Nadezhda Darzhaeva

МЕЖФРАЗОВЫЕ СКРЕПЫ МЕСТОИМЕННОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ В БУРЯТСКИХ
ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ

CONNECTORS BASED ON PRONOMINAL VERBS
IN THE BURYAT LITERARY MASTERPIECES

Рассматривается одно из средств текстообразования в бурятских письменных памятниках – межфразовые скрепы на базе местоименно-указательных глаголов. Автор на конкретном материале выявляет условия их функционирования, выражаемые значения и роль в организации текста

In this paper one of the means of text organizing – connectors based on pronominal verbs – is researched. The author demonstrates conditions of their using, semantics and their role in text organizing

Ключевые слова: бурятский язык, лингвистика текста, поверхностная структура текста

Key words: Buryat language, linguistics of a text, structure of a text

Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 25.5.

В монголоведении и алтаистике мало работ, посвященных изучению текстообразующих средств, формирующих поверхностную структуру текста. В русистике же таких работ появляется все больше (И.Р. Гальперин, О.И. Москальская, К.А. Филиппов, Е.А. Реферовская).

В бурятских текстах памятников письменности для сцепки отдельных предложений употребляются следующие языковые средства:

- 1) местоимения;
- 2) аналитические скрепы от местоименно-указательных глаголов *түүн* и *үүн*;
- 3) аффиксы личного и субъектного притяжания.

В настоящей работе мы ограничимся

описанием скреп, образованных от глаголов местоименного происхождения и осуществляющих сцепление между предложениями как внутри сверхфразовых единств (далее СФЕ), так и между самими СФЕ. Специалист по монгольским летописям Л.Б. Бадмаева для таких сложных речевых структур предложила термин *сложный синтаксический комплекс (ССК)*. «ССК – единство, состоящее из множества компонентов – зависимых предикативных единиц с финитным сказуемым» [2; С. 155].

Если в русистике под СФЕ подразумевается ряд самостоятельных (финитных) предложений, объединенных микротемой [3; 5], то в монголистике тематическое единство поддерживается формальными средствами. Так, в бурятских летописях основная текстовая единица представляет собой монофинитный комплекс из нескольких инфинитных частей, что является отличительной чертой монгольских

исторических хроник. В современном же бурятском языке ССК имеют тенденцию распадаться на несколько самостоятельных предложений (как простых, так и полипредикативных), образуя СФЕ, подобные русским.

Материалом для исследования послужили примеры названных конструкций, отобранные методом сплошной выборки из сборника «Буряадай түүхэ бэшэгүүд» (далее БТБ), включающего переводы памятников бурятской литературы XVIII-XIX вв. – начала XX в. со старомонгольского на современный бурятский язык.

Специфическими для монгольских языков являются межфразовые скрепы от местоименно-указательных глаголов *түү=* 'делать так (дальнее указание)' и *үү=* 'делать так (близкое указание)'. Эти глаголы, своей формой повторяя всю инфинитную систему языка, образуют огромный массив аналитических глагольных форм, способных объединять любые отрезки текста. Особенно часто эти скрепы употребляются в современных текстах. В летописях, кроме функции связи, они сигнализируют о переходах от одного тематического блока к другому, т.е. о смене СФЕ. Следует отметить, что скрепы от глагола *түү=* встречаются в текстах чаще, тогда как от глагола *үү=* – редко, т.е. между этими скрепами уже налицо функциональное расхождение: первая из них специализируется на анафорических связях в тексте [4], вторая – на дейктических связях в устной коммуникации [4; С. 128].

Рассматриваемые скрепы сохраняют значение форм, от которых они образованы; на русский же язык они переводятся лишь обстоятельствами времени 'тем временем', 'в то время' и т.д., поскольку аналогичные механизмы в русском отсутствуют.

Таким образом, отглагольные аналитические скрепы, служащие средствами анафорической связи между СФЕ, выражают сложные семантические отношения с предыдущим контекстом.

Скрепы от глагола *үү=* за счёт местоименной семантики близкого указания отсы-

лают не к тексту, а к событию, разворачивающемуся непосредственно перед глазами собеседников или только что осуществившемуся; тем самым употребляться оно может исключительно в устной речи, в режиме диалога, либо в прямой речи героев художественных произведений.

Эта скрепа не встретилась в текстах памятников письменности.

Проиллюстрируем употребление одной из самых частотных скреп – местоименно-указательный глагол *түү=* в форме разделительного деепричастия. В летописях эта скрепа соединяет части одного предложения, отдельные предложения внутри СФЕ, а также целые тематические блоки.

Внутри одной фразы:

Тус грамотын ёһоор, Хориин зоной хабаата газар дээрэ хуулигүйгөөр Һууһан таряашадые гэдэргэнь бусааха, түү=гээд тэдэнээр ангай болон Һамарай олзые бү абхуулагты гэбэ (БТБ 100) 'Согласно этой грамоте сказал, мол, вернуть назад крестьян, занявших незаконно земли Хоринских бурят, а также (букв.: сделав так) не разрешайте им охотиться и собирать орехи'.

Внутри СФЕ:

Тайшаа Ринчэн Шодын, дид тайшаа, зайсангууд болон 11 эсэгийн түлөөлэгшэд сугларжа, 1762 оной намарай дунда Һарын 10-ай үдэр бүгэдын хөөрэлдөө хэбэ. Түү=гээд зарга нэхэбэриин хэрэгые шиидхэхэ шэнэ дүрим зохёобо (БТБ 101) 'Тайша Ринчен Шодын, помощник тайши, зайсаны и представители 11 родов, собравшись 10-го числа второго осеннего месяца 1762 г., поговорили обо всем. Затем (букв.: сделав так) ввели новое положение о решении исковых дел'.

Между СФЕ – тематическими блоками:

[предыдущий тематический блок].

Түү=гээд тэндээ Һуужа байха үедөө Барга баатарта гурбан хүбүүн түрэжэ, одхониинь Хори мэргэн гэгшэ байгаа (БТБ 35) 'И в то время, когда жили там, у батора Барга родились три сына, младший был Хори мэргэном'.

Если на уровне предложения и СФЕ у этой скрепы еще сохраняется темпоральное значение следования 'сделав так', то на макроуровне оно нивелируется, остается лишь связующая функция.

Скрепы, образованные на базе деепричастий с нерасчлененной обстоятельственной семантикой (=жа, =наар, =н), сохраняют их основные значения.

Например, на уровне тематических блоков:

Тии=гэ=жэ Хориин арад зон өөхэдын эзэлбэрийн газартаа эзэн байнаа мэдүүлбэ (БТБ 121) 'Таким образом (букв.: делая так) хоринский народ дал знать, что является хозяином своих земель'.

Тии=гэ=нээр Хоридой ерэжэ, тэдэнэрэе шагнаад, намайе хүлээнгүй зөөри хубаабат гэжэ уурлаад... (БТБ 199) 'Прошло немного времени (букв.: делая так) и пришел Хоридой, послушав их, рассердился, мол, не дождав-шись меня, поделили имущество'.

Тии=н Хориин зон Итанцын острогой мэдэлнээ налгагдажа, Яруунын острогой мэдэлдэ хамжагдахан байгаа (БТБ 98) 'После этого (букв.: сделав так) хоринцы были выведены из ведения острога Итанцы и присоединены к Еравнинскому острогу'.

Более сложные семантические отношения передают составные скрепы, например, образованные от глагола дальнего указания в форме слитного деепричастия на =н и бытийного глагола в форме предельного деепричастия на =тар:

Тии=н бай=тар, тэдэ ехэ дээдэ эзэн император нэгэдүгээр Александр хаан арад амитаниие анхаран үршөөжэ, ... (БТБ 82) 'Тем временем их величество государь император Александр I оказал внимание и милосердие к людям...'

Кроме значения одновременности, эта скрепа передает и другие значения: отсылку на предыдущее событие (*тии=*), кратковременность этого события (*=н*), несоответствие ожиданиям (*бай=тар*). Аналогичная скрепа с деепричастной формой от глагола *яба=* 'идти':

Тии=н яба=тар... 'тем временем' (БТБ 63).

Другой пример составной скрепы, образованной от глагола дальнего указания в форме соединительного деепричастия на =жа и бытийного глагола на =тар:

Тиигэ=жэ бай=тар=най, Монголой олон сэрэгүүд бидэниие нэхэжэ ерээд... (БТБ 37) 'Тем временем нас пришли требовать много монгольских солдат...'

Литературный перевод сочетанием *тем временем* не передаёт все оттенки, выражаемые формой *тии=гэ=жэ бай=тар=най*. Ее местоименный корень отсылает к предыдущей СФЕ в целом; комплекс аффиксов =жа бай= передает длительность действия (действий) предыдущей СФЕ, заставляя интерпретировать временную связь между предыдущим и последующим блоками как одновременность; сочетание =жа бай=тар передает семантику несоответствия ожиданиям; показатель притяжения 1 л. мн. ч. =най свидетельствует о смене действующего лица.

Рассмотрим еще одну распространенную скрепу *тии=хэ=дэ* 'тогда, тем временем', образованную на базе причастно-падежной формы =хэ=дэ со значением общей временной соотнесенности:

Гадна номо номоороо хубшын элдэб ангуудые агнажа, тэдэннээ үнэтэй ангай арһануудыень агсаа наймаа болгожо, олдһон мунгөөрнь эзэн хаанай алба дээжээе үргэжэ, үлдэһөөрнь өөрын хэрэгээ бүтээдэг һэн. Тии=хэ=дэ боро (юрын) ангай арһа элдэжэ, хубсаһа оёдог, ...модон буруутай (булсуутай) һурша түхээржэ, уһанай шубуу харбажа баридаг һэн (БТБ 76) 'Кроме того, охотясь (букв. луками и стрелами) на разных таежных зверей, сбывая ценные шкурки, на вырученные деньги платили царскую повинность, оставшееся тратили на личные нужды. В то же время (букв. когда так делали) шили одежду, обрабатывая простые (не ценные) шкуры животных, добывали дичь стрелами с деревянным наконечником'.

Как и в предыдущем примере, перевод не передаёт все оттенки, выражаемые формой

түү=хэ=д=ээ. Ее местоименный корень отсылает к предыдущему высказыванию в целом; комплекс аффиксов =ха=да постулирует временную связь между предыдущей и последующей частями. Обычно скрепа *түүхэдэ* связывает между собой отдельные предложения в составе СФЕ.

В качестве связующих средств тематических блоков также выступают скрепы на базе условного деепричастия на =*башье*, причастно-последложной конструкции одновременности (=хэ *зуураа*):

Түү=гэ=бэшье буряадуудта амар заяан үзэгдэбэгүй: хамнигад малынь өөрынгөө газарта намнажа гаргажархёод, «эдэтай манай хадлан түйбэбэ» гээд, туужа абаашаад, олзолдог болобо (БТБ 162) 'Тем не менее (букв.: хотя и делали так) бурятам не было покоя: хамниганы, угнав их скот на свои земли, говорили «они вытаптывают наши посевы» и,

уводя с собой скот, стали наживаться'; *Түү=хэ зуураа хамнигадта харшалуулжа, ядарал үзэжэ байһан тухайгаа Сэлэнгын воеводто гомдол барюулхые хоёр түлөөлэгшэдые нэгэ хэлмэршэтэй эльгээһэниинь, ошоһон хэрэгээ бүтээжэ ерэнэн юм* (БТБ 162) 'Одновременно с этим (букв.: одновременно так делая), подвергаясь притеснениям со стороны хамниган, отправили двух делегатов с одним переводчиком к Селенгинскому воеводе для того, чтобы те вручили ему жалобу о переносимых невзгодах, и те вернулись, выполнив поручение'.

В заключение мы пришли к выводу, что функция местоименной скрепы – структурировать повествование на макроуровне, обеспечивая связи между отдельными текстовыми блоками и тем самым маркируя разрыв тематической прогрессии, границы этих блоков, переходы между ними.

Литература

1. Буряадай түүхэ бэшэгүүд. – Улан-Удэ, 1992. – 237 с.
2. Бадмаева Л.Б. Язык бурятских летописей / Л.Б. Бадмаева. – Улан-Удэ, 2005. – 215 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М., 1981. – 200 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
5. Москальская О.Н. Грамматика текста /

О.Н. Москальская. – М., 1981. – 183 с.

6. Скрибник Е.К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке / Е.К. Скрибник. – Улан-Удэ, 1988. – 198 с.

7. Шагдаров Л.Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка / Л.Д. Шагдаров. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1974. – 345 с.

Коротко об авторе

Даржаева Н.Б., канд. филол. наук, ст. научный сотрудник, Учреждение российской академии наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (УРАН ИМБТ СО РАН)
Служ. тел.: (3012) 433990

Briefly about the author

N. Darzhaeva, Candidate of Philological Science, Chief Science Worker, Institute of Research of the Mongols, Buddhism and Tibet, Russian Academy of Science, Siberian Branch

Научные интересы: синтаксис, сложное предложение монгольских языков

Areas of expertise: syntax, complex sentences in Mongolian languages

УДК 398.22

Игумнов Андрей Георгиевич
Andrey Igumnov

ЭМПИРИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В
АРХИТЕКТОНИКЕ БЫЛИНЫ

EMPIRICAL ORIGIN OF BYLINAS

Утверждается, что былина как жанр во многом формируется поиском баланса между эмпирическим и внеэмпирическим началами, актуального в момент сказывания текста

The author states that in many respects bylina as a genre is formed by search of balance between empirical and non-empirical origins, actual at the moment

Ключевые слова: жанр, былина, эмпирическое, внеэмпирическое

Key words: genre, bylina, empirical, non-empirical

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 08-06-00328А. Очевидно, что вербальный фольклорный текст, будучи сколь угодно формульным, то есть построенным, организованным по логике формулы, стереотипа, клише, подлежащим объяснению через установление его парадигматических связей с чрезвычайно широким кругом фольклорных и этнографических явлений, не может, тем не менее, совсем не соотноситься со сферой эмпирического. Более того, поскольку вербальный текст состоит из слов, которые по самой своей природе не могут не соотноситься с действительностью, доступной нам из опыта, то и эмпирическое начало в архитектонике фольклорного текста выглядит началом фундаментальным. Но, опять же очевидно, что фольклорный текст не может быть абсолютно эмпиричным. Эмпирическое начало в его архитектонике находится в определенном соотношении с началом внеэмпирическим. Отсюда напрашивается предположение о возможности такой типологизации текстов (фольклорных), которая строилась бы по соотношению в архитектонике данного тек-

ста эмпирического / внеэмпирического начал, была бы сопоставима по масштабу с существующими жанровыми классификациями и, главное, сопоставима с ними по своим эвристическим возможностям. Фрагмент такой типологизации предлагается в настоящей статье.

Прежде всего стоит определить само принятое здесь понимание эмпирического в применении к фольклорному тексту. В общем случае под эмпирическим в фольклорном тексте можно понимать все его компоненты, идущие от непосредственного практического, «жизненного» опыта некоего условного создателя этого текста.

В рамках текста наблюдаются такие закономерности, которые сказители могли осознать лишь в результате своего жизненного эмпирического опыта, и в этом смысле названные закономерности, будучи актуализированы в художественных текстах, сами-то по себе так и остаются эмпирическими. В результате, сказать, что та сторона былинных текстов, которая прямо выводима из неизбежности отражения в текстах сугубо эмпирических данностей и закономерностей, совсем не при-

влекала внимания исследователей, нельзя. Но нужно констатировать, что эта сторона былины никогда не была предметом специального исследования. Как следствие, сфера эмпирического как такова, как отдельный и существенный компонент архитектоники былинного текста, остается совершенно в тени.

Необходимо отметить необозримость сферы эмпирического в ее преломлении в былине и в фольклорных текстах вообще. Нужно поэтому ее существенно ограничить, опираясь, разумеется, на сами тексты. Но «опереться» сразу на все былинные тексты невозможно. Поэтому приводимые ниже позиции соотносены, прежде всего, с выбранными для рассмотрения былинными текстами, точнее – лишь с их начальными фрагментами; тексты цитируются по [1]. Это:

1) текст, записанный от А.Е. Укова, крестьянина д. Горка, Пудожского погоста, Римской вол., [1; № 58];

2) текст, записанный А.Ф. Гильфердингом в 1871 г. от Николая Филипповича Дутикова, крестьянина д. Конда, Кижской вол., [1; № 59];

3) текст, записанный А.Ф. Гильфердингом в 1871 г. от Андрея Васильевича Сарафанова, крестьянина д. Гарницы, Сенногубской вол., [1; № 60];

4) текст, записанный Г. Григорьевой и Н. Карцевой летом 1960 г. от А.А. Фалиной в д. Данилово, Медвежьегорского р-на, Карельской АССР [1; № 61];

5) текст, записанный А.Ф. Гильфердингом в 1871 г. в д. Тайгиницы на р. Выг от Алексея Виссарионовича Батова, уроженца Выгозера, [1; № 62].

Итак, применительно к начальным фрагментам (но не более!) указанных текстов эти искомые самоочевидные явления и закономерности эмпирической действительности, явно актуальные для сказителей, состоят, как минимум, в следующем.

1. Поступки совершаются людьми в конкретном пространстве.

2. Поступки людей мотивированы их собственными внутренними устремлениями:

чувством долга (не только перед Родиной, но и перед сюзереном) и личной чести, жадной наживы, любовью к близким и проч.

3. Приступая к каким-либо действиям в неэкстремальной ситуации, не требующей рефлекторной реакции, люди имеют хотя бы самый приблизительный план их свершения.

4. Между поступками взаимодействующих между собой людей существует причинно-следственная связь и абсолютная временная последовательность: одни поступки мотивированы другими и одни совершаются раньше, а другие – позже.

5. Люди печалются ввиду предстоящих им тягот и лишений.

6. Женатый мужчина обычно остепеняется.

7. Натура человека иногда оказывается сильнее всяческих внешних факторов.

Рассмотрим теперь как эти самоочевидные (и отчасти тривиальные) данности эмпирического порядка выражены в указанных текстах, точнее – в их начальных фрагментах.

В качестве «опорного» берется текст А.А. Фалиной [1; № 61]. Причем, этот текст рассматривается не только не в полном объеме и даже не в каком-то начальном фрагменте. Из этого текста в наших целях достаточно взять всего лишь первые две строки. Ни одна из указанных эмпирических данностей в них не актуализирована (и все они, кроме второй по счету, не актуализированы и далее), зато в той или иной степени уже актуализированы к аналогичному моменту развития действия в иных взятых текстах. Благодаря этому, взятый фрагмент из текста А.А. Фалиной и может послужить своеобразной нулевой точкой отсчета: *«Отправляется Добрынюшка во чисто поле поляковать. / Как проговорит Настасья свет Викулчна...»* [№ 61; ст. 1-2].

С принятой точки зрения здесь сразу не ясны следующие обстоятельства эмпирического порядка.

1. В каком конкретно месте происходит этот разговор.

2. Отправился ли Добрыня «в свободный

поиск противника» или же у него есть заранее установленный «маршрут», предлагающий совершение определенных действий в каждом пункте.

3. Означает ли «поляковать» в данном случае «ездить в поле совершения богатырских подвигов» [1; С. 433], или для А.А. Фалиной это слово означало что-то иное.

4. Если Добрыня отправился все же «совершать богатырские подвиги», то почему отправился: по своей ли воле или по чьему-либо приказу. Если по своей воле, то, опять же, чем мотивировано именно такое его волеизъявление, а если по приказу, то чем мотивировано поручение подвига именно Добрыне, а не кому-либо другому из богатырей.

В тексте А.А. Фалиной эти обстоятельства так и не проясняются, но в пользу того, что былинная традиция способна на них ответить и, значит, есть смысл ими задаваться, свидетельствуют иные взятые варианты былины со схожим развитием действия.

1. Конкретность места разговора Добрыни с Настасьей

Если у А.А. Фалиной это место так и не называется, то в тексте Н.Ф. Дутикова [1; № 59] оно указывается сразу, причем указывается не только город, но и совершенно конкретное место в городе:

Во славном было во городе во Киеве, / У ласкова у князя у Владимира, / Сред было двора да княженецкого... [1; № 59; ст. 1-3].

Несколько менее определенно указание на место действия у А.В. Сарафанова [1, № 60]. Добрыня служит «у стольне-киевского у Владимира», но, в отличие от Н.Ф. Дутикова, А.В. Сарафанов соответствующего топонима все-таки не употребил. Его текст начинается сразу с сообщения о службе Добрыни: «*Было Добрынюшка при времени, / И он-то у стольного у Владимира / Был он три года да во стольниках... [1; № 60; ст. 1-3].*

Понятно, что Добрыня служил стольному князю и в стольном, вероятно, городе, но сам-то город не назван.

Гораздо менее определенно место дей-

ствия указывается у А.В. Батова [1; № 62]. Его текст начинается со слов: *У того ль у пана у купца сердопольского / Было оставленице оставлено: Добрынюшка Микитинич... [1; № 62; ст. 1-3].*

«Сердопольский» явно восходит к титулу магната Юрия Мнишека, отца Марины Мнишек – воевода Сандомирский, но следует ли понимать, что и у Батова Добрыня вырастает, женится на Настасье и прощается с ней именно в Сандомире?

Наконец, в тексте А.Е. Чукова [1; № 58] конкретное место этого прощального эпизода и вовсе не указано. В нем действуют персонажи былин Киевского цикла: «солнышко Владимир» и «смелый Алеша Попович», но где конкретно они совершают свои известные действия – остается лишь догадываться.

2. Конкретность места, куда Добрыня отправляется

Как и у А.А. Фалиной [1; № 61], в какое конкретно место «в необъятном чистом поле» Добрыня отправляется. Не указано также у А.Е. Чукова [1; № 58] и у А.В. Батова [1; № 62]: «*Скоро-наскоро Добрыня он коня седлал, / По-езжал Добрыня во чисто поле... [1; № 58; ст. 27-28]. Добрыня восклицает: «Не могу я укротить своего сердца богатырского, / Поеду я во чисто полё» [1; № 62; ст. 37-38]. И свое намерение осуществляет: «А й уехал Добрынюшка во чисто полё» [1; № 62; ст. 71].*

Напротив, у Н.Ф. Дутикова [1; № 59] и А.В. Сарафанова [1; № 60] это место указано; причем, у А.В. Сарафанова оно указано даже несколько определеннее. Сравним: у Н.Ф. Дутикова Добрыня сообщает матушке *Да распрогневался на меня солнышко Владимир стольне-киевской, / Наложил на меня служебку несносную/ Ехать в землю во татарскую / Собирать тут дани да и выходы, / Не за много, не за мало, за двенадцать лет [1; № 59; ст. 11-15]. У А.В. Сарафанова: *И проговорил старый казак Илья Муромец: / - Ай же ты солнышко Владимир князь стольне-киевской! / Послать Добрынюшку Микитинца во Литву во поганую, / Во Литву поганую как королю**

Литовскому / *Повыправить дань за двенадцать лет* [1; № 60; ст. 36-40].

Явно указано, что Добрыня должен отправиться не просто в Литву, но во дворец к королю или, в крайнем случае, в его временную ставку.

3. *Мотивированность поездки Добрыни какой-либо целью*

Несколько сложнее сопоставить взятые тексты в отношении мотивированности поездки Добрыни. Во всех них, кроме текста А.А. Фалиной [1; № 61], явно предполагается совершение деяний, требующих значительных усилий, но сами эти действия различны, а в прямом повествовании описываются лишь в одном тексте.

Совершенно ясны цели поездки Добрыни у Н.Ф. Дутикова [1; № 59] и А.В. Сарафанова [1; № 60] – сбор дани.

У А.Е. Чукова [1; № 58] Добрыня, упрекающий матушку за то, что она не «завернула его в тонкой в льняной во рукавичек и не спустила его во сине море», так объясняет причину своего странного упрека: «*Я бы век, Добрыня, в море лежал, / Я не ездил бы Добрыня, по чисту полю, / Я не убивал бы, Добрыня, неповинных душ, / Не пролил бы я крови напрасныя...*» [1; № 58, ст. 9-12]. Конечно, из этих слов совершенно не обязательно, что Добрыня – это богатырь в подлинном былинном смысле, но, допустим, не разбойник. Вместе с тем, судя по тем же словам, Добрыня уезжает для совершения совершенно *определенных* действий, а именно – для «убивания неповинных душ», независимо от того, как он сам к этому относится. Аналогичны упреки Добрыни матушке и у А.В. Батова [1; № 62].

Таким образом, во всех взятых текстах (кроме, конечно, текста А.А. Фалиной [1; № 61], отлучка Добрыни мотивирована необходимостью / неизбежностью совершения каких-либо вполне конкретных действий. Но при этом лишь у А.В. Сарафанова описано в прямом повествовании (хотя и позже, но, тем не менее), как Добрыня эти деяния совершает [1; № 60, ст. 91-97].

4. *Мотивированность поездки именно*

Добрыни или его сугубо личностные мотивации своей самостоятельной поездки

Сообразно с обнаружившимся разнообразием целей поездки Добрыни, разнообразны и мотивировки того, почему служба по сбору дани поручается именно Добрыне, а не другому. Если он отправляется по доброй воле, то в чем его воля, собственно, состоит.

У А.Е. Чукова [1; № 58] Добрыня отправляется проливать напрасную кровь, судя по всему лишь потому, что таков его «таланучасть». Это, по крайней мере, явствует из ответа матушки на упреки Добрыни [1; № 58, ст. 27-28]. У А.Е. Чукова прояснены цель поездки Добрыни и его отношение к этой цели, но очень слабо прояснены его мотивации, заставляющие эту цель преследовать, не прояснен «механизм» действия его судьбы, которой Добрыня подчиняется. Но здесь можно усматривать фатализм Добрыни. Недостаточность этой проясненности особенно видна при обращении к тому же месту у А.В. Батова [№ 62]. Обращаясь к матушке и супруге, мотивации (не цели!) своего отъезда Добрыня изъясняет очень определенно. Он просто-напросто не может с собой совладать: «*Не могу я укротить своего сердца богатырского, / Поеду я во чисто полё*» [1; № 62; ст. 37-38].

У А.Е. Чукова [1, № 58] и А.В. Батова [1, № 62] Добрыня отправляется в чистое поле по причине лишь собственной участи, но и здесь он не остается бесстрастным исполнителем предначертанной судьбой.

Очень многие былинные общие места тоже есть ни что иное, как канонические текстуральные актуализации каких-либо эмпирических данностей, допустим таких: «скакать и сражаться в седле удобнее, нежели охлюпкой» и, напротив, «без оружия эффективнее сражаться в пешем порядке», – почему богатыри, отправляясь куда-либо, седлают коней, а «изломав» оружие в поединке, «схватываются рукопашкой». Показательно, что персонажи исторической песни коней седлают очень редко, а оружие у них никогда в негодность не приходит.

В абстрактно-типологическом аспекте

текст А.А. Фалиной (разумеется, лишь в этом аспекте и только в той степени, в какой о тексте позволяет судить его взятый фрагмент) предстает как результат последовательной редукции эмпирического начала, гораздо более полно представленного в текстах, *подобных* текстам А.Е. Чукова, Н.Ф. Дутикова, А.В. Сарафанова, А.В. Батова. Нельзя сказать, что текст А.А. Фалиной совсем внеэмпиричен: «Отправляется Добрынюшка во чисто поле поляковать. / Как проговорит Настасья свет викулична...» [1, № 61, ст. 1-2]. В этих строках актуализирована такая, к примеру, абсолютная данность физического мира: «человек не может мгновенно оказаться в другом месте»; не говоря о том, что очень многие из людей из своего личного опыта могут подтвердить реальность существования «чистых полей». Вместе с тем, можно утверждать, что текст А.А. Фалиной в целом по сравнению со всеми иными привлеченными для сопоставления с ними текстами, гораздо менее проникнут эмпирикой, т.е. гораздо более *внеэмпиричен*. Иными словами, в тексте А.А. Фалиной не актуализированы те эмпирические данности, которые актуализированы в текстах, *привлеченных для сравнения*

Здесь нужно подчеркнуть ту особенность, что в аспекте актуальности / неактуальности неких эмпирических данностей эти привлеченные четыре текста не только разнятся между собой, но и сами не являются предельным выражением возможностей былинной традиции к отражению / фиксации в тексте сферы эмпирического.

Так, у А.Е. Чукова [1, № 58] и А.В. Батова [1, № 62] не объясняются причины такого важного социального акта, как братание Добрыни Алеши. Но эти обстоятельства проясняются в тексте, который еще не привлекался, а именно – в буквально «следующем» же тексте [1, № 63], записанном А.Ф. Гильфердингом в 1871 г. от Никифора Прохорова, крестьянина д. Бураково Купецкой вол. В этом контаминированном тексте Добрыня и Алеша братаются по уговору Ильи Муромца, прекращающего бой между

ними [1, № 63, ст. 160 – 165]. По этой причине текст Н. Прохорова выглядит результатом противоположного процесса: результатом снятия недоговоренностей и неясностей эмпирического порядка. Собственно говоря, одной из причин возникновения *сводных* и вообще усложненных по структуре былин и является стремление сказителя снять такого рода неясности.

Напрашивается вывод и более общего порядка. Состоит он в следующем утверждении: изменение былинного текста во времени и / или пространстве есть, помимо прочего, изменение соотношения эмпирического / внеэмпирического начал в его архитектонике.

Это изменение можно проследить на участках текста, разных по объему выраженного в них событийно-обстоятельственного содержания, начиная от объема, «вмещающегося» в одну строку; находит разное лексическое и метрическое воплощение; вплоть до претворения стихии прозаической речи в былинный стих; даже в близких вариантах актуализируются вполне разные эмпирические данности; степень явственности, отчетливости их актуализации может быть различной, начиная от «нулевой»; сказители решают разные задачи, сказывают в разные времена и в рамках разных местных традиций, в разной степени владеют поэтическим арсеналом былины, отличаются по творческой манере и бывают в разном состоянии духа в момент записи, но сам процесс поиска некоего оптимального баланса между, с одной стороны, предельно возможной событийно-обстоятельственной исчерпанностью возникающего повествования, его «досказанностью», то есть, в нашем смысле, эмпиричностью и, с другой – динамичностью повествования, закономерно приводящей к утрате этой исчерпанности и эмпиричности, – сам этот процесс в области былинной традиции виден отчетливо. Можно даже сказать, что постоянный, осознанный или интуитивный поиск этого баланса, оптимального в текущий момент сказывания, формирует во многом и саму былинку как таковую, то есть как жанр.

Литература

1. Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подг. Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий. – М.: Наук., 1974. – 632 с.

2. Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора / С.Н. Азбелев. – Л.: Наука, 1982. – 372 с.

3. Аникин В.П. Теория фольклора / В.П. Аникин. – М.: Высшая школа, 1996. – 574 с.

4. Пропп В.Я. Русский героический эпос / В.Я. Пропп. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1955. – 552 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Игумнов А.Г., канд. филол. наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБИТ СО РАН); доцент кафедры русской литературы филологического факультета, Бурятский государственный университет (БГУ)
anigumnov@mail.ru

A. Igumnov, Candidate of Philological Sciences, Senior scientific employee of Institute of Mongolian studies, Buddology and Tibetology (IMBIT) the Siberian Branch of the Russian Academy of Science; Associate Professor of Russian Literature Department, Buryat State University

Научные интересы: классификация и систематизация явлений фольклора

Areas of expertise: classification and ordering of the folklore phenomena

УДК 821.161.1.0

Новикова Альбина Алексеевна
Albina Novikova

ТВОРЧЕСТВО И.Н. ПОТАПЕНКО В ЛИТЕРАТУРНО-
КРИТИЧЕСКИХ МНЕНИЯХ И СУЖДЕНИЯХ
СОВРЕМЕННОКОВ РУБЕЖА XIX-XX ВВ.

REFLECTION OF I.N. POTAPENKO'S WORKS IN
LITERARY-CRITICAL OPINIONS AND
JUDGEMENTS OF CONTEMPORARIES AT THE
TURN OF XX CENTURY

Рассматриваются различные точки зрения дореволюционной критики на творчество И.Н. Потапенко. Выявляется отношение критиков к личности писателя, его духовно-нравственным исканиям. Литературно-критические суждения А.П. Чехова, В. Львова-Рогачевского, М.А. Протопопова, М.О. Меншикова, А.М. Скабичевского, С.А. Венгерова и других позволяют заключить, что творчество И.Н. Потапенко заслуживает самого пристального внимания ученых XX в.

Literary-Critical Opinions and Judgements of Contemporaries at the Turn of XX century" by A. Novikova considers various points of view of pre-revolutionary criticism on I.N. Potapenko's works, as well as their attitude to the person of the writer, his spiritual and moral pursuits. Literary-critical judgements by A.P. Chekhov, V. Lvov-Rogachevsky, M.A. Protopopov, M.O. Menshikov, A.M. Skabichevsky, S.A. Vengerov and others, allow to assume that works of I. N. Potapenko deserve the most careful attention of scientists of XX century

Ключевые слова: творчество И.Н. Потапенко в критике, современники о писателе, литературно-критические суждения, мнения, оценки

Key words: I.N. Potapenko's works reflected in criticism, contemporaries about the writer, literary-critical judgements, opinions, estimations

В настоящее время внимание критиков обращено на общественно-литературные контакты Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, В.Г. Короленко с писателями-народниками и беллетристами 80-90-х гг. XIX вв. А.И. Эртелем, Н.Н. Златовратским, П.В. Засодимским, Н.А. Лейкиным, И.Н. Потапенко и др. Творческие связи писателей способствуют более глубокому пониманию литературных традиций и типологических особенностей демократической прозы рубежа XIX-XX вв. и определяют главное направление духовных исканий русской интеллигенции в эпоху кризиса и «мучительных блужданий по бездо-

рожью» (Г. Бердников).

Сведения о творческих взаимосвязях названных писателей с классиками постоянно расширяются, о чем свидетельствует литературоведческая наука [1], не ослабевает интерес к литературному наследию беллетристов «второго» и даже «третьего» ряда [2]. Актуальность этого интереса заключается в настоятельной необходимости обозначить, на наш взгляд, то ценное, что оставлено нам предшествующей литературной критикой о творчестве «восьмидесятников», и восстановить максимально полно «утраченные звенья» истории русской литературы XIX в. По спра-

ведливому утверждению Д.С. Лихачева, невозможно «правильно построить историко-литературную перспективу без изучения какого-либо специального вопроса, без изучения второстепенных и третьестепенных авторов» [3] и, тем более, без представления «малой прессы», которая в числе первой давала ту или иную оценку творчеству писателей. Поэтому особенно значимыми являются литературно-критические мнения и суждения современников о творчестве почти забытого русского писателя-беллетриста и драматурга Игнатия Николаевича Потапенко (1856-1929, псевдоним – Фингал), что и составило цель исследования данной статьи.

И.Н. Потапенко – один из «плодовитых современных беллетристов, уроженец юга», начальные биографические сведения о котором содержатся в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Он родился в семье уланского офицера, ставшего впоследствии священником, учился в бурсе, «доживавшей свои последние дни», «слушал лекции в университетах Новороссийска и Санкт-Петербурга» [4; С. 721], но не закончил ни одно заведение и поступил в столичную консерваторию по классу пения. По ее окончании решил заняться литературой.

Печататься Потапенко начал в 1881 г. В журнале «Вестник Европы» был опубликован его рассказ «Феденька», после чего появляется ряд рассказов, из которых «многие касаются народного, преимущественно малорусского быта. Они, впрочем, мало обращали на себя внимание критики. Одно время Потапенко совсем исчез с журнальной арены, но с 1890 г., с напечатанием повести «На действительной службе» («Вестник Европы»), Потапенко начал пользоваться огромной известностью» [5; С. 139].

Вполне закономерно в связи с интересующей нас проблемой сказать о том, что талант Потапенко был замечен не сразу, а только после выхода в печати его повести «На действительной службе», сразу же замеченной читателями и критикой и создавшей ему «выдающийся успех». С этого времени произведе-

ния Потапенко печатаются почти во всех ежемесячных и еженедельных журналах, выходят отдельными изданиями и охотно читаются. В эти годы о нем много говорили и писали, давая его произведениям неоднозначные оценки: кто хвалил, кто критиковал, но равнодушных в этот период не было.

Первые биографические сведения о Потапенко были очень скудными, впечатление от его произведений в целом положительное. В 7-м издании Энциклопедического словаря (под редакцией профессора В.Я. Железнова) содержатся несколько расширенные материалы о писателе. Так, в частности, В. Львов-Рогачевский в словарной статье дал вполне справедливую, на наш взгляд, оценку произведениям писателя и отметил, что его «лучшие, наиболее прочувствованные произведения связаны с впечатлениями детства, отрочества и юности и посвящены описанию духовного быта. Его бесчисленные, хорошо сделанные, фельетонно-бойкие, скорозабываемые романы, повести и драмы могли бы наполнить десятки томов, но в литературу войдут только немногие, глубоко пережитые, до конца выношенные и с любовью, с творческой радостью написанные, творчески созданные, а не сшитые на скорую руку» [5; С. 139]. Это касается произведений «На действительной службе», «Шестеро», «Речные люди», «Деревенский роман» и некоторых других.

Огромный материал для прояснения литературного портрета Потапенко содержится в письмах А.П. Чехова, его современника. Известно, что их первое знакомство состоялось в Одессе только в июле 1889 г., когда у Антона Павловича, по воспоминаниям Потапенко, «было уже литературное имя». Сближение писателей «шло медленно», и только «через четыре года» у них появилось «много общего в жизни». Чехов был для него «предметом восхищения», человеком, которого он «нежно любил», товарищем «в самом прекрасном значении этого слова» [6; С. 295-296].

Вторая встреча произошла в июле 1893 г. в Москве, когда Потапенко гостил у Чехова в

Мелихове. Постепенно знакомство переросло в долговую дружбу, о чем говорит их переписка и письма Антона Павловича ко многим литераторам, издателям и критикам, в некоторых из них он называет Потапенко «милым» и «хорошим человеком», который нравится ему «все больше и больше» как литератор, «способный и пронизательный», и с которым у него было «очень много общего».

Впервые оценка произведений Потапенко появилась в письме Чехова от 13 мая 1891 г. из Алексина. Он писал А.С. Суворину: «Первый раз читал я Потапенко в «Русских ведомостях». Хорошо» [7; С. 228]. Речь идет об очерке «Общий взгляд», в котором Потапенко излагает в виде сцен судебный эпизод из опыта мирового судьи.

24 октября 1892 г. Чехов вновь упоминает о Потапенко в письме И.Л. Леонтьеву (Щеглову) в связи с появлением повести последнего «Около истины». Он хвалил его за новое произведение, получившее не очень лестную оценку за границей, тем не менее, привлекшее Чехова своим содержанием: «Как ни ругали за границей Вашу «Около истины», но мне эта повесть кажется на 10 голов выше, чем все лучшие вещи Потапенко» [7; Т. 5; С. 123].

Часто в письмах своим адресатам Чехов называл его «богом скуки», однако уже 7 августа 1893 г. он писал Суворину: «Выражение «бог скуки» беру назад. Одесское впечатление обмануло меня. Не говоря уж об остальном прочем. Потапенко очень мило поет и играет на скрипке. Мне с ним было очень нескучно, независимо от скрипки и романсов». 11 ноября 1893 г. Чехов сообщал Суворину о своем благоприятном впечатлении: «Видался много раз с Потапенко. Одесский Потапенко и московский – это ворона и орел. Разница страшная. Он нравится мне все больше и больше» [7; Т. 5; С. 222, 245]. Последующая переписка Чехова с Потапенко свидетельствует об утверждении последнего как писателя, принявшего идеалы 80-х гг.

Следует заметить, что Львов-Рогачевский так же считает Потапенко «чело-

веком 80-х гг.», отличавшимся от А.П. Чехова и В.М. Гаршина «жизнерадостностью и бодростью», его даже называли «бодрым талантом». Критик пишет: «Человек, «свежий от партий», он писал и в «Новом Времени», и в «Мире Божьем», и в «Новом Слове» («Светлый луч»). Его основная тема – проповедь живой работы; его излюбленный герой – энергичная личность, успевающая в борьбе за существование, в борьбе за счастье, за идеал, действительный или мнимый». При этом он заключает, что Потапенко, с одной стороны, – «слабый моралист и слабый социолог», слишком увлекшийся «энергией своих героев, даже тогда, когда деловитость их переходила в делячество, даже тогда, когда «здоровые понятия» и трезвенность граничили с моральной неустойчивостью», а с другой – «как романист-бытописатель, он проявляет большую наблюдательность. Его лучшие вещи проникнуты малороссийским юмором. Недаром любимым писателем Потапенко еще с детства был Н.В. Гоголь» [5; С. 140].

В письмах Потапенко публицисту и издателю И.И. Горбунову-Посадову, найденных нами в архивных материалах в РГАЛИ (г. Москва), содержатся интересные сведения об оценках некоторых произведений писателя. Так, 12 сентября 1887 г. Потапенко писал из Одессы: «Чрезвычайно рад, что Вам, вероятно, случайно, подвернулась моя повесть, так как благодаря только этому, ее ожидает блестящая судьба. Попасть в руки простого человека и читателя или проникнуть со своим, хотя бы и самым скромным созданием в массу, – это ведь большее из того, чего может желать писатель. Поэтому мне не нужно и заявлять Вам, что я принимаю Ваше предложение с величайшим удовольствием и даю Вам полное право распорядиться моею повестью «В потемках» – для Ваших дешевых изданий, как свою собственность...» [8].

В другом письме от 24 марта 1891 г., уже из Петербурга, Потапенко сообщает об оценке своих повестей и рассказов Л.Н. Толстым: «Великую честь делает мне Лев Николаевич

уже тем, что прочитал мое скромное произведение» [8; Л. 3-4]. В этом же письме Потапенко дает согласие на участие в «Посреднике» издавать свои произведения «без всяких ограничений». Известно, что Горбунов-Посадов с 1885 г. был постоянным сотрудником этого издания, а с 1897 г. стал его руководителем, он «опекал» Потапенку и часто рекомендовал его как писателя многим издателям. Об этом можно судить еще по одному письму, присланному Горбунову-Посадову из Парижа в марте 1893 г., в котором писатель благодарит его за «доброе посредничество» с И.Д. Сытиным [8; Л. 6]. Письма Потапенко дают нам полное основание утверждать, что настоящий успех приходит к талантливому беллетристу, его произведения получили признание читателя и критики, понятны и доступны для понимания каждому простому человеку, его разуму и чувству.

Когда в 1892 г. в журнале «Русская мысль» начал печататься роман Потапенко «Любовь» (№ 1-2, часть 1), в первом же номере вышла статья либерального критика и публициста М.А. Протопопова «Письма о литературе», в которой дается положительная, на наш взгляд, оценка творчества писателя. В частности, критик отметил: «отличился г. Потапенко своею, можно сказать, сверхъестественною плодovitостью, так что даже в людях, наилучшим образом расположенных к дарованию г. Потапенко, невольно возникает чувство мучительного опасения: вот-вот сорвется, скомпрометирует себя и упадет так, что подняться будет невозможно. Создать репутацию трудно; испортить ее – нет ничего легче, потому что добрая слава летит, а худая бежит; но поправить однажды скомпрометированное имя – нет ничего труднее этого, опять-таки вследствие почти общего свойства людей – с легкостью забывать добро и заслуги и тщательно помнить зло, ошибки, увлечения, падения». «Спешу заметить, – продолжает он, – что эти опасения, в их грубом, прямом смысле, оказались напрасными по отношению к г. Потапенко: он ни разу не взял резко-фальшивой ноты и даже ни разу не сорвался с голоса... Удивле-

ние перед количеством произведений г. Потапенко возросло, но уважение к содержанию их осталось на прежней степени, высота которой не может удовлетворить писателя со строгими и серьезными требованиями» [9; С. 42].

В Указателе «Русской мысли» с 1890 по 1899 гг. (вып. 1-3) появился список опубликованных произведений Потапенко: романы «Любовь», «Встреча»; повести «Друг для друга», «Путь к славе», «Игра ума», «На пенсию», «Смертный бой», «Подвальный этаж»; рассказы «На покой», «Счастливый», «Шестеро» и очерк «Клавдия Михайловна» (10), свидетельствующие о жанровом многообразии творчества писателя, о ступенях его духовного роста и формировании его эстетического сознания. Вскоре выходят сборники Потапенко в издательстве А.Ф. Маркса: «Счастье поневоле» (3-е изд.), «На действительной службе» (3-е изд.), «Живая жизнь» (3-е изд), включающие произведения 80-90-х гг. Значимой, на наш взгляд, является оценка творческой деятельности Потапенко редактором, журналистом, талантливым литературным критиком и публицистом М.О. Меньшиковым, имя которого долгое время было в забвении. Сегодня важны его дореволюционные статьи и письма, содержащие новые сведения не только о биографии Чехова, но и мнения о литературном процессе конца XIX в.

Так, в статье «Старые и молодые таланты», впервые появившейся в Книжках «Недели» в 1894 г. [№ 5; С. 139-155], Меньшиков пишет: «Было бы неправдой ... отрицать среди литературной молодежи довольно длинный ряд значительных дарований как в области художественной прозы, так и в поэзии, и в публицистике. В первом еще расцвете свежих сил находятся А.П. Чехов и г. В. Короленко, и целый ряд не столь выдающихся, но все же видных писателей: Ясинский, Дедлов, *Потапенко*, К.С. Баранцевич, Вл. Тихонов и пр.; за нынешнюю литературную молодежь отчаиваться нечего: она еще только вступает в свой производительный возраст... Дайте срок – и нынешняя молодежь значительно вырастет в ваших гла-

зах» [11; С. 285]. Следовательно, Потапенко был интересен не только читателям-современникам, но и критикам до того момента, пока не утратил художественности своих произведений и не сошел с литературного Олимпа к концу 90-гг.

Особенно контрастно такое отношение к творчеству Потапенко проявилось в оценках историков русской литературы рубежа веков А.М. Скабичевского (1838-1910) и С.А. Венгерова (1855-1920). Так, в учебник «История новейшей русской литературы» (1848-1906) Скабичевский включил лишь краткие сведения о литературной деятельности писателя, сухо перечислив написанные им в разные годы произведения и опубликованные в различных журналах. Анализа творчества нет, дается слишком пространственный и общий вывод, в чем-то дополняющий точку зрения критика В. Львова-Рогачевского. «Главная особенность таланта Потапенко, считал Скабичевский, – ясный и бодрый взгляд на жизнь, исполненный добродушно-незлобиво оптимизма, и совершенное отсутствие мрачного скептицизма современной беллетристики, какие бы ужасные вещи не изображались в произведениях Потапенко, читатель выносит бодрящее чувство отрады, на душе у него становится светло, и он готов бывает даже воскликнуть: «А как бы то ни было, все-таки хорошо на белом свете!» [12; С. 390]. Совсем, как в духе Гоголя, заметили бы мы.

Слишком категоричное, даже несколько ироничное, на наш взгляд, утверждение Скабичевского опровергает профессор Венгеров, выступивший в защиту Потапенко и давший вполне определенную и оправдывающую писателя оценку той обстановке, в которой пришлось ему творить.

Характеризуя эпоху 70-х гг., говоря о «новых именах», ставших известными в 80-х, Венгеров выделяет из них целый ряд таких, «литературные успехи которых только хронологически связаны с этими годами, но которые всеми корнями своего духовного существа сидят в предыдущем периоде – в 70-х гг.». Среди Короленко, Якубовича-Мельшина, Надсона он

называет получивших известность только в 80-х гг. Мамина-Сибиряка, Потапенко, Ясинского. При этом он оговаривается, что, «конечно, общий облик Потапенко, благодаря чрезмерной плодовитости его и неизбежно связанной с этим ремесленности, далеко не подходит под понятие о «семидесятнике». Но все же и лучшими своими вещами, такими, например, как «На действительной службе», и лучшими страницами в других своих произведениях, даже тех, которые написаны наспех, Потапенко обязан только тому, что в наиболее впечатлительные годы жизни испытал на себе обаяние идеализма 70-х гг.» [13; С. 6]. И с этим суждением нельзя не согласиться, тем более что известный современный литературовед В.Б. Катаев придает огромное значение отдельным романам и повестям писателя. «Неноющий» герой в понимании Чехова и герой произведений «бодрого таланта», как критика окрестит Игнатия Потапенко, – такое сопоставление, по мнению ученого, открывает некоторые важные стороны литературной позиции Чехова» [14; С. 148], а значит и целой литературной эпохи, связанной с именами писателей-восьмидесятников.

Таким образом, творчество Потапенко – определенное звено в истории русской литературы, дополняющее общую картину развития прозы чеховского направления в поисках «настоящего героя» времени. Критически воспринимая действительность, он старался поднимать в своих произведениях такие проблемы, которые волновали прогрессивную русскую интеллигенцию последней трети XIX в. и современного читателя: жизнь простого народа и сельского духовенства, нравственные и духовные ценности общества, вопросы семьи и брака, воспитание подрастающего поколения, отношение к труду и счастливому, радостному будущему России. Поэтому проблема мировоззрения и эстетических ценностей творчества Потапенко становится наиболее важной и существенной для современной критики XX в. Писательская позиция беллетриста, вызвавшая бурю эмоций и неоднозначных

оценок литературной критики еще при его жизни, волнует сегодня многих исследователей,

постепенно возвращающих в русскую литературу имя писателя.

Литература

1. Бердников Г.А. *Идейные и творческие искания* / Г.А. Бердников, А.П. Чехов. – 3-е изд., дораб. – М.: Худож. лит., 1984. – 511 с.; Катаев В.Б. *Литературные связи Чехова* / В.Б. Катаев. – М.: МГУ, 1989. – 261 с.; Громов Л. *Реализм А.П. Чехова второй половины 80-х гг.* / Л. Громов. – Ростов н/Д.: Ростовское книжн. изд-во, 1958. – 217 с.

2. Катаев В.Б. *Спутники Чехова* / В.Б. Катаев // Под ред. В.Б. Катаева. – М.: МГУ, 1982. – 480 с.; Букчин С. *Чеховская «артель»* / С. Букчин // *Писатели чеховской поры: избр. произведения писателей 80-90-х гг.: в 2-х т. Т. 1.* – М.: Худож. лит., 1982. – 463 с.; Бялый Г.А. *Современники* / Г.А. Бялый // *Чехов и его время.* – М.: Наука, 1977. – 359 с.

3. *Литературная газета.* – 1974. – 18 сентября. – № 38.

4. *Энциклопедический словарь* / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. – С.-Петербург: Типо-Литография И.А. Эфрона, 1898. – С. 721.

5. *Энциклопедический словарь* / Под ред. проф. В.Я. Железнова: *Тов-ва «Бр. А и И. Гранат и К°».* – 7 изд-е, перераб. – М. – Т. 33. – С. 139-140.

6. Потапенко И.Н. *Несколько лет с А.П. Чеховым (К 10-летию со дня его кончины)* / И.Н. Потапенко // *А.П. Чехов в воспоминаниях современников.* – М.: Худож. лит., 1986. – 735 с.

7. Чехов А.П. *Полн. собр. соч. и писем в 30 тт. Письма в 12 т. Т. 4 / А.П. Чехов.* – М.: Наука, 1976. – 655 с.

8. РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр.1103. Л. 1. *Письма Потапенко И.Н. к Горбунову-Посадову И.И., 12 сентября 1887. – 23 января 1896 г.*

9. Протопопов М.А. *Письма о литературе* / М.А. Протопопов // *Русская мысль.* – М., 1892. – Кн. 1, 2, 10.

10. *Указатель «Русской мысли» (1890-1899 г.). Вып. 1-3.*

11. *Меньшиков М.О. Старые и молодые таланты (1894) / М.О. Меньшиков // Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: Переписка. Дневники. Воспоминания. Статьи / Сост., статьи, подгот. текстов, примеч. А.С. Мелковой.* – М.: *Русский путь*, 2005. – 480 с.

12. Скабичевский А.М. // *История новейшей русской литературы (1848-1906 гг.) / А.М. Скабичевский, И.Н. Потапенко.* – 6-е изд. – М.; СПб.: Книгопечатня Шмидт, 1906. – 502 с.

13. Венгеров С.А. *Беллетристика 80-х гг. / С.А. Венгеров // Русская литература XX в. (1890-1910) / Под ред. проф. С.А. Венгерова. В 2-х кн. Кн. 2.* – М.: Издательский дом «XXI век. Согласие», 2000. – 472 с.

14. Катаев В.Б. *Литературные связи Чехова* / В.Б. Катаев. – М.: МГУ, 1989. – 261 с.

Коротко об авторе

Новикова А.А., канд. филол. наук, доцент, профессор кафедры истории литературы и мировой культуры, факультет русской филологии и социально-гуманитарных наук, Уссурийский государственный педагогический институт (УГПИ)
novikalex.49@mail.ru

Научные интересы: А.П. Чехов и русская литература рубежа XIX-XX вв.

Briefly about the author

A. Novikova, Candidate of Philological Science, Associate Professor, Department of History of Literature and World Culture, Faculty of Russian Philology, Social and Humanitarian Science, Ussuriysky State Pedagogical University

Areas of expertise: A.P. Chekhov and Russian writers at the turn of XX century

УДК 81ÿ'27

Пекарская Екатерина Андреевна
Ekaterina Pekarskaya

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ:
ОПЫТ СИСТЕМНОГО ОПИСАНИЯ

TYPOLOGY OF LANGUAGE PERSONALITY:
EXPERIENCE OF SYSTEMATIC DESCRIPTION

Дано системное представление понятия «языковая личность». В основу комплексной системности положены некие основания, выявленные автором статьи. Именно они позволяют в неких оппозициях рассмотреть (а в ряде случаев и предложить не названные ранее) типы ЯЛ

The article deals with the systematic presentation of the "language personality" conception. Some foundations discovered by the author are taken as the basis of the complex system. These opposed principles in particular allow to consider types of language personality and sometimes to suggest new types

Ключевые слова: антропоцентризм, языковая личность, основание классификации, язык, речь, дискурс

Key words: anthropocentrism, language personality, foundation of the classification, language, speech, discourse

Исследование осуществлено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (Государственный контракт № 02.740.11.0374).

Особое внимание филологический антропоцентризм конца XX – начала XXI вв. обращает на коммуникативное поведение языковой личности (ЯЛ) в потоке сиюминутного общения (дискурсе). Принадлежность собеседников к тому или иному типу ЯЛ часто становится причиной нарушения речевого баланса, приводящего к фрустрациям и даже «срыву» коммуникации в целом или, напротив, сбалансированная личностная ориентированность позволяет сделать коммуникацию эффективной.

Обращаясь к термину «ЯЛ», ученые не только предлагают попытки её типологизации, но в ряде случаев настолько подробно (и часто по разным основаниям) детализируют существенные характеристики этого понятия, что возникает и терминологическая, и дефинициальная, и семантическая «путаница».

Так, Н.С. Шаброва [17; С. 11] пишет о том, что сегодня рассматриваются различные типы ЯЛ: полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности [9], русская ЯЛ [6], языковая и речевая личность [11; 7; 2; 1], словарная и этносемантическая ЯЛ [5] и т.д. К этому списку считаем возможным добавить эмоциональную ЯЛ [18], маргинальную ЯЛ [5], первичную и вторичную ЯЛ [17; 15], поливалентную/моновалентную ЯЛ [13], диалектную ЯЛ [4; 19], дискурсивную ЯЛ [12; 3], толерантную ЯЛ [15] и др.

Таким образом, понятие ЯЛ используется расширительно, в соотнесённости с тем научно-коммуникативным аспектом, в котором проводится то или иное исследование, тем самым вносится дисбаланс в восприятие ранее чётко очерченного феномена.

В статье будут обобщены и систематизированы различные типологии ЯЛ, исходя из различных оснований классификации. В результате чего ЯЛ будет описана системно и комплексно, с учётом различных её структур-

ных и семантических характеристик.

На первом уровне классификацию ЯЛ мы будем рассматривать на основании трихотомии «язык/речь/дискурс»: ЯЛ как феномен включает мыслительную, речевую, дискурсивную (дискурсивную) личности.

В.П. Конечкая справедливо полагает, что видовое понятие «коммуникативная личность» (КЛ) значительно шире понятия «ЯЛ», т.к. предполагает характеристики, связанные с выбором не только вербального, но и невербального кода коммуникации [8].

С.Г. Воркачев понимает под ЯЛ прежде всего личность речевую – человека как носителя языка, взятого со стороны его способности к речевой деятельности [2; С. 65-66]. Данное понимание представляется нам рациональным. Однако необходимо эксплицировать различие между системой языка и реализацией этой системы на уровне функционирования.

Разновидностью речевой личности можно считать личность *дискурсивную*. С.Н. Плотникова считает, что дискурсивная личность представляет собой ЯЛ, порождающую определённый дискурс в виде непрерывно возобновляемого или законченного, фрагментарного или цельного, устного или письменного сообщения [10; С. 253]. Названный учёный также указывает на возможность несовпадения ЯЛ и дискурсивной личности, т.к. «одна и та же дискурсивная личность может соотноситься с двумя или более ЯЛ. Это происходит, к примеру, когда человек свободно порождает один и тот же дискурс (например, один и тот же научный доклад) как на родном, так и на иностранном языке» [10; С. 254].

На дискурсивной составляющей личности строит свою классификацию К.Ф. Седов. Он выделяет три типа ЯЛ *по способности к кооперации в речевом поведении*: 1) конфликтный; 2) центрированный; 3) кооперативный [12; С. 6-12].

Согласно классификации К.Ф. Седова, одна и та же ЯЛ может сочетать в себе черты разных типов. Рассмотрим несколько примеров (Тулла Покрифке, героиня романа Г. Грас-

са «Im Krebsgang»).

Пауль Покрифке задает своей матери вопрос, почему молодежь вновь начинает вспоминать дела минувших дней, говорить о фашизме и даже поддерживать его возрождение. На что она делает лишь отсутствующее лицо – «Binnichtzuausegesicht».

<...> habe ich zu Mutter gesagt: “<...> Wieso, hab ich mich gefragt, sind heutzutage Jugendliche ganz verrückt nach diesem Gustloff und all dem, was sonst noch mit ihm zu tun hat? ...”

Mutter hat darauf nichts gesagt. Sie machte wie immer, wenn ihr etwas zu nahe kam, ihr Binnichtzuausegesicht, das heißt, sie verdrehte die Augäpfel bis zum Gehtnichtmehr [20; С. 50].

В данной ситуации Тулла ведет себя как пассивно-центрированный тип ЯЛ. Она «зацикливается» на себе, на своем внутреннем мире, на своих мыслях, воспоминаниях. Коммуникация не удаётся: интенции одного из собеседников не удовлетворены: сын не добился от матери ясного ответа на свой вопрос. Она же, в свою очередь, сделав отсутствующее лицо, показала, что не будет дальше обсуждать эту тему.

В другом контексте Тулла ведет себя уже как конфликтный агрессор.

Ich telefonierte mit Mutter und bekam eine Abfuhr: “Na sowas! Jahrelang haste diä nich um onser Konradchen jekimmert, ond nu auf ainmal heerste die Flöhe husten ond spielst ons den besorjten Papa vor...” [20; С. 71].

У Туллы сложилось предубеждение, что её сын – плохой отец. Об этом свидетельствует ее фраза «Jahrelang haste diä nich um onser Konradchen jekimmert, ond nu auf ainmal heerste die Flöhe husten ond spielst ons den besorjten Papa vor...». Она даже не хочет предположить, что её внук Конрад может сделать что-то плохое, поэтому грубо прерывает коммуникацию, отказавшись разговаривать с сыном (Ich telefonierte mit Mutter und bekam eine Abfuhr). В данном случае разговор напоминает борьбу, в которой Тулла пытается нанести как можно больше улюлов собеседнику.

Второе основание может быть связано с

дихотомией *литературный язык / национальный язык*. В рамках литературного языка, как уже было указано, выделены три типа личности (языковая, речевая, дискурсивная), в рамках же национального языка можно говорить о *диалектной* (на уровне территориальных диалектов) и *просторечной* (на уровне просторечия) ЯЛ.

Диалектную ЯЛ описывают Е.В. Иванцова, Е.С. Шойсоронова [4; 19].

На *третьем основании классификации* рассмотрим *соотнесённость в рамках межкультурного взаимодействия* и на этом уровне попытаемся исследовать *первичную и вторичную* ЯЛ. С первичной ЯЛ связывается принадлежность к тому или иному национальному типу; вторичная ЯЛ – это «личность в билингвментальном пространстве учебного дискурса» [14; 15; 17]. Иначе говоря, первичная ЯЛ связывается с носителем языка, а вторичная – с тем, кто овладевает иностранным языком.

Рядом учёных ЯЛ исследуется *с точки зрения ментальной и гендерной специфики*. Это основание можно назвать *четвёртым* в классификации. Оно тесным образом связано со вторым. Так, Е.С. Шойсоронова, исследуя бурятскую ЯЛ, говорит об *этнической* ЯЛ. Она отмечает, что именно этническое в человеке (*homo ethnicus*) способно помочь личности сориентироваться в этом сложном, стремительно меняющемся мире [19; С. 3]. Об *этносемантической* личности упоминает и С.Г. Воркачëв [Воркачëв, 2001; С. 66].

На *пятом основании классификации* считаем целесообразным рассматривать *единичность/множественность*. С.Г. Воркачëв называет конкретного носителя языка термином «*идиолектная личность*» [2; С. 17]. В.П. Нерознак выделяет два типа идиолектной ЯЛ: *стандартную* и *нестандартную* [9; С. 114]. По его мнению, стандартная ЯЛ, в отличие от нестандартной, отражает нормы литературного языка, нестандартная ЯЛ, под которой автор видит носителя арго, жаргона и др., не придерживается их [9; С. 116]. Выделенные В.П. Нерознаком два типа идиолектной ЯЛ (стан-

дартная и нестандартная) мы склонны рассматривать как отдельные типы в рамках второго основания.

Шестым основанием классификации ЯЛ необходимо назвать, на наш взгляд, *сферу общения*. На этом уровне можно говорить о *поливалентной* и *моновалентной* ЯЛ. Названные типы ЯЛ как таковые анализируются И.Ю. Уфаевой, которая и вводит эти понятия, но без соотнесения их с тем или иным основанием классификации. По её мнению, поливалентная ЯЛ способна трансформироваться в процессе переключения с одной сферы общения на другую и моделировать в процессе коммуникации свой образ посредством реализации специфических единиц и форм [13; С. 9].

Седьмое основание классификации ЯЛ, как представляется, может быть связано с *межличностными отношениями*. Именно в рамках этого основания целесообразно описывать *толерантную* ЯЛ с введением оппозиции – *нетолерантная* ЯЛ. Толерантная ЯЛ рассматривается в работах Л.П. Халяпиной, которая предлагает говорить о ней как о «новом концепте в рамках теории вторичной ЯЛ», обосновывая это необходимостью формирования способности и готовности студентов к позитивному взаимодействию с поликультурным миром и с его представителями [15; С. 9]. Работы, посвящённые нетолерантному типу ЯЛ, нам не встретились.

В качестве *восьмого основания* классификации ЯЛ может выступать, на наш взгляд, *реальность/нереальность*. С этой точки зрения можно выделить *реальную* и *нереальную* ЯЛ. Названная оппозиция может быть рассмотрена с двух сторон. Во-первых, реальность/нереальность определяет *реально существующую* и *вымышленную* ЯЛ. Сферой последнего типа, например, является личность *художественная*. Во-вторых, нереальный тип личности, как представляется, может быть соотнесён с *виртуальным* типом личности.

Девятым основанием мы рассматриваем *степень креативности ЯЛ*. В этом ключе можно говорить о *творческой* и *нетворческой*

ЯЛ. Н.Л. Чулкина пишет о творческой ЯЛ, противопоставляя ее типичному, рядовому, среднему носителю языка [16; С. 3].

Таким образом, совокупность типов ЯЛ можно свести к девяти предлагаемым нами основаниям, что позволяет упорядочить и терминологию (здесь мы заполняем некие лакуны,

вводя понятия: *просторечная, реальная/нереальная, нетолерантная ЯЛ в оппозиции к толерантной*). Представленный ряд оснований не является завершенным, поэтому не исключено, что данная системная классификация может включать и другие основания.

Литература

1. Богин Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г.И. Богин. – Л., 1984.
2. Воркачёв С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачёв // Филологические науки. – 2001 – № 1. – С. 64-72.
3. Габидуллина А.Р. Дискурсивная личность учителя-словесника / А.Р. Габидуллина // Актуальные проблемы славянской филологии. Вып. XI. – Киев, БДПУ, 2006. – С. 236-242.
4. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.В. Иванцова. – Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2002. – 35 с.
5. Карасик В.И. Аспекты языковой личности / В.И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации / Под ред. М. А. Кормилицыной. – Саратов, 2003.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
7. Клобукова Л.П. Лингвометодические основы обучения иностранных студентов-нефилологов гуманитарных факультетов речевому общению на профессиональные темы: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Л.П. Клобукова. – М., 1995.
8. Конечкая, В.П. Социология коммуникации. Языковая личность [Электронный ресурс]: Режим доступа: Библиотека «Полка букиниста»: [сайт]. – [Б.м., 2006]. – URL: http://society.polbu.ru/konetskaya_commsociology/ch27_i.html (23.03.09).
9. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод. – М.: МГЛУ, 1996. – С. 112-116.
10. Плотникова С.Н. Неискренний человек как удвоенная дискурсивная личность / С.Н. Плотникова // Личность и модусы её реализации в языке: коллективная монография. – М.: ИЯ РАН; Иркутск: ИГЛУ, 2008. – С. 249-277.
11. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. – М., 1997.
12. Седов К.Ф. Типы языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении // Проблемы речевой коммуникации. Межвузовский сборник научных трудов / К.Ф. Седов. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2000. – С. 6-12.
13. Уфаева И.Ю. Лингвокультурный типаж HISPANIC: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Ю. Уфаева. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. – 24 с.
14. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков) / И.И. Халеева. – М.: Высшая школа, 1989. – 240 с.
15. Халяпина Л.П. Трансформация концепта «языковая личность» в теории и методике обучения иностранным языкам. – [Электронный ресурс]: Режим доступа: ftp://lib.herzen.spb.ru/text/khaliapina_7_21_91_102.pdf (29.07.2009).
16. Чулкина Н.Л. Модель лексикона носителя русского языка как способ представления лексической системы: автореф. дис. ... канд филол. наук / Н.Л. Чулкина. – М., 1987. – 14 с.
17. Шаброва Н.С. Эволюция языковой личности студента в билингвоментальном пространстве учебного дискурса: автореф. дис... канд. филол. наук / Н.С. Шаброва. – Краснодар, 2009. – 24 с.
18. Шаховский В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты / В.И. Шаховский // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград: Волг. гос. пед. ун-т, 1996.

19. Шойсоронова Е.С. Языковая личность: этнический аспект (на материале бурятской языковой личности): автореф. дис... канд. филол. наук / Е.С. Шойсоронова. – Улан-Удэ: Бурятский

государственный университет, 2006. – 22 с.

20. Grass, G. *Im Krebsgang. Eine Novelle* / Günter Grass. Steidl Verlag, Göttingen, 2002. – 216 S.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Пекарская Е.А., аспирантка, институт филологии, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (ХГУ)

Служ. тел.: 8 (3902) 22-34-82

E. Pekarskaya, Post-graduate student, Institute of Philology, Khakass State University named after N.F. Katanov

Научные интересы: речеведение: стилистика, культура речи, риторика, прагмалингвистика, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, германские языки

Areas of expertise: linguistics, stylistics, speech culture, rhetoric, pragmatic linguistics, linguistic culturology, intercultural communications, Germanic languages

УДК 811.512.31'34 : 398

Санжеева Лариса Цырендоржиевна
Larisa Sanzheeva

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ФОНЭСТЕТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
В ПОЭТИКЕ БУРЯТСКОЙ ГЭСЭРИАДЫ**

**FUNCTIONAL PECULIARITIES OF PHONAES-
THETIC DEVICES IN THE POETICS OF THE
BURYAT EPIC OF GESER**

Рассматриваются изобразительные средства, используемые в поэтической системе бурятского эпоса о Гэсэре, а именно фонэстетические слова и выражения. Отдельное внимание уделено разным видам аллитерации как одному из важных средств звуковой организации улигерного текста. В качестве материала для исследования послужил вариант бурятского эпоса «Абай Гэсэр Богдо хаан», записанный от сказителя А.В. Васильева

The article deals with the expressive means used in the poetic system of Buryat epic of Geser, phonaesthetic words and word-combinations in particular. Special attention is given to different types of alliteration as one of the important means of sound structure of uliger. The analysis is based on the version of Buryat epic "Abai Geser Bogdo khaan" written from uligershin A.V. Vasilyev

Ключевые слова: поэтика улигера, фонэстетические средства, аллитерация, смысловая скрепа, фонетическое разнообразие, эмоционально-выразительные средства

Key words: uliger poetics, phonaesthetic means, alliteration, meaningful connector, phonetic variety, emotionally expressive means

Фонетика изучает звуковую сторону речи и является наукой об искусстве звуковой организации речи, т.е. отборе и употреблении языковых средств фонетического уровня с определенной стилистической задачей, определяет характерные для каждого национального языка условия благозвучия, исследует разнообразные приемы усиления фонетической выразительности речи, учит художественно оправданному и стилистически целесообразному звуковому выражению мысли. Таким образом, она изучает эстетическую роль фонетических средств языка. К примеру, английский язык изобилует так называемыми фонэстетическими (phonaesthetic) словами. В

этих словах одна часть, чаще всего сочетание согласных, дает представление о его общем элементе смысла. Слова, начинающиеся с "sl" – slippery, slide, slip, slither, slush, sludge (скользящий, скольжение, скользить, слякоть, грязь, плавающий лед), можно объединить в группу с одним понятием "скользящий" [5; С.173].

В монгольских языках, в частности, в бурятском, наблюдается подобное явление. В работе Е.О. Хундаевой рассматриваются такие фонэстетические слова, как нугарса, хухарса и др. Автор также выделяет слова с начальным нуга (нугалаа – изгиб; нугалалга – сгибание; нугалбари – сгиб, складка; нугалга – сгиб (действие); нугалзуур – гибкий, эластичный; нуга-

луур – сгиб, изгиб), которые имеют общее значение сгибать, сгибание (перегибание). По отношению к понятию "мир, покой" это значение может расширяться до "нарушать", т.е. здесь нарушить мирные дружеские отношения, что приводит к ссоре, ругани. Слово «нугарса» можно понять как "так, что согнулся, перегнулся", т.е. общий элемент значения "нарушение, искажение первоначального состояния". Слова с начальным хуха (хухардаһа – обломок; хухармар – ломкий; хухархай – изломанный; хухаршамаар – могущий сломаться) имеют общее значение «ломать», «нарушать». Отсюда слово «хухарса», усиленное словом «нугарса», вероятно, можно расширить до «вдребезги», «вдрызг». Фраза «Нугарса хухарса хэрэлдэбэ» переведена так: «Вдрызг (вконец) переругались (перессорились)»; Нугар хухар татуулая – «Потянем, вдребезги сломаем».

Приведем другой пример.

*Алшын хутэлэй саана
Малгайн улаан залаагай
һахас гэхэнь харагдаба.*

Слово «һахас» произошло от «һахагар» – мохнатый, лохматый, косматый. Бурятскую шапку (малгай) обычно венчает красная кисточка. Движение кисточки при езде на коне, т.е. кинетический образ, получает вербальное обрамление һахас, которое трудно перевести на русский язык, но, тем не менее, это наречие, определяющее действие глагола "харагдаба", т.е. обстоятельство образа действия. Слова «һахас», «гэхэнь» можно перевести как «мохнато», «космато». Слово «харагдаба» можно перевести как «появился (в поле зрения)» или «промелькнул и скрылся из виду».

Второй вариант контекстуально более правильный и в сочетании со словами «һахас», «гэхэнь» его можно перевести так: *мохнатый, промелькнул и скрылся из виду (исчез)*. Но с точки зрения языка перевода это звучит не вполне приемлемо. Поэтому необходимо искать другой вариант перевода. Для этого можно воссоздать в воображении визуальный образ, своего рода мимему и дать ей

вербальное оформление, тогда может получиться следующее: качнулась во все стороны (т.е. кисти "вздохматились", "трепыхнулись" при движении) и скрылась из виду. Теперь можно дать перевод всего предложения.

*За холмом Алша
Красная кисточка его шапки
Качнулась и скрылась из виду.*

Мы предпочли здесь более сдержанное "качнулась", т.к. кисточка делается из тяжелых шелковых прядей, они не "трепыхаются", а лишь как бы слегка подсакивают, покачиваются при движении».

Рассмотрим ряд других слов и выражений:

*Сой мунгэн дууроогоо
Соб байсар дууролжэ.*

Соб – звукоподражание падению капли или звуку при поцелуе (чмок). Но подобное толкование вызывает сомнение, считает Е.О. Хундаева. Более приемлемым она находит вариант со словом собхорхо – подпрыгивать, подсакивать, прыгать и приводит ряд слов с этими начальными буквами, у которых общий элемент смысла – "подпрыгнуть"; собхогошохо – припрыгивать, подпрыгивать; собхороо(н) – прыганье, прыжки; собхорсогоохо – подпрыгивать, подсакивать.

Теперь текст можно перевести следующим образом:

*Вдел ноги, слегка подпрыгнув,
В свои серебряные стремена.
Следующий пример:
Хаахиралдан, хаагалалдан ерэбэ
С карканьем, клетотом прилетели.*

Не вызывает сомнения то, что первые два-три звука хаа (хаах, хааг) означают громкие, резкие, хриплые звуки, напоминающие карканье вороны.

Следующее выражение также связано с воронами, в данном случае с отрицательными персонажами.

*Тумэр хушуу хушуулжа,
Тумэр һабар һабарлажа...*

*Вытянув свой железный клюв,
Поцарапывая железными когтями...*

В этом примере слоги ту, ху, һа или, скорее, звуки т, х, һ, р, неоднократно повторяющиеся на небольшом отрезке высказывания, создают образ наступающего, атакующего недруга. Перечисленные звуки в контексте "Гэсэра" относятся к разряду твердых, агрессивно-неприятных. Сюда примыкает сочетание звуков һ-х-р, создающее аналогичный эффект неприятной ситуации.

Далее перейдем к звукоподражательным и звукоизобразительным словам, например: баг-баг, татаг-татаг, ян-хан, яб-хан, своим фонетическим разнообразием тесно связанным с передаваемым смыслом. К примеру,

*Шүдэнэйнгоо сагаае ирзайлгажа,
Нүдэнэйнгоо ягаае ялайлгаба,
Хаба нэмэн хабархаба,
Шэнжэ нэмэн шэжэрхэбэ.*

Воссоздается очень яркий, визуально представляемый образ. Глаголы ирзайлгах (оскалывать, ощеривать зубы), ялайлгах (сверкать, блеснуть), хабархаха (бахвалиться) весьма экспрессивны на внешнем звуковом и внутреннем смысловом уровнях. Будучи произнесенными, эти строфы режут слух своими шипяще-свистящими, "хакающими", якающими сочетаниями звуков, в результате вырисовывается неприятный, злобный образ Атай-Улаан тэнгрия.

*Жутко ощерившись,
Недоброе сверкая белками глаз,
Бахвалился избытком сил,
Чванился своими чарами.*

В целом языковой анализ эпического текста показал присутствие в нем многочисленных фонэстетических слов и выражений, внешнее оформление которых сигнализирует об их значении. Сочетания определенных звуков действительно дают представление об общем элементе смысла слов, объединенных определенной последовательностью фонем.

Среди других форм внешней звуковой организации бурятского улигера о Гэсэре интерес представляет аллитерация, которая служит средством эмоциональной выразительности, смысловой значимости описываемого явления.

Рассмотрим аллитерацию с точки зрения «продуктивности» тех или иных звуков в образовании этого поэтического средства. Приведем примеры аллитерации по начальным звукобуквам, причем располагая их в алфавитном порядке.

Буква «а»

*Абарга Саган тэнгэри
Абарга эрдэмээ гаргажа [1; С. 43].
Атай мээгээ гаргалсана,
Аман дээрэхэн адаралдажа [1; С. 49].*

Буква «б»

*Баруунай багай холо тэнгэридэ
Бахиин барин оробо ло [1; С. 36].
Бурьяһан бурьяһан боро далайе ла,
Боохо боохо заяан дуулдаһай даа,
Булинтарһан булинтарһан тэнгэринүүдые лэ,
Болюулха болюулха заяан дуулдан байһай даа
[там же].*

Здесь представлены случаи аллитерации как в двух, так и в четырех строках, объединенных общим смыслом.

Буква «г»

*Гурбан һурье онон
Гурбан дабхар һээ [1; С. 43].
Галзуу Хаара тэнгэри
Ган-гун гэн ошожо [1; С. 46].*

В приведенных примерах присутствуют двустрочные аллитерированные варианты, причем в последнем примере представлены звукоизобразительные элементы «ган-гун».

Буква «д»

*Дотор соогоо үргэхэн,
Дороһоон унгаһан [1; С. 32].
Дабтаһан юумаяа хүсэхэ,
Добтолһон юумаяа бариха [1; С. 33].*

Буквы «е (ё)»

Ерэн алда болохо

Ехэ хэдэргэээ абажа [1; С. 29].
Ехэ зоригтой баатар,
Ехэ эршэтэй хүйхэр гэжэ [1; С. 34].

Буква «з»

Зүлгуй хээрээ асаржа,
Зэргэээ харан зогсобо.
Зуун хараанай газарта
Зулгуй ябан харайха [1; С. 46].
Зуу гарса морид
Заһуулнуудаа дахан ошобод.
Зүүнэй можын хүбүүд [1; С. 47].

Буква «м»

Мэргэн мээгээ харуулагты,
Морин галданаа урилдуулжа,
Морино солбон собооен ... [1; С. 35].
Минган зон гэршэлхэ!
Мини морин гараа [1; С. 48].

Буква «н»

Нигэ бага зэмэ олоо наа,
Нэгэ бага алдуу хараа наа [1; С. 33].
Наартай хольшортой наадаа
Наадатай, неэдэһэтэй зугааяа [1; С. 41].

Буква «о»

Огшом өөдэ ошохо
Олон минган малтай [1; С. 33].
Оройн үһэн орболзобо,
Оошын шүдэн ханхинаба [1; С. 45].

Буква «с»

Сээжэээ бүдүүндэн
Сэсэн сэндэр гүүлһэн,
Сүмгэнээ бүдүүндэн [1; С. 33].
Суда орон ошоһон,
Сойдо хатарһан байба ха [1; С. 34].

Буква «т»

Тала хэдыб гэжэ
Талмайржа ябагшаһанш!
Тэрэ хэнэй зэмэб? [1; С. 30].
Тиижэ һабажа ерээд,
Тархиин уруугшан харуулан,
Табагайен өөдэн харуулан [1; С. 42].

Буква «у (ү)»

Үдэр бүри того гаргажа,
Үен бүри хүбүү басага барижа [1; С. 33].
Үхэхын үбшэндэ болоболин
Үнэтэй бөө гүүлэжэ [1; С. 34].

Буква «х (h)»

Хойшоо ниидэһэн шубуудые
Хойшон гарганбэйеэр,
Харайн дэбхэрэн ерээд лэ,
Халин булин ошобо ло.
Хан бүргэд тэнгэри
Хабайн туршан үзэхэээ
Хажуу гаран байба ла [1; С. 42].

Буква «ш»

Шэхэниин шэртээсэрэн,
Шэгэшын бултайсаран [1; С. 42].
Шобхо нюдаргануудаа гаргалсажа,
Шаалдан сцхилдон байбад ла [1; С. 49].

Буква «э»

Ээмтэ юумада илагдахабэй,
Эрхээтэ юумада бүлигдахабэй,
Эрэшье хүүн болоболин,
Эрэлтэээр тулалсадаг,
Эзышье хүүн байбалин [1; С. 32].

Буква «ю»

Юһэн боро морёороо ерэжэ,
Юһэн хүндэ һомоо
Юһэн тээшэн табижа [1; С. 61].

Буква «я»

Ялага газар тулума
Яһала олон ямаатай байба ла [1; С. 33].

Итак, в аллитерированных стихотворных отрывках встречаются буквы х (h), т, у (ү), м, б, д, з, о, н, э, а, г, с, ш, из них наиболее продуктивны х, т, б, з, м, которые наиболее частотны в статистическом отношении. Реже всего в аллитерациях встречаются ю, я. В рассматриваемом эпосе в аллитерированном виде мы не встретили следующие буквы: в, ж, и, к, л, п, р, ф, ц, ч, щ, т.к. большая часть этих букв – исконные заимствования.

На начальных страницах улигера (т.е. на сс. 1-50) эпического сказания аллитерация представлена очень широко, далее к концу текста случаи аллитерации отмечаются реже, что, на наш взгляд, может свидетельствовать о том, что аллитерирование строк, вероятно, требует определенных усилий со стороны повествователя, свежих сил, вдохновения, наличия стимула в виде слушателей и т.д. Остановимся на более сложных аллитерационных моделях.

Буквы «а-а-х-х»

*Алиганайн шэнээн эльгээр
Арбан захатайе оёжо,
Хурганайн шэнээн араһаар
Хорин захатайе оёжо забдаба ла [1; С. 26].*

Четверостишие состоит из двух параллельных смысловых частей: в первой части говорится о десяти «воротниковых» (верхняя одежда), сшитых из маленького «лоскута» (размером с ладонь); во второй – о двадцати «воротниковых», сшитых из шкуры еще меньшего размера (с палец).

В первой части в начале строки повторяется буква «а», скрепляя две строки по смыслу, во второй части повторяется буква «х», которая также является своеобразной смысловой и поэтической «скрепой». Аллитерация здесь выступает в качестве смысловой скрепы.

Буквы «о-о-о-о-т-т-т-т»

*Огшом газарта бэлшэхэ
Олон минган хонитой байба ла,
Ондолиһоо боодожо,
Олон хүбүүтэй басагатай болобо ло,
Тэрэ олон хүбүүдийн
Тообэйеэр үдэжэ,
Томиршобэй олон үритэй боложо,
Тэнгэригээ тэниисэрэн нууридажа [1; С. 25].*

Восьмистишие состоит из двух частей, из которых первая аллитерируется на «о», вторая – на «т». Обе посвящены разным смысловым блокам: первая – о наличии достатка и детей, вторая – о разрастании семьи, появлении внуков и правнуков. Можно сказать, что единоначалие является своеобразным средством смысловой скрепы.

Буквы «уһ-уһ»

*Үдэрөө хүдэмэртэн үүшээлгэжэ,
Нүниёө хүдэмэртэн хүшээлгэжэ,
Үдэр бүри үрмашажа,
Нүни бүри хүтижэ [1; С. 26].*

Попарно аллитерированные строки близки по смыслу, но все же различаются по

своему конкретному лексическому наполнению, налицо поэтический повтор, служащий выразительным средством, ярко оттеняющим смысл повествования.

Буквы «хб-хб»

*Хүбүүн хүбшэргэһөөн гэлсэхэ,
Басага богожуулхада,
Хүбүү хүүжүүлхэдэ
Багаһаан хургаха [1; С. 30].*

Разделение попарно аллитерированных строк идет по признаку: мальчики – девочки.

Буквы «хм»

*Хоёрдохи эргэсэн болоходон
Манзан Гүрмэйн можоһоон
Хан Бүргэд тэнгэри болобо,
Маяс Харьн отогоһоон ... [1; С. 42].*

Здесь аллитерация не отягощена особыми экстралингвистическими факторами, просто имена двух сестер начинаются одинаково, совпадают начальные буквы у слова «хоёрдохи» и имени «Хан Бүргэд», так что усилия со стороны сказителя для образования аллитерации были минимальные; аллитерация образовалась естественным образом, благодаря большому словообразовательному потенциалу букв «х» и «м» в позиции в начале слова.

Буквы «хт»

*Хара Дархан тэнгэри,
Түүниин даада хүбүүн –
Хара Соохор тэнгэри,
Түүниин даада хүбүүн [1; С. 32].*

Аллитерация в данном случае обусловлена повтором второй и четвертой строк и именами персонажей с одинаковым началом и концовкой. Происхождение аллитерации вполне естественное благодаря своеобразию бурятского языка (большая частотность букв х и т в начале слова) и поэтическому стилю (повторы, единоначалие и т.д.).

Буквы «ххбб»

*Хада өөдэ бэлшэхэ
Хара минган адуутай,*

*Боори өөдэ бэлшэхэ
Бүри олон минган үхэртэй [1; С. 25].*

Аллитерация и синтаксический параллелизм здесь использованы для образного показа богатства скотом.

Таким образом, аллитерация в рассматриваемом улигере состоит в звуковом повторе в начале двух-трех и более строк (бур. 'толгой холболго', букв. 'соединение начал'). Были выявлены разные виды аллитерации: сплошная; смежная или парная; перекрестная; вольная;

внутренняя. Иногда аллитерируются несколько смежных строк, а последняя строка имеет другое звуковое оформление. Возможно, это обусловлено смысловой нагрузкой данного явления, т.е. последняя строка подчеркивает основную содержательную мысль в строфе, поэтому обособлена, отлична в звуковом отношении. Единоначалие, или аллитерация в рассматриваемом эпическом тексте является своеобразным средством смысловой скрепы внутри строфы.

Литература

1. Абай Гэсэр Богдо хан. Буряадай морин ульгэр. – Улан-Удэ, 1995.
2. Palmer F.R. *Semantics. A new outline.* – Moscow, 1982.
3. Санжеева Л.Ц. Система имен собственных в бурятской Гэсэриаде. – Улан-Удэ, 2006.
4. Хундаева Е.О. Бурятский эпос о Гэсэре:

- связи и поэтика / Е.О. Хундаева. – Улан-Удэ, 1999.
5. Хундаева Е.О. Фоника и фонэстетические слова // Этнокультурное и фольклорное наследие монгольских народов в контексте истории и современности. – Улан-Удэ, 2008. – С. 173-178.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Санжеева Л.Ц., канд. филол. наук, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации, зам. декана факультета иностранных языков, Бурятский государственный университет (БГУ)
lsanzhe@mail.ru

L. Sanzheeva, Candidate of Philology, Associate Professor of Translation and Cross-Cultural Communication Chair of Buryat State University, vice-dean of Foreign Languages Faculty

Научные интересы: эпосоведение, ономастика и национальная культура, сравнительный анализ языковых явлений, герменевтический дискурс

Areas of expertise: Epic studies, onomastics and national culture, comparative analysis of language phenomena, hermeneutical discourse

УДК 811.512

Харанутова Дарима Шагдуровна
Darima Kharanutova

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА СИСТЕМУ
БУРЯТСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
(К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИИ
СЛУЖЕБНЫХ АФФИКСОВ)

RUSSIAN LANGUAGE INFLUENCE ON THE
WORD-BUILDING SYSTEM OF BURYAT
LANGUAGE (BORROWING OF FUNCTIONAL
AFFIXES REVISITED)

В статье рассматриваются некоторые аспекты влияния русского языка на бурятскую словообразовательную систему. Благодаря ему существенно пополнилась производящая база бурятского словопроизводства

Some aspects of the Russian language influence on the word-building system of Buryat language are considered in the article. Due to the Russian word-building new word-building system was created, specific word-building types appeared, base of Buryat language functional affixes was renewed

Ключевые слова: словообразовательная система, служебные аффиксы, взаимовлияние

Key words: word-building system, functional affixes, mutual interaction

Вопрос о взаимовлиянии языков неоднократно поднимался учеными-монголоведами, в частности, разные стороны процесса заимствования русских слов бурятским языком рассматривались в работах Т.А. Бертагаева, Ц.Б. Цыдендамбаева, Л.Д. Шагдарова, У.-Ж.Ш. Дондукова, А.А. Дарбеевой, С.Л. Чарекова и др. В основном в них содержатся конкретные наблюдения по собственно лексическим заимствованиям. Влияние русского языка на систему бурятского словообразования было предметом внимания У.-Ж.Ш. Дондукова, Л.Д. Шагдарова и С.Л. Чарекова. В частности, о русских кальках в бурятском языке говорится в работе У.-Ж.Ш. Дондукова [1970], общие и частные проблемы сочетаемости заимствованных слов и терминов освещены У.-Ж.Ш. Дондуковым [1970] и Л.Д. Шагдаровым

[1967]. С.Л. Чареков [1990] рассматривает словообразовательное оформление заимствованных имен прилагательных.

Однако данная проблема касается не только вопросов деривационного потенциала русизмов (к ним мы относим собственно русские заимствования и слова-интернационализмы), но и степени влияния русского языка на систему бурятского словообразования в целом.

Известно, что дореволюционные заимствования, как и в большинстве национальных языков России, в бурятском подвергались модификации (*хартаабха* `картофель`, *ороохон* `зерно` от русского слова *рожь*), в советский период русизмы интегрировали уже без особых изменений (*проценты*, *аспирантура*, *карантин*). Следует отметить, что прилагатель-

ные заимствуются чаще всего без изменений (*дистанционно, кабельна, муниципальна, экологическа*). «Выражаясь точнее, они были не столько заимствованы, сколько введены в бурятский язык» [Чареков, 1990; С. 99].

Считается, что бурятский язык легко заимствует русские слова, при этом из всех частей речи, как и во многих других языках, наиболее свободно заимствуются существительные, которые, в свою очередь, активно участвуют в бурятском словопроизводстве, русизмы образуют свои словообразовательные цепочки и парадигмы, организуют словообразовательные гнезда.

Соответственно, эти факты находят отражение в словарях бурятского языка. Например, в «Бурятско-русском словаре» под редакцией К.М. Черемисова в качестве отдельных словарных единиц можно выделить целые группы слов (*патриот, патриотизм, патриотически; литература, литературна, литератор*) и словообразовательные пары (*машинист – машинистка, артист – артистка*). При этом некоторые русизмы принимают бурятские словообразующие и формообразующие аффиксы. Например, все заимствованные слова с конечным *-и/-* функционируют в бурятском языке или с усеченной финалью *-i-*, напр. *стабилизаци, приватизаци*, или же образуют аналог при помощи бурятского суффикса *-лга*: *стабилизаци(лга), приватизаци(лга)*.

Благодаря агглютинации бурятские суффиксы легко сочетаются с дериватом любой степени словообразования, независимо от того, русское это слово или бурятское. Соответственно, в бурятском языке имеется большое количество гнезд, где наряду с группой заимствованных однокоренных слов находятся производные с бурятскими суффиксами и основами: *село `село` – селькор `селькор*, сокр. `сельский корреспондент`, *сельпо `сельпо` – сельскэ `сельский` – сельсовет `сельсовет`*, сокр. `сельский совет`; *капитал `капитал` – капитал оруулалга `капиталовложение`, капитализм `капитализм`, капиталист `капиталист` – капиталистическэ `капиталистический` – капиталтан `капиталисты`*. То есть в одном гнезде могут сосуществовать два варианта – один полностью с заимствованной формой, другой – с бурятским суффиксом, в данном случае *капиталтан* (бурятский суффикс *-тан* со значением лица) и *капиталист* (суффикс *-ист* со значением лица).

Машинист – машинистка, артист – артистка). При этом некоторые русизмы принимают бурятские словообразующие и формообразующие аффиксы. Например, все заимствованные слова с конечным *-и/-* функционируют в бурятском языке или с усеченной финалью *-i-*, напр. *стабилизаци, приватизаци*, или же образуют аналог при помощи бурятского суффикса *-лга*: *стабилизаци(лга), приватизаци(лга)*.

Машина	Машина байгуулга (машиностроение)	Машина байгуулгын (машиностроительный)
	Машина б□тээлгэ (машиностроение)	Машина б□тээлгын (машиностроительный)
	Машина б□тээдэг (машиностроительный)	
	Машинадаха (работать на какой-либо машине; напр. мяха машинадаха (пропускать мясо через мясорубку)	Машинадуулха (доп. от машинадаха)
	Машинажаһан (машинизированный)	
	Машинизаци(лга) (машинизация)	
	Машинист (машинист)	
	Машинка (пишущая машинка)	
	Машинна (машинный)	
	Агтамашина (тунк., разг.)	

На примере гнезда с вершиной «машина» (гнезда в данной работе приведены в сокращенном виде) можно наблюдать, как в бурятских словообразовательных парадигмах и цепочках своеобразно переплетаются заимствования (*машинист, машинка*) и дериваты, созданные на базе заимствованных русских слов с помощью бурятских суффиксов (*машинизация, машинажан*). В этом же гнезде наблюдаются дериваты с бурятскими основами, т.к. заимствование осуществляется путем частичного калькирования (*машина байгуулга, машина б[]тээлгэ*), дериват *агтамашина* (разг.), образованный операционным способом (сложение) также входит в это словообразовательное гнездо. Таким образом, в составе бурятского словообразовательного гнезда в деривационных отношениях находятся как русские заимствования, так и бурятские дериваты, созданные на основе этих заимствований. То, что одно заимствованное существительное *машина* дало обширное словообразовательное гнездо, свидетельствует об активной роли русских заимствований в бурятском словопроизводстве. При заимствовании глубина проникновения слов в лексику другого языка прежде всего связана со способностью иноязычного слова к лексико-семантической и словообразовательной деривации в языке-рецепторе, что мы и наблюдаем в бурятском языке.

При изучении взаимодействия языков на словообразовательном уровне особый интерес вызывает вопрос о заимствовании служебных морфем. В лингвистической литературе существуют разные мнения насчет русских аффиксов типа *-изм, -ист, -ер, -тор, -изация, -к, -щик/-чик* и т.д. Обычно заимствованные слова сохраняют свою словообразовательную структуру, поэтому существует мнение, что языком заимствуются и аффиксы. Однако имеется и другая точка зрения о том, что членность заимствованных основ (*журнал-ист, специал-ист*) еще не означает, что язык заимствовал подобные аффиксы.

Исследователи бурятского языка под-

держивают вторую точку зрения. В частности, С.Л. Чареков считает, что суффиксы заимствованных прилагательных в бурятском языке не являются самостоятельными морфемами [Чареков, 1990; С. 101], и по мнению Л.Д. Шагдарова, «попытка приспособить некоторые интернациональные аффиксы к бурятским словам (*уклонизм – kelbereliizm, хвостизм – syulizm*) не увенчалась успехом» [Шагдаров, 1967; С. 91].

О заимствовании служебной морфемы можно говорить тогда, когда она начинает образовывать слова. Факты показывают, что в заимствованных бурятским языком существительных эти суффиксы легко выделяются, легко осмысливаются и в словообразовательной парадигме, напр. *капитал-ист, капитал-изм*, и на фоне других слов, образованных по этой же модели: *социал-изм, ленин-изм, маркс-изм* и т.д. Более того, бурятский язык, легко вычленивая подобные суффиксы, создает словообразовательные эквиваленты с бурятскими суффиксами, например, в заимствованных существительных, обозначающих профессию, при помощи суффиксов *-ша/-шо/-шэ, -шан/-шон/-шэн* со значением лица образуются дериваты *сеялкэшэн* `сеяльщик`, *косилкашан* `косильщики`, *автокраншан* `автокрановщик`, *тракторшан* `тракторист` и т.д. Следует отметить, что в словообразовательном освоении русизмов этот суффикс используется чаще всего.

Заимствование служебных аффиксов подтверждает факт продуктивности и активности других русских суффиксов, участвующих, например, в образовании бурятских личных имен со значением пренебрежительности, с коннотативным оттенком ласкательности, чаще употребляемых без всякой экспрессии в разговорном бурятском языке (*-к, -ушк, -уш, -очк* и т.д.): *Эржээночка, Сэсэгүүшка, Дулмууша, Цыпилмууша, Батооша, Мунко – Мунко-оха*. Наиболее частотен аффикс *-к* (в бур. *-ка*): *Баир – Баирка, Жаргал – Жаргалка, Сэсэг – Сэсэшка*. «К бурятским собственным именам, по аналогии с фамильно-бытовыми русски-

ми именами *Ванька, Васька, Женька, Сашка, Петька* и т.п., прибавляется суффикс *-ха* (русское *-ка*): *Хутаан – Хутаанха, Бата – Батууха, Табита – Табитууха* и др.» [Цыдендамбаев, 1959; С. 110].

Примеров из разговорной речи, где бурятские слова образуют деминутивы с суффиксами *-к-, -шк-, -ашк-, -ушк-*, достаточно, чтобы говорить об активности данных суффиксов с уменьшительно-ласкательной экспрессией, со значением уменьшительности: *хулгана-ашка* `мышка` от *хулгана* `мышь`, *дабхаряашки* `складки на верхних веках` от *дабхарья* `складки`. При этом хотелось бы отметить, что, к сожалению, не всегда влияние русского языка мы можем рассматривать как положительный фактор, например, в бурятском разговорном языке функционируют *абгайшка* (разг.) от *абгай* `старшая сестра`, *ахайшка* (разг.) от *ахай* `старший брат`. Образование слов, обозначающих лиц старше по возрасту, статусу, старших родственников с оттенком фамильярности, не характерно для бурятского языка, хотя имеются аффиксы для обозначения лица в презрительно-уничижительном значении, такие, как *-сар/-сэр*: \square *бгэнсэр* `старикашка` от \square *бгэн* `старик`, $x\square$ *нсэр* `человечишко` от $x\square$ *н* `человек`; *-наг*: $b\square$ *нсэг* `шаманишка` от $b\square$ `шаман`.

Интересными являются также факты влияния русской словообразовательной системы на грамматику бурятского языка. При отсутствии категории рода в бурятском языке существовали несколько аффиксов для образования дериватов, обозначающих пол живых существ: *-гшан/-гшон/-гшэн// -гша/-гшо/-гшэ, -жан/-жон/-жэн, -ан/-эн* [Грамматика бурятского языка, 1962; С. 70].

Благодаря русскому языку, увеличился ряд формальных показателей рода.

Во-первых, заимствуются и функционируют коррелятивные пары слов, различающихся по признаку пола: *поэт – поэтесса, артист – артистка, герой – героиня, студент – студентка*.

Во-вторых, бурятским языком заимствуются аффиксы, образующие мужские и женские фамилии, имена и отчества. Следует отметить, что всеми дериватологами (монголоведами и тюркологами) отмечается заимствование русских аффиксов *-ов(-ев), -ова(-ева), -ович(-евич), -овн(-евн), -овна (-евна)*, при помощи которых образуются бурятские фамилии и отчества. Только у восточных бурят некоторые фамилии образованы по модели «имя + аффикс родительного падежа», т.е. не *Будаяев, Гомбо-ева*, а *Буда-ин, Гомбо-ин* и т.д. Бурятские женские имена также образованы при помощи заимствованного из русского языка аффикса *-а*: *Баир – Баир-а, Саян – Саян-а, Соёл – Соёл-а*.

Заимствованные суффиксы участвуют не только при образовании личных имен, отмечается, например, функционирование в некоторых говорах бурятского языка суффикса *-льник* (на наш взгляд, в данном случае работают интерфикс *-ль* и суффикс *-ник*): напр. *угаальник* `умывальник` от *угааха* `мыть` [Дондуков, 1964; С. 47]. Слово *угаальник* образовано по модели русского слова *умывальник* (при помощи суффикса *-ник*), как и *онгоошко* в значении *окно* (хоринский диалект) считается происходит от глагола *онгойхо* `раскрываться, отворяться` (при помощи суффикса *-к-*) по модели образования русского слова *окошко*. По поводу образования слов *онгоошко* и *угаальник* существует и другая точка зрения Ц.Б. Цыдендамбаева [1959; С. 107-108].

Данные примеры свидетельствуют о том, что суффиксы в заимствованных существительных функционируют как полноценные аффиксы, т.к. они свободно вычлениваются в составе заимствований, обладают словообразовательным значением(!) и в некоторых случаях могут образовывать слова с бурятским корнем или основой. Следует отметить, что особенностью словообразовательной интеграции русизмов в бурятский язык является то, что в одном случае мотиватором является русизм (*хаарташан* `картежник` от *хаарта* `карта`, *компьютеризацилга* `компьютеризация`),

в другом происходит использование русских аффиксальных дериваторов при образовании новых слов, например, *басаган* `девушка, девочка` – *басагаашка*, разг.; *х□б□□(н)* `мальчик` – *х□б□□шка*, разг.

Рассмотренные примеры наглядно демонстрируют высказанное положение о том, что заимствованные аффиксы пополнили инвентарь бурятских словообразовательных морфем, они не только образуют дериваты, обозначающие профессии и выделяющие лица по принадлежности к тому или иному полу, но и служат для образования дериватов с уменьшительно-ласкательной экспрессией, деминутивов со значением уменьшительности. Перечисленные словообразовательные типы (образование существительных со значением лица, образование деминутивов с уменьшительно-ласкательным значением и т.д.) являются регулярными, продуктивными, и именно русское словообразование повлияло на их возникновение и продуктивность.

Таким образом, русский язык оказал существенное влияние на систему бурятского словообразования, прежде всего, пополнилась производящая база бурятского словопроизводства, русизмы и созданные по образцу дериваты создали множество новых словообразовательных гнезд. Влияние русского языка сказывается и в расширении деривационных возможностей ряда бурятских суффиксов и пополнении инвентаря словообразовательных аффиксов.

Проведенный анализ показал, что проблема морфолого-словообразовательного взаимодействия языков разного типологического строя требует также своего рассмотрения на уровне признаков слов (прилагательных, глаголов). Необходим подробный анализ словообразовательного потенциала русизмов на бурятской почве, описание наиболее продуктивных моделей, иллюстрирующих современные тенденции в бурятской словообразовательной деривации.

Литература

1. Бертагаев Т.А. Влияние русского языка на развитие смысловой системы литературного бурят-монгольского языка / Т.А. Бертагаев // Сборник трудов по филологии. – Улан-Удэ, 1948. – Вып. 1. – С. 31-78.
2. Будаев Ц.Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении / Ц.Б. Будаев. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. – 302 с.
3. Дарбеева А.А. Русско-монгольские языковые контакты в условиях двуязычия / А.А. Дарбеева. – М.: Наука, 1984. – 181 с.
4. Дондуков У-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке / У-Ж. Ш. Дондуков. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. – 246 с.
5. Дондуков У-Ж. Ш. О развитии терминологии в бурятском языке / У-Ж. Ш. Дондуков. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 78 с.
6. Дондуков У-Ж. Ш. Влияние русского языка на развитие и обогащение лексического состава бурятского языка / У-Ж. Ш. Дондуков. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 99 с.
7. Дондуков У-Ж. Ш. Словообразование монгольских языков / У-Ж. Ш. Дондуков. – Улан-Удэ, 1993. – 196 с.
8. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т. 1, 2 / А. Н. Тихонов. – М.: Рус. яз., 1990.
9. Чареков С.Л. Прилагательные в монгольских языках в сравнении с другими алтайскими / С.Л. Чареков. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. – 136 с.
10. Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь / К.М. Черемисов. – М., 1973. – 803 с.
11. Шагдаров Л.Д. Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху / Л.Д. Шагдаров. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. – 108 с.
12. Цыдендамбаев Ц.Б. Влияние русского языка на развитие бурятского / Ц.Б. Цыдендамбаев // Труды Бурятского комплексного НИИ. – Улан-Удэ, 1959. – Вып. 1. – С. 100-112.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Харанутова Д.Ш., канд. филол. наук, доцент, докторантка, отдел языкознания, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБИТ СО РАН)
Служ. тел.: 8(301-2) 43-37-15

D. Kharanutova, Candidate of Philological Science, Associate Professor, Doctoral Candidate of Linguistics, Institute of Research of the Mongols, Buddhism and Tibet, Russian Academy of Science, Siberian Branch

Научные интересы: словообразование, морфология, лексикография

Areas of expertise: word-building, morphology, lexicography

УДК 811.512.141

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна
Gulnaz Yagafarova

**ФИТОНИМЫ С КОМПОНЕНТАМИ-ЗООНИМАМИ
В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ**

**NAMES OF PLANTS WITH COMPONENTS
DENOTING NAMES OF ANIMALS IN
BASHKIR LANGUAGE**

Статья посвящена вопросам номинации фитонимов в башкирском языке. Анализируются особенности наименований растений по различным семантическим моделям. Даны их структурные особенности

This article deals with the problem of nomination of plants in Bashkir language. The peculiarities of the names of plants are analyzed by various semantic and structural models

Ключевые слова: фитонимы, компоненты-зоонимы, лексика флоры, башкирский язык, теория номинации

Key words: names of plants, components denoting names of animals, Bashkir language, the theory of nomination

Лексика флоры относится к древнейшим пластам лексического фонда любого языка. В ней отражается степень практического и культурного освоения человеком окружающей природы. С этой точки зрения флористическая лексика дает благодатный материал для изучения исторических, географических, бытовых условий жизни конкретного народа, обусловленных особенностями его мировидения.

Лексике флоры в тюркологии уделено большое внимание. В башкирском языкознании данной проблеме посвящены работы Р.З. Сафаровой, Д.И. Хизбуллиной [3; 6]. В них лексика флоры исследуется в структурно-генетическом и сопоставительном аспектах, которые выявляют общепринятые в лингвистике словообразовательные модели, источники образования слов и определение их соответствий в других языках. Ономастиологический подход, предполагающий выявление связи сущности явления действительности и его

имени, при изучении ботанической терминологии в башкирском языкознании затрагивался фрагментарно.

Выбор мотивировочного признака является неизбежным этапом естественного ономастиологического процесса. Как известно, слово выражает не все содержание понятия, а один из признаков, именно тот, который представляется народному воззрению важнейшим. Количество присущих данному предмету признаков огромно, ибо каждый предмет можно рассматривать как элемент своей макросистемы и как проявление микроструктурных закономерностей [4; С. 11].

Флористическая лексика отличается разнообразием мотивов и способов номинации растений, ориентированных на определение свойства самого объекта: лечебные, вкусовые, цветочные, форму стебля или листа и т.д. Мы рассмотрим фитонимы башкирского языка, имеющие в своей структуре зоонимы. Привлеченный к анализу материал составил 144 еди-

ницы в башкирском языке. В качестве сравнительного материала приводятся русские, немецкие, татарские фитонимы.

Основатель московской лингвистической школы знаменитый русский языковед академик Ф.Ф. Фортунатов писал: «Всякому суждению, как положительному, так и отрицательному, предшествует ассоциация представлений, а в явлениях психической ассоциации различается, как мы знаем, ассоциация по смежности и сходству, поэтому всякое суждение основывается на ассоциации представлений или по смежности, или по сходству» [5; С. 126]. Наличие подобных представлений позволяло языковому коллективу проводить сравнение различных денотатов. Многочисленность номинаций фитонимов, содержащих в своем составе зоонимы, объясняется нерасторжимой связью жизни человека с животным миром с древнейших времен. Вместе с тем, в народной номенклатуре названий животных в башкирском языке не были выявлены зоонимы с компонентами-фитонимами (за исключением названий насекомых), что свидетельствует о первичности зоонимов по сравнению с фитонимами.

Человек издавна употреблял растения в пищу, научился использовать их в лечебных целях. Наблюдая за окружающим миром, он распознавал в растениях хорошо знакомых четвероногих друзей либо отмечал их непригодность для человека. В результате в различных языках появились названия растений, содержащие в себе указание на внешнее сходство, функции и т.д. с животным миром. Так, например, в русском языке имеются фитонимы *заячья капуста*, *львиный зев*, *волчья ягода*, *мышиний хвост*, *ежевика*; в башкирском языке *куян улене*, *терпекей улен*, *турфай елеге*, *карфа кузе*; в немецком языке *Gänsekohl*, *Vogelmiere*, *Sperberbaum* и т.д.

Семантика фитонимов на основе подобного нами материала в башкирском языке позволяет классифицировать его по следующим тематическим группам:

- 1) лекарственных растения;
- 2) кустарники;

3) дикорастущие травы и цветы;

4) условно сюда можно отнести грибы.

Следует отметить, что данные группы слов представлены в языках неодинаково. Наиболее многочисленной группой являются названия лекарственных трав. Наименований грибов с изучаемым компонентом выявляется больше всего в русском языке, а в башкирском подобных наименований лишь несколько.

В составе башкирских фитонимов с компонентами-зоонимами выделяются следующие семантические модели:

- 1) зооним + фитоним;
- 2) зооним + соматизм;
- 3) зооним + зооним.

Названия растений чаще всего образуются по семантической модели «зооним + фитоним». Например, из исследованных нами названий лекарственных трав в башкирском языке большинство имеет данную структуру: *бесей улене* (букв. 'кошачья трава') 'валериана лекарственная', *бенке улене* (букв. 'трава утят') 'лапчатка гусиная', *кандала улене* (букв. 'трава клопа') 'донник лекарственный', *айыу емеше* (букв. 'медвежий плод') 'купена лекарственная', *буре емеше* (букв. 'волчий плод') 'волчье лыко', *турфай елеге* (букв. 'воробьиная ягода') 'земляника лесная', *торна елеге* (букв. 'журавлиная ягода') 'малина', *кезе йыуаһы* (букв. 'козий лук') 'лук прямой', *карфа йыуаһы* (букв. 'галочий лук') 'лук обманчивый', *ат йыуаһы* (букв. 'конский лук') 'лук линейный', *боланут* (букв. 'трава лося') – 'кипрей, иван-чай', *доие уты* (букв. 'верблюжья трава') – 'подсвекольник' и т.д.

Следует отметить, что значение древнетюркского слова *ут* 'трава' в современном башкирском языке сохранилось только в составе названий растений (*алтынут*, *боланут*, *дауылут*, *илафут*, *кузлут*, *калканут*, *карут*, *касафут*, *кырлут*, *майлут*, *нигезут*, *сенсезут*, *тайраут*, *тарут*, *тозут*, *тырнафут*, *угезут*, *ярут*) и производных слов

(*утлыкса, утлау, утау*). В русском языке модель «зооним + фитоним» встречается в словах *щавель конский, гусиный цвет, подорожник блошинный, конский каштан, птичий спорыш, горец змеиный* и т.д. По этой модели образуются и некоторые названия кустарников: *айыу баланы* 'жимолость', *кезе талы* 'ракита', *буре талы* 'волчья лоза'.

Итак, в целом ряде названий используется семантическая модель «зооним + собственно фитоним». В одних случаях она указывает на внешнее сходство (*турфай элеге*), в других – на размеры (*бенке улене*), в третьих – на наблюдательность народа, которая проявляется в назывании фитонимов именем животного, применяющего данное растение в лечебных целях (*бесей улене*).

Следует обратить внимание на своеобразное синонимическое явление – установление ложных семантических связей. С возникновением потребности разграничивать культурные и схожие с ними дикорастущие растения при обозначении последних в качестве эпитета человек стал употреблять названия животных с целью показать, что растение непригодно или малопригодно для человека. «Названия такого рода многочисленны и всегда построены на противопоставлении настоящий – ненастоящий» [1; С. 14]. Например, *борсак* 'горох' – *сыскан борсафы* 'мышинный горох', *муйыл* 'черемуха' – *эт муйыл* 'крушина ломкая' – куст, кора которого ядовита, *елек* 'ягода' – *буре элеге* 'волчье лыко' – ядовитый куст, *эт элеге* – 'красавка белладонна', *емеш* 'плод' – *айыу емеше* 'купена лекарственная' – многолетнее ядовитое растение, *карафат* 'смородина' – *эт карафаты* 'паслен черный' – однолетняя ядовитая трава.

По второй модели «зооним + соматизм» также образовано большое количество фитонимов, что отражает наблюдательность носителей языка, их ассоциативные связи, т.к. в основе именовании положено сравнение, уподобление какой-либо части тела животного или

птицы. Например, так образованы некоторые названия лекарственных трав и цветов в башкирском языке: *кекукбаши* (букв. 'голова кукушки') – 'медуница', *тумырткабаши* (букв. 'голова дятла') – 'клевер', *айыу колафы* (букв. 'ухо медведя') – 'коровяк обыкновенный или медвежье ухо', *куянкалак* (букв. 'ухо зайца') – 'свербига лесная', *болан кузе* (букв. 'глаз оленя') – 'ромашка пахучая', *кугерсен кузе* (букв. 'глаз голубя') – 'незабудка', *йылан тел* (букв. 'змеиный язык') – 'луговик дернистый', *һыйыр теле* (букв. 'коровий язык') – 'серпуха', *арыслан койрофо* (букв. 'львиный хвост') – 'пустырник пятилопастный', *бесейройрок* (букв. 'кошачий хвост') – 'житняк', *колонкойрок* (букв. 'хвост жеребенка') – 'вейник наземный', *сысканкойрок* (букв. 'мышинный хвост') – 'воробьиное просо', *казаяк* (букв. 'гусиные лапки') – 'папоротник', *бесей табаны* (букв. 'кошачьи лапки') – 'кошачьи лапки', *куянтубык* (букв. 'колени зайца') – 'бутень', *буре тырнафы* (букв. 'волчьи когти') – 'змеевик', *дойе һепере* (букв. 'верблюжьи хрящи') – 'астрагал', *эт эсеге* (букв. 'собачьи кишки') – 'вьюнок'. В целом, большинство подобных слов в башкирском языке образовано при помощи соматизмов *куз* 'глаз', *баши* 'голова' и *койрок* 'хвост' в соответствии с таким мотивом номинации, как форма. Форма – один из ведущих мотивов в именовании объектов окружающей действительности. Так как все предметы имеют какую-либо форму, то все их внешние признаки и свойства находят отражение в языке при именовании. Действительно, *тукранбаши* (букв. 'голова дятла'), *кекукбаши* (букв. 'голова кукушки'), *кезе һакалы* (букв. 'козлиная борода'), *сысканкойрок* (букв. 'мышинный хвост'), *тайтояк* (букв. 'копыто жеребенка'), *арыслан койрофо* (букв. 'львиный хвост'), *бесей тырнафы* (букв. 'кошачьи коготки'), *етес кикереге* (букв. 'петушинный гребешок') по форме напоминают те или иные части тела животных. Так как в основу номи-

нации положена одна из видимых характерных черт объектов (форма, размер и т.д.), то здесь за основу номинации берется зооним как готовое имя.

Третья модель «зооним + зооним» представлена, например, фитонимом *тумырт-камышы* 'синюха голубая' (букв. 'дятел-лось').

При именовании башкирских фитонимов также довольно интенсивно используется такой признак, как цвет. Например, в башкирском языке в основу номинации грибов положена прежде всего их цветовая характеристика: *ерен беשמек* (букв. 'рыжий гриб') – 'рыжик', *ак беשמек* 'белый гриб', *һары беשמек* (букв. 'желтый гриб') – 'лисички', *кук беשמек* (букв. 'синий гриб') – 'дубовик', *сыбар беשמек* (букв. 'пестрый гриб') – 'ежевик'. Лишь *һарык бешмеге* 'сыроежка', *кезе бешмеге* 'козляк, моховик', *дунфыз бешмеге* 'свинushка' содержат зоонимы, причем последнее является калькой.

Следует отметить случаи полного совпадения семантики слов в неродственных языках. Например, в названии *мухомора* в немецком, русском и татарском языках отражена ядовитость растения, вызывающая у животных и человека отравление, нередко смертельное: нем. *Fliegenpilz*, рус. *мухомор* (от 'морить мух'), тат. *чебен гомбесе*. Действительно, на Руси держали в доме засушенные мухоморы с целью отпугивания мух и других вредных насекомых. В башкирском языке используется заимствованное *мухомор*. *Львиный зев* именуется в немецком *das Löwentaul* (букв. 'пасть льва'), в башкирском – *арыслан ауызы* (букв. 'пасть льва'); *йылан тамыр* (змея + корень) — *Schlangenknoterich* (змея + горец) – горец змеиный; *бесей һырһаһы* (букв. 'кошачьи сережки') – *Kakenminze* (от *Kaken* 'кошка') – котовник кошачий, *айыу колафы* – *Bärentraube* (медведь + виноград) – медвежье ухо; *ат борсафы* 'конские бобы', *карфа кузе* – *вороний глаз* и др.

Большинство изучаемых слов отражают своеобразное видение окружающего мира в разных языковых системах: *бесейфойрок* –

цетинник сизый, *сыбар беשמек* – ежевик, *казаяк* – папоротник, *телмерйен тенкеһе* (букв. 'чешуя лягушки') – ряска, *бейһот* – молочай волжский и т.д.

Таким образом, язык через систему своих значений и ассоциаций создает концептуальную картину мира, окрашивая ее в национально-культурные цвета, придает ей человеческую интерпретацию.

С точки зрения словообразовательной структуры следует выделить образование названий в русском языке преимущественно по типу «прилагательное + существительное» и модель суффиксальной деривации (*волчек, воронец, лисичка, баранец, ужики, ежевика, колоника* (от дррус. *колонь* 'конь')).

В башкирском языке превалирует словообразование по 2-му типу изафета, т.е. имя существительное в неопределенном родительном падеже + имя существительное, наращенное аффиксом категории принадлежности 3-го лица: *куян мышары, кекук ситтеге* 'Венерин башмачок', *сеуке борсафы* 'горох полевой'.

В русском языке из рассмотренных нами примеров всего два слова образованы по типу сложения основ: *зайцегуб, зверобой*. В башкирском языке сращенных наименований больше: *тернебаш, кекукбаш, этмуйыл, айыутабан, сысканборос* и т.д., причем одно и то же название может выступать и как сложное слово, и как изафетная конструкция, например, *бесейтабан* и *бесей табаны* 'кошачьи лапки', *йылан тамыр* и *йылан тамыры* 'горец змеиный', *этмуйыл* и *эт муйылы* 'крушина'.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что при создании понятийного мира, который служит посредником между действительностью и человеком [2; С. 171], каждый язык оперирует уже имеющимися в языке словами, что помогает избежать ненужного его загромождения в соответствии с принципом языковой экономии. Наиболее близкие понятия помогают воссоздать обширный корпус слов и выражений для обозначения новых фрагментов реальности.

Литература

1. Гребнева А.М. Флористическая лексика мордовских языков / А.М. Гребнева. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1997. – 88 с.

2. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1975. – 232 с.

3. Сафарова Р.З. Источники, пути и принципы формирования ботанической терминологии башкирского языка (на материале названий растений): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.З. Сафарова. – Уфа, 1984. – 28 с.

4. Труевцева О.Н. Английский язык: особенности номинации / О.Н. Труевцева. – М.: Наука, 1986. – 248 с.

5. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды / Ф.Ф. Фортунатов. Том 1. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956. – 360 с.

6. Хизбуллина Д.И. Лексика, отражающая растительный мир в башкирском и английском языках / Д.И. Хизбуллина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1999. – 24 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Ягафарова Г.Н., канд. филол. наук, доцент кафедры башкирского языка, Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишевой
rishrinat@mail.ru

G. Yagafarova, Candidate of Science in Philology, Assistant Professor of the Bashkir Language Chair

Научные интересы: тюркские языки, теория номинации

Areas of expertise: Turkic languages, the theory of nomination

Философия

УДК 008 (571.5)

Жуков Артем Вадимович
Artyom Zhukov

ТЕОЛОГИЯ, ХРИСТОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ИЕГОВИЗМА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

THEOLOGY, CHRISTOLOGY AND ANTHROPOLOGY OF CONTEMPORARY JEHOVAHISM AS A SOCIAL PHENOMENON

Раскрыты основы вероучения иеговизма. Даны особенности учения о Боге, Иисусе Христе, человеке. Исследованы основы социальной идеологии иеговизма и влияния этой идеологии на структуру и характер взаимодействий организации с такими социальными институтами, как семья, образование, наука. Освещены проблемы воздействия на личность со стороны организации «Свидетели Иеговы»

The article describes the main principles of jehovahism. Peculiarities of the doctrine about God, Jesus Christ, and Man are considered. The article also deals with the basic social ideology and its influence upon structure and character of interrelations with such social institutions as family, education and science. The author examines the problem of influence of "Jehovah's witnesses" on personality

Ключевые слова: иеговизм, «Свидетели Иеговы», вероучение, идеология, антропология, семья, образование, наука, Иегова, Иисус Христос, Армагеддон

Key words: Jehovahism, "Jehovah's witnesses", ideology, anthropology, family, education, science, Jesus Christ, Jehovah, Armageddon

«Свидетели Иеговы» – это религиозная организация, которая давно и успешно проповедует на территории Забайкальского края. Среди населения она известна как агрессивное, прозелитическое объединение верующих, испытывающее противодействие со стороны различных социальных структур. Причиной выступлений против иеговистов является их нетрадиционное отношение к таким институтам общества, как религия, этнос, семья, образование, наука, власть. Во многом это отношение сформировано вероучением и идеологией объединения. Поэтому

актуальным является проведение текстологического религиозоведческого анализа литературы, распространяемой среди населения и верующих, принадлежащих к религиозной организации «Свидетели Иеговы», на территории Забайкальского края.

Целью анализа является изучение текстов издательства «Сторожевая башня» на предмет вероисповедной доктрины и сравнение ее с доктринами христианских конфессий; определение общей направленности и классификация вероучения, анализ влияния вероисповедной и социальной доктрины на взаи-

моотношения с социальными институтами общества, анализ влияния социальной доктрины на сознание и здоровье верующих.

Иеговисты считают, что вероисповедные тексты, распространяемые на территории Забайкальского края [см. 1, 6, 8, 15], знакомят читателя с содержанием и истинным значением текста Библии. Существенно дополняют наше знание о иеговистском понимании Библии массовые издания журналов и брошюр иеговистов и издания «Сторожевая башня» и «Пробудитесь».

Иеговисты, как и многие религиозные образования, имеющие истоки в протестантизме, основывают свое учение на тех особенностях, на которые они обращают внимание в тексте Библии [3; С. 7]. Иеговизм утверждает, что понять Библию можно только в том случае, если вместо нее читать книги иеговистов о Библии, и если правильно понимать приведенные в этих книгах Библейские стихи [15; С. 7]. Однако во время нашего исследования мы обратили внимание на то, что используемые иеговистскими авторами тексты, хотя содержат значительное количество цитат и ссылок на Библию, не всегда соответствуют Библейскому переводу, принятому в мировых христианских традициях, и взяты из иеговистского перевода Библии. Таким образом, иеговисты ссылаются на Библейские тексты только для придания авторитетности собственным изданиям [6; С. 9].

Из сказанного следует заключить, что образ Библии, создаваемый в книгах «Сторожевой башни», есть мифологическое отражение идеологии иеговизма, где библейская тема изучается исключительно в ее контексте и через произведения иеговизма [8; С. 24]. Иеговисты верят, что Библия не просто книга, это способ изменения человеческого сознания. Вера в то, что человек станет другим в результате чтения Библии, у них связана с верой в то, что человек изменяется, читая произведения «Сторожевой башни» [15; С. 17].

Согласно представленным текстам, иеговизм претендует на особенное понимание библейского Бога, указывая на то, что челове-

чество неверно трактует библейские тексты [8; С. 12]. Инструментом познания Бога в иеговизме становится Библия в ее иеговистском переводе [15; С. 16]. В ее контексте Бог получает Имя, что отличает иудаизм среди других учений. Имя этого Бога – «Иегова» [8; С. 8]. Обосновывая свое право именовать Бога этим именем, иеговисты указывают, что оно 7 000 раз встречается в оригинальном тексте Библии [16; С. 5]. Однако в неиеговистских изданиях Библии имя «Иегова» не встречается [11; С. 3]. Книги «Сторожевой башни» посвящены усилиям рассказать о Боге так, чтобы Он в сознании читателя стал связываться только с именем «Иегова».

Учение о Боге у иеговистов носит дихотомичный характер. Иегова – Бог противоречивый, о котором говорят как о милостивом только при первой проповеди [16; С. 5]. Но в дальнейшем он становится непримиримым, не прощающим, ревнивым Богом мести, стремящимся к уничтожению всех, кто не согласен с политикой организации «Свидетели Иеговы». Иеговисты уверены, что их современные противники, как и непослушные предшественники, будут уничтожены в катастрофе, от которой спасутся только те, кто последовал Иисусу Христу [5; С. 14].

Противоречивость является основной характеристикой в толковании иеговистами библейских образов. Иисус Христос называется изначально «первородным Сыном Бога», совершенным, во всем послушным Богу [16; С. 5]. Но, присоединившись к иеговизму, последователи узнают, что Иисус является хотя и самым любимым, но все же «творением Бога» [8; С. 18]. По вере иеговистов, Иисус, как и Сатана, был сотворен, у него есть начало, а у Бога Иеговы такого начала нет [9; С. 13]. И поэтому Иисус – едиnorodный сын Бога, как и Сатана, не может помышлять о том, чтобы стать равным Отцу. У Иисуса, согласно иеговизму, много общего с Адамом, который также был «сыном Бога». Они были сотворены, у них была свобода выбора [15; С. 49]. Факт послушания и верности Богу, согласно иеговизму,

является единственным отличием Иисуса от Сатаны и Адама [8; С. 155].

Тем не менее, согласно иеговизму, Иисус сыграл ключевую роль в человеческой истории, т.к. он стал выкупом, который совершил Иегова за грехи человечества [15; С. 42-46]. Иеговисты считают, что Иисус Христос стал первым человеком, который воскрес к бессмертной небесной жизни [6; С. 18]. Иеговисты находят себя служителями Иисуса, сына Божьего. По их мнению, Иисус при их помощи в скором будущем установит справедливость [8; С. 156]. Однако справедливость Иисуса в этой теологии выглядит довольно необычно. Необычность состоит в том, что «Иегова уполномочил своего Сына вести справедливую войну против всего этого злого мира, чтобы навсегда покончить с несправедливостью» [8; С. 157]. Иегова собирается «уничтожить плохих людей и спасти послушных» [9; С. 13].

«Библейская история», согласно вере иеговистов, имеет продолжение в современности. Согласно ей, Иисус воцарился в 1914 г. в Небесном Царстве, он стал заботиться о духовных потребностях верных Богу людей [5; С. 21]. Существующий христианский мир признается испорченным и враждебным Богу Иегове, который решил «вмешаться и восстановить чистое поклонение среди этого безбожного мира». У этого события имеются следующие последствия. Считается, что «Иисус освободил остаток духовных иудеев. Теперь последователи Иеговы, называемые «истинными христианами», «живут в духовном раю» [8; С. 81]. Завершает мифологический образ Христа в идеологии иеговизма объявление его «Князем мира» [8; С. 95]. Таким образом, он занимает место Сатаны и несет ответственность за все зло, совершаемое в мире. Итак, противоречивость образа Иисуса в иеговистской идеологии состоит в первоначальном объявлении его «Сыном Бога», но в последующих повествованиях Иисус Христос больше напоминает «князя» этого мира – Сатану, как он понимается в таких направлениях христианства как католицизм или православие [8; С. 237]. Присоединя-

ясь к этому «Иисусу», иеговисты присоединяются к власти «единственного правительства, который будет править всей землей» [16; С. 13].

Иеговизм подразделяет своих последователей на два уровня, среди них ведущая роль и руководство принадлежит «малому стаду», которое считается рожденным святым духом. После смерти эти люди воскреснут к жизни на небе [17; С. 26]. В будущем мире Иисуса они станут царями и священниками [6; С. 19]. Этот «божественный остаток» руководит международным братством иеговистов [7; С. 26]. Промежуточным звеном являются «старейшины» или «надзиратели», которые управляют общинами. Им помогают «служебные помощники» [16; С. 29].

Старейшины – это «верные и разумные рабы» Бога [8; С. 76]. Надзиратели, или старейшины собраний понимаются как посланники Иисуса, с которыми он говорит лично. Иисус выбирает старейшину, с которым он говорит. Эти люди являются «звездами», «ангелами», к которым обращены послания, «поскольку на них возложена обязанность пасти стадо Иеговы» [6; С. 28]. Объединяясь для управления общинами, старейшины образуют советы старейшин. Поскольку Иисус – Глава собрания, о старейшинах говорится, что они находятся у него в правой руке, т.е. под его контролем [6; С. 31].

Местным советам старейшин нужно следить за тем, чтобы собрания следовали наставлениям Иисуса [6; С. 28]. На собраниях надзиратели зачитывают письма, полученные от Руководящего совета, который состоит из надзирателей, подчиняющихся главенству Иисуса. На старейшинах в организации иеговистов лежит особая ответственность. Считается, что в принятии решений они всегда руководствуются Божьими требованиями. Однако есть указание на то, что они всегда помнят о необходимости быть «нелицеприятными». Если Иисус есть «верный и благоразумный раб Иегове» [6; С. 31], а старейшины и надзиратели – есть «верные и разумные рабы» Иисусу, то ожидается, что рядовые участники должны

быть «рабами» старейшинам и надзирателям [7; С. 25]. Верующим необходимо участвовать во встречах, собраниях и конгрессах. Утверждается, что Иегова незримо действует через эти инструменты либо лично участвует в собраниях [6; С. 41].

Своим последователям иеговисты предлагают «стремиться к праведности». Для этого им «нужно снять с себя старую личность с ее грешными делами и облечься в новую». «Обновление» личности предполагается посредством получения «точного знания». Слово «обновление» указывает на то, что «обличение в новую личность» – это непрерывный процесс, требующий постоянных усилий. «Новая личность», согласно идеологии иеговизма, это люди, которые должны контролировать свои мысли, слова и поступки, исключить предубежденность, уязвленное самолюбие, зависть, самодовольство. Они должны избегать обвинений и приписывать плохие мотивы или критиковать своих совершающих в их служении Богу. Главное – обязанность действовать справедливо для последователей иеговизма сопряжена с послушанием старейшинам [8; С. 164]. Человеку необходимо креститься [15; С. 183]. После крещения надо «ходить на встречи с истинными христианами. С другой стороны, необходимо делиться знаниями, которые ты получил, изучая Библию со свидетелями Иеговы» [15; С. 162].

Учитывая огромное влияние, которое организации оказывают на жизнь каждого члена, рассмотрим степень ее отношения к различным социальным институтам. Довольно противоречивым является отношение иеговистов к такому институту, как семья. С одной стороны, перед верующими иеговистами конструируется образ семейной жизни, который мог бы стать образцом для многих. Этот образ требует сохранения семьи и моногамности, в котором «Библия поощряет замужних женщин «любить мужей, любить детей, быть здравомыслящими, чистыми, покорными своим мужьям» [15; С. 135]. С другой стороны, семья, о которой говорят иеговисты, должна принадлежать органи-

зации «Свидетели Иеговы», она должна выполнять требования, которые выдвигает Иегова [14; С. 7]. От членов организации могут потребовать развода с семьей, если она не устраивает руководство [16; С. 17]. Итак, семья как социальный институт светской культуры подвергается опасности в случае, если кто-то из супругов вступил в члены организации «Свидетели Иеговы».

Серьезные опасения вызывают иеговисты у представителей светских образовательных учреждений. С одной стороны, Свидетелям Иеговы безразлично будущее своих детей, и поэтому они придают большое значение их светскому обучению [10; С. 4]. С другой, они не скрывают, что их дети всегда воспитаны в согласии с убеждениями родителей, и обращают внимание педагогов на то, что юные Свидетели могут принимать решения, не соответствующие каким-либо конкретным видам школьной деятельности. «Такое поведение обусловлено их религиозными и нравственными убеждениями», что, по мнению иеговистов, должно стать причиной уступок школы по отношению к таким ученикам [10; С. 2].

«Божественный тоталитаризм» – та причина, по которой поведение верующих иеговистов в социуме настораживает многих. Во-первых, в том, что необычность их образа жизни зависит от постулатов о том, что Иегова требует не участвовать в традиционных ритуалах и праздниках, считая их сатанинскими [15; С. 205]. Иеговисты не отмечают дни рождений, не соблюдают поминальные обычаи [16; С. 3]. Это ведет к отрицанию культовой и религиозной культуры тех стран, в которых иеговисты ведут свою проповедь [15; С. 222]. Сатанинскими религиями объявляются все традиции, связанные с почитанием умерших предков [2; С. 13].

Кроме этого, по вере иеговистов, ложные воззрения распространяют не только религии, но и ученые, которые «великолепные чудеса Божьего творения часто приписывают слепому случаю, говоря, что жизнь появилась в результате эволюции» [8; С. 30]. Наука – это

«глубины мудрости сатаны, которые должен избегать верующий в Иегову» [6; С. 52]. Отрицание значения и роли действующей науки приводит иеговизм к ряду требований, которые в жизни человека могут привести к трагическим последствиям. Такие требования касаются запретов в отношении возможности использования достижений науки и медицины, в частности. Наиболее значимый запрет действует в отношении крови [1; С. 37]. Свидетели Иеговы не станут употреблять кровь в медицинских целях, так как это было бы явным нарушением закона Иеговы [15; С. 131].

Возможность тотального контроля над жизнью верующего обосновывается верой в то, что Иегова не прощает отступничества [8; С. 207]. О нечестивых людях Иегова говорит: «Мое око не пощадит их и не помилую; обращаю поведение их на их голову» [8; С. 259]. Иегова твердо придерживается своих праведных принципов и выносит обвинительный приговор [8; С. 267]. С теми же, кто отказывается раскаяться, Господь Иисус «сражается... мечом уст своих». «Он просеивает свой народ, чтобы сохранить единство, о котором он молился в последний вечер, проведенный с учениками на земле». Так как отступники не принимают доброе наставление и помощь, которые предлагаются «звездами», находящимися в правой руке Иисуса, он осуждает их и наказывает «со всей суровостью», выбрасывая их «во тьму». «Их лишают общения, чтобы они больше не действовали среди Божьего народа подобно закваске» [6; С. 45].

Старейшины следят за тем, не появились ли в собрании нетеократические настроения, не склоняется ли кто-нибудь к греху. Как мужчинам, так и женщинам, «которым грозит опасность», старейшины помогают укреплять духовность и исправляться, пока не поздно [6; С. 50]. «В тяжчайшие времена старейшины очень хотят помогать всем нам, молодым и пожилым, оставаться в теократическом «овечьем загоне», остерегаясь независимости, вещизма грязной безнравственности этого мира. Если иногда нас строго наставляют или

вразумляют, давайте помнить, что назидательные поучения – путь к жизни. Все мы несовершенны и поэтому должны, если необходимо, с готовностью раскаиваться, чтобы исправляться и оставаться в Божьей любви» [6; С. 71], говорит иеговистская проповедь. В иеговистских изданиях указано «насколько важно проявлять послушание» и просить Иегову дать «послушное сердце» [12; С. 28].

Итак, Бог хранит преданность всем своим верным служителям, что позволяет только иеговистам с уверенностью смотреть в будущее, но он наказывает непослушных. Это является выражением преданности, за которую приходится платить рядовым последователям [8; С. 287]. «Новые люди» находятся под контролем старейшин и имеют задачу проповедования о грядущем Царстве Бога и Армагеддоне [16; С. 3].

В целом отмеченные нами особенности вероисповедного и идеологического подхода иеговизма к изданиям, выпускаемым «Сторожевой башней», делают их нетрадиционными вероучительными источниками. Книги, брошюры и журналы иеговистов основаны исключительно на иеговистском конструировании образов Бога, творения, личности человека, мира, современности. Эта религия имеет явно выраженные особенности вероучения и культовой практики, основанные на использовании иеговистской Библии и текстов, в которых Иегова противопоставит Троице, а Иисус является полной противоположностью образу Иисуса Христа, создаваемому традиционными направлениями христианства: католицизмом и православием.

Несмотря на то, что это религиозное течение генетически относится к протестантизму, особенности вероучения иеговизма, основывающиеся на особом понимании вероучения, целей и задач современной организации, ставят его в особое положение по отношению к всему христианству. Оно, безусловно, противопоставлено таким конфессиям, как католицизм, православие и традиционный протестантизм.

Антикатолическая направленность проповеди, подчеркивающая ее «сатанинский», «человеконенавистнический» характер, как показал наш анализ, превалирует в иеговистских текстах. Но православие, которое имеет общие истоки формирования вероучения и догматики с католицизмом, также может увидеть в иеговистской проповеди угрозу для себя. Основная угроза для православия заключается в том, что иеговизм ведет проповедь на территориях, которые православие определило исключительно как свое конфессиональное поле.

Анализ показал, что иеговистская проповедь направлена не только против религий и конфессий, но и против большинства действующих в мире государств, стран, народов и социальных институтов. Мир, в котором действуют иеговисты, считается ими враждебным, дьявольским и достойным уничтожения. Несмотря на то, что в представленных к анализу текстах иеговисты не призывают своих последователей к непосредственному выступлению против других конфессий и государственных институтов, в то же время они обосновывают возможность для реализации на практике призывов к межрелигиозной розни и национальной ненависти. Таким образом, необходимо констатировать, что идеология иеговизма содержит элементы экстремистской проповеди против других религий, конфессий и даже народов, которые обеспечивают возможность разжигания национальной и религиозной розни.

Идеология иеговизма направлена против существующих государств, особенно против тех, которые проводят активную международную политику, и тех, на территории которых иеговисты проповедуют. Это касается и такого государства, как Россия. Идеология и деятельность этой организации содержит обоснование возможности отвержения верующими иеговистами таких социальных институтов, как семья, наука, профессиональная сфера и образование. Причиной является то, что социальная доктрина иеговизма в целом посвящена современности, в которой верующие научаются

мыслить образами и мифами, якобы имеющими отношение к христианской Библии, но на деле являющимися порождением идеологии иеговизма.

Критики иеговизма обращают внимание на то, что религиозная организация «Свидетели Иеговы» является объединением верующих, основанным на жесткой религиозной дисциплине и таком контроле за жизнью рядовых участников, который может быть признан тоталитарным. Текстологический анализ, проведенный нами, подтвердил, что в организации существует идеологически обоснованная возможность осуществления манипуляций сознанием верующих и психологического давления на них. Для членов религиозных организаций иеговистов, особенно для неофитов или сомневающихся, воздействие проповеди или влияние старейшин в отдельных случаях может привести к негативным последствиям. Это предположение подтверждается тем, что в текстах иеговистских изданий обнаруживается многократное повторение одних и тех же идей и фактов, что заставляет задуматься о том, что в религиозной организации иеговистов это повторение, фундированное эмоциональным воздействием, является основной проповедования.

Традиции прозелитической, религиозной проповеди иеговистов убеждают, что проповедь может быть направлена на нарушение прав и свобод человека в области религии или свободомыслия. Однако, по нашему мнению, осуществление тоталитаризма и попыток деструктивного влияния на личность возможны в организации иеговистов, как и во многих других религиозных и светских организациях, имеющих свою идеологию. Необходимо учитывать, что в области демагогии иеговизм является подготовленным оппонентом, поэтому любая попытка любой страны выдворить «Свидетелей Иеговы» за ее пределы будет сопровождаться массовой атакой на международной арене, стремящейся подорвать имидж государства, не терпящего свободу религиозного выбора.

Итак, в рассматриваемых текстах иеговисты сознательно противопоставляют себя государствам и государственным патриотическим идеям и идеологиям. Они рассматривают как своих врагов народы и народные культуры, национальные идеологии, традиционные и мировые религии. Практически они противопоставляют существующему порядку, на который опирается каждое государство. Перед своими последователями они ставят определенные ограничения в использовании достижений образования, культуры, науки и медицины, к участию в политической жизни страны. Рассматриваемые тексты могут оказывать негативное воздействие на сознание, волю и поведение человека. В литературе и документах Свидете-

лей Иеговы содержатся признаки принуждения к разрушению семьи, посягательства на личность, права и свободы граждан. Тексты направлены на унижение граждан по признакам отношения к религиозным организациям, на унижение достоинства отдельных лиц на основе принадлежности к светскому миру, государству. Результатом нашего исследования является убеждение, что в целом издания «Сторожевая башня» могут быть признаны как тексты, содержащие элементы религиозного и национального экстремизма, утверждающие тоталитарные порядки в организации и деструктивное влияние на личность и обосновывающие возможность межконфессиональной розни и антисоциальных выступлений.

Литература

1. *Внимайте пророчеству Даниила.* – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 1999. – 320 с.
2. *Духи мертвых. Могут ли они помочь или навредить тебе? На самом ли деле они существуют?* – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 2001. – 32 с.
3. *Книга для всех.* – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 1997. – 32 с.
4. *Любовь к деньгам. Действительно ли пагубна? Пробудитесь!* – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 2007. – 32 с.
5. *На самом ли деле Бог заботится о нас?* – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 2001. – 32 с.
6. *Откровение его грандиозный апогей близок!* – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 2007. – 320 с.
7. *Правительство, которое принесет Паи.* – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 1993. – 32 с.
8. *Приближайся к Иегове.* – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 2002. – 320 с.
9. *Радуйся жизни вечно!* – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 1993. – С. 13.
10. *Свидетели Иеговы и образование.* – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 2007. – 32 с.
11. *Следует ли верить в Троицу. Является ли Иисус Христос Всемогущим Богом?* – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 1998. – 32 с.
12. *Сторожевая башня возвещает Царство Иеговы.* – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 2007. – 32 с.
13. *Ты можешь быть другом Бога!* – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 2000. – 32 с.
14. *Уберегите своих детей. Пробудитесь!* – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 2007. – 32 с.
15. *«Чему на самом деле учит Библия?» Watchtower Bible and Tract Society of Pennsylvania.* – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 2002. – 224 с.
16. *Что от нас требуем Бог?* – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 1996. – 32 с.
17. *Что происходит при смерти?* – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 1998. – 32 с.

Коротко об авторе

Жуков А.В., канд. филос. наук, доцент кафедры социальной антропологии, религиоведения и философии, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
ArtyomZh@yandex.ru

Научные интересы: религиоведение, этнология, краеведение

Briefly about the author

A. Zhukov, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Social Anthropology, Religion Studies and Philosophy, Chita State University

Areas of expertise: Religion Studies, ethnology, regional study

УДК 130.2:008 (510)

Морозова Валентина Сергеевна
Valentina Morozova

РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК РЕСУРС
ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО
ИМИДЖА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ
В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РФ И КНР

REGIONAL CULTURE AS THE RESOURCE OF
TRANSBAIKAL REGION POSITIVE IMAGE
FORMATION IN THE CONTEXT OF INTERACTION
BETWEEN RUSSIA AND CHINA

Рассматривается роль региональной культуры в формировании положительного имиджа края. Автор делает попытку обосновать тезис о ресурсном потенциале региона как основном имиджеобразующем факторе

Article tells about the role of regional culture in positive image formation of the region. The author attempts to prove the thesis of the region resource potential as the basic image-building factor

Ключевые слова: региональная культура, формирование имиджа края, международное взаимодействие

Key words: regional culture, regional image formation, the international interaction

Статья выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям (государственный контракт № 02.740.11.0363).

В российской науке существует определенная сложность описания современной социокультурной ситуации. При всем многообразии конкретных исследований до сих пор отсутствует единство трактовки термина «культурное многообразие» применительно к российскому социуму. В качестве одного из способов преодоления возникающих сложностей осмысления культуры страны можно предложить обращение к изучению культуры ее отдельных регионов [1], которое становится основой серьезного междисциплинарного исследования в плане международного взаимодействия приграничных регионов.

Обращение к потенциалу региональной

культуры дает возможность проанализировать роль региона в трансляции ценностей национальной культуры [2], понять его уникальность и «вписанность» в мировое культурное пространство.

Оценка ресурсного потенциала является одним из важнейших путей развития региона. В последнее время сложилось ошибочное представление, что ресурсный потенциал территории измеряется исключительно или преимущественно величиной природных ресурсов. Вместе с тем, ресурсный потенциал – это комплексное понятие, включающее в себя не только развитие экономики и ее природной базы, но и наличие уникальной региональной культуры, обеспечивающей поступательное развитие культурной сферы края.

Чтобы определить имидж региона, как целостной системы связей и отношений, была

выявлена необходимость не только определения регионообразующих факторов, но и наполнения их дополнительными значениями, в которых последнее место отводится культуре с ее ценностно-ориентирующей составляющей, позволяющей рассматривать региональную систему ценностей как один из вариантов общекультурной системы.

При выявлении и оценке имиджа региона анализируется ресурсный потенциал, выражающийся не только в его разновидности и объемах, но и в его доступности, которая в свою очередь может характеризоваться разными параметрами, например, организационной доступностью, т.е. системой законов, норм, правил, процедур, связанных с возможностью получения данного ресурса.

Каждый регион представлен в массовом сознании образом, наделенным уникальными ресурсными характеристиками (географическое положение, особенности менталитета местных жителей и т.д.). Речь в данном случае идет о геокультуральном измерении регионального имиджа [3].

В качестве одного из показателей, характеризующих культурные ресурсы региона, можно предложить «уровень конкурентной значимости ресурса». В основе его лежит определение степени уникальности конкретного ресурса:

1-й высший уровень конкурентоспособности ресурса, уникального, не имеющего аналогов в мире;

2-й уровень конкурентоспособности ресурса региона, уникального для нашей страны;

3-й уровень конкурентоспособности ресурса, уникального для региона;

4-й уровень конкурентоспособности ресурса, не уникального, но пользующегося повышенным спросом;

5-й уровень конкурентоспособности ресурса, пользующегося ограниченным спросом.

Ресурсный потенциал региональной культуры Забайкальского края можно отнести ко второму уровню конкурентоспособности, где он рассматривается как культурный потенци-

ал, уникальный для нашей страны, подразумевающая квинтэссенцию Восточной и Западной культур в формировании самого культурного потенциала.

В 2008 г. на базе Читинского государственного университета была организована выставка «Культура Китая в Забайкалье», которая сосредоточила значительную коллекцию литературы, предметов материальной, духовной культуры и сувениров, имеющих отношение к Китаю.

В октябре 2009 г. Забайкальским краеведческим музеем также была проведена выставка «Забайкалье – три века с Китаем», посвященная 320-летию со дня подписания первого договора между двумя странами. Более 70 вещественных и документальных свидетельств многовековой истории соседства России и Китая были представлены в качестве экспонатов, свидетельствующих о каждом значимом периоде истории взаимоотношений двух стран.

Мероприятия такого рода говорят о том, что культура Забайкальского края, формирующаяся на стыке двух соседствующих культур (российской и китайской), представляет собой уникальный образец мультикультурного своеобразия, не имеющего аналогов в нашей стране.

Как интегратор регионообразующих факторов культура рассматривается в качестве особой общности сосуществования элементов различных этнических культур и разных видов межкультурной коммуникации, а культурное своеобразие – как один из основных имиджеобразующих факторов.

В данном контексте анализ потенциала региональной культуры Забайкальского края проводится с целью рассмотрения культурного многообразия региона в качестве одного из наиболее важных имиджеобразующих факторов, выявления степени уникальности культурных ресурсов края (определения уровня конкурентной значимости), выделения основных направлений культурной политики, проводимой краевым правительством.

Предлагается собственное определение ресурсного потенциала региональной культуры как ресурса формирования положительного имиджа края, имеющего свое географическое и временное пространство и реализующего потребность члена регионального сообщества в его самоидентификации. Как форма аккумуляции и трансляции культурных ресурсов, региональная культура Забайкальского края, несмотря на очевидные унифицирующие и нивелирующие тенденции, открывает новые возможности и перспективы развития региона в плане использования его культурного многообразия как одного из факторов формирования положительного образа.

Под термином «культурное многообразие» понимается не только различие форм самих культурных общностей, но и признание культурной сложности на уровне отдельного человека. На региональном уровне проводится достаточное количество мероприятий по данной тематике. В частности, была проведена презентация книги «Забайкалье многонациональное», выпущенной под эгидой Ассамблеи народов Забайкалья, где дается широкая многоаспектная картина культурного многообразия 120 народов, проживающих на территории Забайкальского края. Кроме того, в материалах книги рассказывается об Ассамблее народов Забайкалья, входящей в Ассамблею народов России и являющейся одним из лучших региональных межэтнических союзов.

В рамках развития культурных связей Правительством Республики Бурятия разработано Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между Республикой Бурятия и Забайкальским краем и план мероприятий на 2008-2009 гг. по его реализации, что говорит о желании и возможности края использовать потенциал региональной культуры в создании положительного имиджа в сотрудничестве с граничащими территориями.

Кроме того, в Забайкальском крае в настоящее время действуют 1538 учреждений культуры, искусства и кинематографии, в них

работают более 5 тыс. чел. Функционируют три театра (Забайкальский краевой драматический театр, Забайкальский государственный театр кукол «Тридцать девятое царство», «Люди и куклы»); концертно-цирковой комплекс «Забайкалье»; 698 библиотек (в т.ч. Библиотека Забайкальская краевая научная универсальная им. А.С. Пушкина, Библиотека детская Забайкальская краевая, Библиотека для слепых Забайкальская краевая специализированная, Библиотека медицинская краевая научная и др.); Центр народного творчества и досуга краевой; 644 клубных учреждения, более 60 музеев, в том числе Музей Нерчинский краеведческий межрайонный, Музей Забайкальский краевой краеведческий им. А.К. Кузнецова, Музей Забайкальский краевой художественный.

Таким образом, мы можем говорить о большом потенциале культурного многообразия Забайкальского края, который дает возможность формирования положительного культурного имиджа не только в рамках своего региона, но и в контексте взаимодействия с приграничными территориями.

Несмотря на то, что региональная культура плохо восприимчива к инновациям, чужим ценностям, однако самобытная культура каждого отдельно взятого региона стремится к диалогу с другими культурами отчасти и путем позиционирования своего положительного имиджа, выраженного региональным самосознанием (идентичностью).

Регионы современной России представляют особые территории сложившейся системы социально-духовных отношений и ментальности [4]. К российским регионам, претендующим на собственную идентичность, относится и Забайкальский край. Несмотря на крайне негативные его описания в литературе («медвежий угол», «культурная пустыня»), он сосредоточил в себе огромный интеллектуальный и культурный потенциал, претендуя, таким образом, на собственную идентичность не только в рамках своей страны, но и на международном уровне, в частности во взаимодействии с Китаем.

Межрегиональное культурное сотрудничество, используя имиджи контактирующих регионов, содействует установлению между народами прочных связей, оказывает благоприятное влияние на все культуры и способствует их взаимному обогащению.

За период с 2006 по 2009 г. правительством края было проведено около 50 мероприятий международного плана, среди которых: презентация Забайкальского края в Посольстве РФ в г. Пекин (КНР), торгово-экономическая ярмарка в провинции Хэйлуцзян (КНР), международная выставка-ярмарка «Приграничное сотрудничество: Россия, Китай, Монголия» (а также организованная в ее рамках международная научно-практическая конференция) и т.д. Широкий спектр данных мероприятий позволяет утверждать, что существующий информационный вакуум о Забайкальском крае начал постепенно сокращаться, что в будущем, несомненно, сыграет свою роль.

Кроме того, в сентябре 2009 г. правительством края была утверждена краевая долгосрочная целевая программа «Культура Забайкалья на 2010-2014 годы». Целью программы стало создание условий для сохранения культурного потенциала и культурного наследия Забайкальского края, поддержка многообразия культурной жизни, культурных инноваций, обеспечение единого культурного пространства Забайкалья и т.д.

Основой уникальности региональной культуры Забайкальского края становится выявленное в процессе работы сходство в образе жизни, традициях, ценностях и мировоззрении жителей приграничных территорий РФ и КНР, подкрепляемое совместным историческим прошлым, настоящим и предполагаемым будущим.

К тому же, сам Китай нуждается в культурных связях с Забайкальским краем, главным образом, исходя из интересов экономического развития своей страны. При этом китайские интересы сосредоточены не только в возможности доступа к природным ресурсам,

но и определенным образом затрагивают культурную составляющую. В данном контексте существуют и довольно серьезные противоречия, к числу которых следует отнести разные уровни культурного развития сопредельных территорий, а также разность демографических потенциалов.

Однако, несмотря на сказанное, культура Забайкалья рассматривается как «богатое, многокрасочное полотно», способное своей сущностью нивелировать или сгладить те противоречия, которые возникают в процессе взаимодействия с приграничными территориями, а также сформировать положительный имидж края в подсистеме международных отношений: РФ-КНР.

Что касается вопроса культурной политики – это вопрос о региональном и общественном статусе культуры. Он оказался опасен низок, поэтому необходима четкая и ясная культурная политика в регионах.

В рамках исследования можно выделить следующие аспекты культурной политики Забайкальского края:

- реализация единой государственной политики в области культуры;
- создание условий для всеобщей доступности информации и культурных ценностей, собираемых и представляемых в пользование;
- сохранение культурных национальных традиций народов, проживающих на территории Забайкальского края;
- развитие культурно-досуговых, театрально-зрелищных и иных учреждений культуры и искусства.

Вместе с тем, были определены два основных направления осуществления данной политики:

- формирование культурного пространства Забайкалья и сопредельных регионов;
- развитие сферы туризма (в первую очередь экологического).

Важным моментом в осуществлении культурной политики Забайкальского края в последние годы стало не только сохранение накопленного культурного потенциала, обес-

печение преемственности культурных традиций, но и поддержание инноваций, обеспечивающих рост культурного потенциала региона. Для этих целей правительством края проводится модернизация, техническое оснащение учреждений культуры, запланированы средства на подготовку кадров, сохранение культурного потенциала театрально-зрелищных учреждений, укрепление материально-технической базы музеев.

Кроме того, запланировано строительство пяти объектов культуры и искусства. Среди них: строительство историко-этнографического музея национальных культур под открытым небом, типового здания для размещения филиала Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина, музыкального театра, второй очереди Дворца искусств и общежития для краевого училища культуры.

Среди приоритетных направлений развития культурной сферы региона упоминаются следующие:

- сохранение, освоение и использование историко-культурного наследия;
- подготовка специалистов для учреждений культуры;
- развитие сферы культурно-досуговой деятельности;
- развитие индустрии культуры.

Одной из современных форм работы является продвижение имиджа региона на международной арене. Особенно актуальным является это для сферы культуры, одной из задач которой является повышение узнаваемости края, создания его положительного имиджа. Правительство края уделяет этому должное внимание, что проявляется в организации и проведении определенных мероприятий (презентация региона в российском посольстве г. Пекин, КНР). Однако наряду с этим, всё же сохраняется наличие так называемого информационного вакуума о нашем регионе, не только в России, но и за ее пределами.

Вместе с тем, известность региона способствует установлению партнерских отношений с иными регионами России и зарубежными

странами. У Забайкальского края для этого есть все необходимое: уникальные памятники, знаменитые земляки, выгодное географическое положение. Уникальным шансом для продвижения имиджа региона стало его не столь давнее образование – слияние двух субъектов РФ: Агинского Бурятского автономного округа и Читинской области.

Региональная культура, определяемая как один из важнейших факторов развития российских регионов, становится важным ресурсом формирования их положительного имиджа. Не стало это исключением и для Забайкальского края.

Хотя к компетенции сферы культуры относится только культурно-познавательный туризм, туристический бизнес в целом способен стать одним из важнейших факторов развития нашего региона. Однако при возрастающем туристическом интересе к территории, желании органов власти активизировать хозяйственную сферу в этом направлении, интенсивность этого процесса все ещё остается довольно низкой. В регионе сложилось несколько туристических направлений, среди которых доминирует выездной международный туризм (обусловленный соседством Забайкальского края с Китаем и Монголией). Внутренний (по территории края), основанный на уникальных природных, туристско-рекреационных ресурсах (в Забайкалье находятся Забайкальский национальный парк, Байкальский, Баргузинский и Сохондинский заповедники), пока не «раскручен». Причем именно последнее направление представляется наиболее перспективным для формирования «туристического имиджа» региона.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости выработки принципиально нового подхода к выбору приоритетов развития культуры, в том числе на региональном уровне, где ключевым моментом являются ресурсы, которыми располагает отрасль культуры Забайкалья. Только в этом случае возможно использование того богатейшего культурного потенциала Забайкальского края, который ста-

нет одним из важнейших ресурсов формирования положительного имиджа региона не только внутри страны, но и зарубежом.

Более того, Забайкальский край, являясь воротами в Азию не только для Дальнего Востока России, но и для ряда западных регионов страны, формирует свой культурный имидж на

основе синтеза Восточного и Западного начал. Поэтому становление Забайкальского края, как универсального посредника между АТР и Европой, способно сгладить межкультурные противоречия, вывести диалог между этими регионами на принципиально новый уровень.

Литература

1. Мурзина И.Я. *Методологические аспекты изучения региональной культуры (к постановке проблемы)* / И.Я. Мурзина // *Социологические исследования*. – 2004. – № 2. – С. 60-65.

2. Сверкунова Н.В. *Исследование региональной идентичности: исторический аспект* / Н.В. Сверкунова // *Социология и социальная антропология*. – 1997. – № 7. – С. 321-328.

3. Выгонский С.И. *Что такое региональный имидж?* / С.И. Выгонский // *Регион*. – 2006. – № 6. – С. 20-21.

4. Розенберг Н.В. *Роль повседневной культуры в формировании регионального самосознания современной России* / Н.В. Розенберг // *Региология*. – 2009. – № 1. – С. 35-38.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Морозова В.С., канд. филос. наук, доцент кафедры востоковедения, Читинский государственный университет, ЧитГУ

Служ. тел.: 7-3022-41-65-04

V. Morozova, Doctor of Philosophy, Associate Professor of Oriental Studies Department, Chita State University

Научные интересы: культурно-цивилизационная специфика Китая и ее влияние на формирование современного ценностного мировоззрения китайской нации, ценностная составляющая модернизирующегося китайского общества

Areas of expertise: the culture-civilized specific of China and its influence towards the forming of the modern value world outlook of the Chinese society, the value component of the modern Chinese society

УДК 30

Скачков Алексей Сергеевич
Aleksey Skachkov

СУБЪЕКТНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

SUBJECTNESS OF MANKIND

Дан анализ проблемы субъектности человечества. В парадигме полисубъектности доказана некорректность утверждения человечества субъектом при условии его единственности в универсуме

In the article the problem of human subjectivity is analyzed. In the paradigm of polysubjectivity the incorrectness of the statement of mankind as a subject on the assumption of its uniqueness in universe is proved

Ключевые слова: человечество, субъект, межсубъектный полимонизм, универсум

Key words: mankind, subject, intersubject polimonizm, universum

В общефилософской теории исторически сложилась ситуация, когда человечество (реальное множество обществ, личностей, социальных структур) в гипотетическом отсутствии / присутствии в универсуме (мире в целом) хотя бы одного «иног субъекта», не тождественного человечеству и любому входящему в человечество реальному и интегральному субъекту, то наделяют (напр., В.С. Соловьёв), то не наделяют (напр., О. Шпенглер) признаком «быть действительной или возможной интегральной социентальной системой», т.е. субъектом, каковым является всякое общество. Эта ситуация выражает проблему метауровня: проблему субъектности человечества. Избежать её не в состоянии ни холисты, ни сингуляристы.

Решить названную проблему можно только отдавая себе отчёт в том, в какой ситуации, в каком контексте кто-либо и когда-либо, не создавая своими заявлениями недоумений, не манипулируя, может, будучи одним из реальных субъектов в человечестве, заявлять о человечестве как о субъекте. В свя-

зи с чем требуется, прежде всего, найти вполне ясный ответ на принципиальный вопрос: что это – быть (реально), а не слыть (номинально) социальным субъектом?

Согласно нормативным определениям имеем:

1) реальными и интегральными субъектами называются виды социального субъекта, выделяемые по «субстратному» критерию [1; С. 10]. В значении: человек – реальный субъект, сущий только в обществе, а общество – субъект интегральный, состоящий из реальных субъектов и представляющий собой «организационную форму социума, способную к самовоспроизводству» [2; С. 85];

2) любой социальный субъект отличается от всего иного в универсуме тем, что он – носитель неразрывной связи социентальных качеств: сознания, деятельности, социальных потребностей, интересов, отношений и нормативности (уже – нравственности) [3; С. 26]. Интегральный субъект потому субъект, что неотрывен от этой связи, немислим без неё [2; С. 132];

3) социальный субъект не существует вне такой «ближайшей среды», которая есть актуально наличный род существ с социентальными качествами. Люди и общества не существуют вне «общей социокультурной констелляции, которой... является... человечество как целостная самоорганизующаяся система, образованная совокупностью равноправных цивилизаций» [4; С. 189]; «социальный субъект «встроен» в общественную систему как её элемент и носитель. <...> «Живёт» в контексте субъект-субъектных отношений» [1; С. 9, 10];

4) социентальные качества могут иметься только у такого объекта универсума, который не является в нём единственным их обладателем. Они реально есть (значит, реально есть социальный субъект) только тогда, когда имеет место ситуация межсубъектности как общественного «поля»: не существуют вне этого «поля». Поэтому нет и не было в универсуме одного единственного реального субъекта, далее редуцировавшегося на «многих». Нет и не было генезиса одного единственного интегрального субъекта, мультипликацией которого было бы создано всё множество обществ. Когда констатируют: «Субъект (реальный. – А.С.) существует только в единстве Я, межчеловеческих (меж-субъектных) взаимоотношений и познавательной и реальной активности. <...> Коллективный субъект (напр., интегральный. – А.С.) так же... предполагает отношения с другими коллективными субъектами» [5; С. 155], – то говорят о проявлении только в межсубъектности всей связки неотделимых друг от друга социентальных качеств. Значит, некогда появившееся на Земле человечество изначально субъектно множественно и разнородно;

5) только в указанном значении интегральный субъект есть действительно (а не только в возможности) реально сущий ненулевой социальный субъект, что дезавуирует корректность подхода, в котором субъектом называют общество, якобы единственное в мире в целом. Например, когда вне заданного значения ссылаются на философов, с точки

зрения которых «в связи с тенденцией приобретения историческим процессом свойства всемирности в число социальных субъектов входит «человечество», «глобальный субъект» [1; С. 7]. Для ответственного большинства лиц с такой «точкой зрения» человечество неединственно, что и объясняет их точку зрения. Это характерно в том числе и для «русских космистов», решающих проблему субъектности человечества универсалистско-полисубъектно. Например, полагая, что «общество есть дополненная или расширенная личность, а личность – сжатое, или сосредоточенное общество... (а. – А.С.) человечество... целый субъект нравственной организации» [6; С. 286-282], Соловьёв мыслил, три субъекта-множества (реальных субъектов – личностей, интегральных – общества и становящегося субъекта, ещё не ставшего в качестве интегрального положительно-всеединным, – человечество), сущих только в лоне «неограниченной действительности» [6; С. 76]. Последняя не есть субъект: ни реальный, ни интегральный. При этом «неограниченная действительность» не исчерпывалась им названными 3-я субъектами, но включала иной (скажем – гипотетический) субъект, находящийся в прямом или косвенном отношении с людьми. «Неограниченная действительность» – поле потенциальных и актуальных взаимосвязей и взаимодействий субъектов «человеческого» и «иного» подклассов, исчерпывающих субстанциональный для них общественный слой универсума (социум). Поэтому, говоря о позиции «ряда философов и естествоиспытателей, внесших значительный вклад в разработку совокупного социального субъекта, глобального субъекта» и называя среди них «русских учёных «космистов» [1; С. 25], следует чётко вскрывать их метапозицию: синхронно есть не только люди, сущие в человеческом роде, но и некие иные носители социентальных качеств. Особенно интересно наличие такой метапозиции у Вернадского: «Надо думать, что здесь, на Земле, в данное геологическое время перед нами развернулось только промежуточное выявление духовных

возможностей жизни и что в Космосе где-нибудь существуют её более высокие в этой области проявления» [7; С. 127].

Совсем иначе дело обстоит при противоположном взгляде. Если некое сугубо единственное в универсуме «человечество» (и в настоящем, и в самом отдалённом будущем) является актуальным или потенциальным «обществом-субъектом», то только в уме его же и создающего теоретика. Это «номинальный субъект-общество»: полезное для игры ума, но онтологически пустое понятие, подобное понятию «вечный двигатель 1-го рода». Если мы осознаём это, то отказываем в методологической корректности мысли о каком бы то ни было социальном субъекте, как о некоем «моносубъекте» [2; С. 130], который, по сути, есть мысль о тождестве признака «быть *causa sui*» с признаком «быть субъектом». На наш взгляд, субстанция вообще, общественное в универсуме, в частности, действительно, есть «высшая реальность» и «остаётся одной из бесчисленных чистых возможностей» [8; С. 185], но для действительно реально сущих субъектов, всегда составляющих её же собственное актуальное динамическое содержание. Она есть их вечное, существующее только в них и через них, как эмерджентное, начало их же органичности и целостности. Субстанция актуально бесконечна, т.к. не возникает и не исчезает, субъект же – всегда возможность, но не всегда действительность соединения актуальной конечности с потенциальной бесконечностью (предел общественного потенциала). И возможность, и действительность высшего соединения или его отсутствия предполагают синхронное наличие многих субъектов. Если так, то следует деабсолютизировать позицию, согласно которой, «охватывая собой всю мыслимую Сферу социального, смоделированное наукой общество не имеет социокультурной «среды обитания», окружено не «соседями по разуму», а иными субстанциальными реалиями – миром живой и неживой природы» [2; С. 131]. Необходимо настаивать на такой деабсолютизации, т.к. «моносубъективисты» в трак-

товке общества неосознанно или в силу «субстанциональной» инерции подменяют понятие о нём (согласно которому общество – «организационная форма социума», его проявление в виде интегральных субъектов, и вводимое как раз для отличия от «социума», т.е. intersубъектного и только через субъекты сущего эмерджентного единого принципа общности) понятием «всей мыслимой Сферы социального», т.е. социумом. Только социум претендует на статус «субстанции социального вида», которая была бы бессмыслицей, если бы проявлялась как единственная организационная форма (общество) самой себя как организационной формы. Если всё же человечество – субъект всех субъектов, то насколько осмысленно понятие «социум как субъект»? Попробуем ответить.

1. Человечество входит в «надорганическую реальность, именуемую социумом» [2; С. 70] как её достоверно известное нам множество субъектов. Социум («социальность вообще», «особый род бытия в мире») – общество, напр., в «широком понимании» [2; С. 76].

2. Допустим: никакого «общества в широком понимании» не в качестве только земного человечества (или не в качестве его подсистем в «узком понимании») актуально нет и не может быть в принципе. Но общество всегда субъект? Да! Или нет? То оно – субъект, то утрачивает субъектность, переводя её обратно или необратимо в сферу возможного: но осциллирующее субъектностью общество, которое то вполне субъект, то вполне не субъект – нечто неясное и тяготеющее к противоречию, т.е.: «быть субъектом» – мысль «быть проявлением общественного», значит, онтологически невозможно утратившее общественное начало общество. Следовательно, человечество-общество всегда субъект (т.е. именно общество). Значит, человечество с момента своего появления – общество всех своих исторически существующих обществ и личностей, субъект самого себя и своих субъектов? Но субъекты человечества одновременно могут находиться и находиться в антагонизме или в

гармонии с разными субъектами, например, одни из которых говорят истину, а другие лгут. Значит, человечество – одновременно субъект и субъектов противоречия, и субъектов непротиворечия, и лжи, и истины, следовательно, отнюдь не «становящийся разум истины», как мыслил субъект В.С. Соловьёв. Именно так и появляются «фантастические образы остались при голой логической ошибке», когда все субъекты – «куклы, назначенные выстрадать прогресс или воплотить какую-то бездомную идею» [9; С. 231], что лично и выстрадано понял Герцен, восставший против абсолютистского монизма, противного всегда межсубъектному полимонизму (общественное как единомногое).

3. Социум, согласимся мы, действительно, единичен, т.к. есть крайняя категория, фиксирующая при этом словоупотреблении единичный предмет мысли – общественную, но отнюдь не органично-целостную подсистему универсума. Это особый, от всех остальных сущностно отличный слой бытия, или «слой реальности» (по В.И. Вернадскому), что опознаётся через общества и сообщества существ с социентальными качествами. Локусы их взаимосвязей, взаимообусловленностей и образуют гетеродинамичную действительность, качественно отличную от внеобщественной реальности всего иного в универсуме. Как показал Вернадский, говорить о «жизни вообще» научно бессмысленно и мировоззренчески путано, что диктует необходимость говорить о «живом веществе» и «неделимых жизни» [10; С. 15]. Эта же методологическая необходимость действует и при рассмотрении «общественной жизни» (общественного) в универсуме. Исходя из чего, В.П. Казначеев, говоря о «различных материально-энергетических потоках внутри космического целого», использует понятие «разумное живое вещество» [11; С. 56]. В социально-философском ключе следовало бы сказать: реальные и интегральные сущие с социентальными качествами, совокупность которых и есть социум. Об «общественной» же «жизни вообще» рассуждают, используя один

и тот же тип мышления, лишь те, кто точно также рассуждает и о «жизни вообще», зачастую в смутности этой абстракции отождествляя носителей сущностных признаков жизни с теми сущими, которые этими признаками не обладают, продолжая эту практику в отождествлении носителей разных типов проявления потенциала общественного в универсуме. Но это – логика мифа, а не философии.

4. Социум гетерогенен и это обуславливает гетерогенность глобализации, т.е. социум – совокупность субъектов, не только конвергирующих, но и дивергирующих вплоть до разноректорности. Он не есть «субъект вообще» и не «моносубъект» в частности, но метасистемное поле взаимосвязей, взаимообусловленностей в существовании более чем одного субъекта в виде обществ и представляющих их людей или иных субъектных существ. Причём, некоторые субъекты, следуя вектору свёртывания через себя потенциала этого поля, рано или поздно во взаимодействии с другими исторгаются из социума, прекращая существование, т.е. общественное реально нелинейно. На наш взгляд, моносубъективизм в понимании общества грешит неэксплицированным упрощением. Он не способен чётко воспринимать и разводить энтропийные тренды в становлении субъектов, напр., мондиализм, от тех, что им же являются заслоном. Уравнивает неуравновешенное. Он – частное проявление наукообразного «социологического мироощущения» (в терминологии Н.А. Бердяева), например, в форме позитивизма О. Конта или меонального понимания сути общественного в некоторых немецких «наукоучениях» [12; С. 142, 143]. Названные конструкции – прямое следствие «ограниченного мироощущения», применяющего линейное масштабирование к нелинейной реальности и потому таящего в себе «возможность слишком неожиданных катастроф» [13; С. 396]. История XX в. – яркий тому пример.

5. Понимание человечества нелинейно сложно, как нелинейно сложны отношения людей. Важно понимать интересы, зачастую не-

осознаваемо скрывающиеся за предположением отсутствия / присутствия у человечества субъектности. Равно как и то, что наделение человечества субъектностью – одна из очень ранних философских моделей понимания кооперативной сути рода людей, имеющая шлейф слабо отрефлексированных, а то и неотрефлексированных, архаичных и архитипически действенных смыслов. Очевидно: интересы не существуют без увязки со всеми иными социентальными качествами. Значит, противоречие интересов – аспект общего противоречия между несовместимыми типами реализации потенциала родовой сущности общественных существ, между несовместимыми типами проявления социентальных качеств. Они разновекторны, т.к. выявляются в творческом выборе субъектом условно энтропийного / неэнтропийного (в их вариациях) способа репрезентации общественного и очевидны в преддеятельностном аксиологическом проявлении

субъекта (по Г.С. Батищеву и В.Н. Сагатовскому). Люди и по-разному структурированные общества зачастую ведут себя в расходящихся векторах развёртывания потенциала общественного: и как «деструкторы», и как «созидатели» (в терминологии В.Н. Сагатовского). Созидатели – субъекты, для которых другие субъекты (люди, общество) не могут быть средствами, но (в качестве положительно комплиментарных им) соучастниками в поступках, «совершенствующих ткань социального и природного бытия» [14; С. 30]. Для отрицательно комплиментарных им деструкторов другие субъекты – средство. Это задано онтологически [15; С. 157]. Интересы, сознание, деятельность и т.д. тех, кто заявляет, напр., единичность человечества-субъекта в универсуме, не могут не быть типически иными, чем сознание и т.д. тех, кто заявляет противоречащее. В том, кто возобладает – участь всех [16; С. 244-245].

Литература

1. Яблокова Н.И. Социальный субъект: генезис, сущность, факторы становления и развития: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. – социальная философия / Н.И. Яблокова. – М., 2000. – 48 с.
2. Момджян К.Х. Социум. Общество. История / К.Х. Момджян. – М.: Наука, 1994. – 239 с.
3. Бернацкий В.О. Человек и философия / В.О. Бернацкий // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. – 1996. – № 1. – С. 19-27.
4. Лесков Л.В. Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества / Л.В. Лесков. – М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2003. – 446 с.
5. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / В.А. Лекторский. – М.: Эдиториал УРСС, 2006. – 256 с.
6. Соловьёв В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / В.С. Соловьёв. – М.: Мысль, 1990. – 892 с.
7. Мочалов И.И. Биокосмические воззрения В.И. Вернадского / И.И. Мочалов // Вестник АН СССР. – 1979. – № 11. – С. 117-130.
8. Рассел Б. Почему я не христианин: избранные атеистические произведения / Б. Рассел. – М.: Политиздат, 1987. – 334 с.
9. Герцен А.И. Былое и думы / А.И. Герцен. – М.: Художественная литература, 1987. – 671 с.
10. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
11. Казначеев В.П. Выживание населения России. Проблемы «Сфинкса XXI века» / В.П. Казначеев, А.И. Акулов, А.А. Кисельников, И.Ф. Мингазов. – Новосибирск: изд-во Новосиб. ун-та, 2002. – 463 с.
12. Скачков А.С. Земля и универсум «единого человечества» / А.С. Скачков // XXI век: на пути к единому человечеству? Материалы Международной конференции 27-30 мая 2003 г. – М.: Современные тетради, 2003. – С. 142-144.
13. Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения / Н.А. Бердяев. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 736 с.
14. Сагатовский В.Н. Есть ли выход у человечества? / В.Н. Сагатовский. – СПб.: ООО «Изд-во «Петрополис», 2000. – 148 с.
15. Казначеев В.П. Учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере / В.П. Казначеев. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – 248 с.
16. Скачков А.С. Осознание «мира в целом» и «типы рефлексии» / А.С. Скачков // Рефлексив-

ные процессы и управление. Сборник материалов VII Международного симпозиума 15-16 октября 2009 г. – М.: Когито-Центр, 2009. – С. 242-245.

Коротко об авторе _____ **Briefly about the author**

Скачков А.С., канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, Омский государственный технический университет (ОмГТУ)
welirta@gmail.com

A. Skachkov, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Social Communications, Omsk State Technical University

Научные интересы: изучение системы идей «Русского космизма», выявление детерминаций внутреннего мира человека, антропный космологический принцип, глобалистика

Areas of expertise: research of the system of «Russian cosmism» ideas, revealing of determinations of a person's inner world, anthropic cosmological principle, global studies

Социология

УДК 316.6

Романова Нелли Петровна
Nelly Romanova

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ОДИНОЧЕСТВА

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF LONELINESS

Рассмотрены ранние подходы к анализу феномена одиночества. Дан анализ исследований названной проблемы. Отмечены два аспекта исследования: теоретико-методологический и прагматико-практический

The author considers different approaches to the analysis of loneliness. Analysis of the research of the stated problem is given. Two aspects of the research - theoretical-methodological and pragmatical-practical - are examined

Ключевые слова: одиночество, распад и разрушение личности, деструктивное состояние, углубляющаяся атомизация, философские концепции

Key words: loneliness, anomie and destruction of personality, destructive condition, deepening atomization, philosophical conceptions

Одиночество является одной из основных социально-философских проблем общества. Эта проблема актуальна для любого социума, любой формы его пространственной организации – от крупного города до небольшого поселения. В науке о человеке одиночество было и остается объектом изучения философов, психологов и психиатров, социологов, этнографов, педагогов, представителей других научных дисциплин, т.к. названный общественный феномен требует широкого исторического осмысления, комплексного междисциплинарного подхода.

Понятие «одиночество» многогранно. В научной литературе, как и в обыденной речи, оно обозначает совершенно разные явления [1]. Во-первых, объективное состояние вынужденной физической или социальной изоляции, исключенное из общения с людьми вообще

или с какими-то социально и личностно значимыми категориями людей. Во-вторых, добровольное уединение, обособление, ограничение внешних связей и контактов ради углубленной автокоммуникации, размышления, созерцания искусства, слияния с природой и т.п. В-третьих, одиночество-тоска – мучительное субъективное чувство душевной и духовной изоляции, некоммуникабельности, неудовлетворенной потребности в общении и человеческом тепле.

До сих пор ученые не дали однозначного определения этого понятия. Однако все исследователи сходятся на том, что одиночество в самом общем приближении связано с переживаниями человеком его оторванности от общества людей, семьи, исторической реальности, гармоничного природного мироздания. Причем в понятие «оторванность» здесь в большей мере вкладывается не физическая

изолированность, а нарушение сложных духовных связей, объединяющих личность с ее социальным окружением.

Современный человек ощущает одиночество наиболее остро в ситуациях интенсивного и подчас принудительного общения – в городской толпе, кругу собственной семьи, в среде друзей. Одиночество, в отличие от объективной изолированности человека, которая может быть и добровольной, и исполненной внутреннего смысла, отражает тягостный разлад личности, господство дисгармонии, страдания, кризиса "Я".

Теоретическое осмысление эта проблема обрела еще в древние времена. В ветхозаветной книге Екклесиаста повествуется о том, что одиночество и в те далекие века болезненно воспринималось людьми как драма, приводящая к глубокому истощению личности: "Человек одинокий, и другого нет; ни сына, ни брата нет у него; и всем трудам его нет конца, и глаз его не насыщается богатством". Этот библейский текст, являющийся едва ли не самым отдаленным источником, пронизан трагизмом отсутствия связи с миром людей. Мотив страдальческого одиночества доминирует и в христианстве, обращенном к сердцам униженных и оскорбленных. С самого начала христианство восприняло и аккумулировало в себе чувство щемящего одиночества и превратило его в идейный нерв всего вероучения. Тому подтверждение и образ Христа, в своем нравственном всесовершенстве стоящий недостижимо выше учеников и толпы.

Подобно другим научным понятиям, понятие «одиночество» постоянно менялось, отражая в своем содержании – конкретном на каждом историческом этапе – интегральные знания людей о мире и о себе. Чем выше был общечеловеческий уровень освоения и объяснения объективных и субъективных реальностей, тем содержательнее становилось и само понятие одиночества. Практически все основные философские школы и направления в той или иной мере и в соответствии со своими мировоззренческими принципами касались в сво-

их исследованиях одиночества как одной из важных проблем человечества.

Уже при зарождении теоретического познания возникает понятие одиночества. В трактатах Платона и Аристотеля подчеркивается значимость общения в противовес обособленности, одиночеству индивида.

По мере теоретического осмысления проблемы одиночества в XIX в. формируются две основные философские концепции – американских трансценденталистов и европейских экзистенциалистов. В своем развитии они дали две различные трактовки понятия одиночества – оптимистическую и пессимистическую.

Согласно первой, одиночество рассматривается как добровольное уединение и дает возможность для выражения в душе человека тяги к красоте, добру и совершенству, причем физическое уединение в рамках этой концепции – это лишь первая ступень на пути к уединению высшему, духовному. Трансценденталисты фактически первыми в истории европейской мысли стали проводить ясное различие одиночества как результата полной отчаяния городской жизни и уединения как необходимой для творческой личности концентрации на ее духовных потенциях, способных создать в душе человека преграду против приливных волн городской цивилизации с усреднением личности, господством конкуренции.

Трансценденталисты рассматривали уединение как средство самозащиты, способ социального и творческого возмужания. Видным представителем американских трансценденталистов XIX в. был писатель и философ Генри Дэвид Торо. Осмысливая свою философию добровольного уединения, Торо более двух лет провел в убогой хижине. В основе его философии лежал принцип, согласно которому личности достаточно замкнуться в себе, чтобы в ней возродилась мощная тяга к красоте, добру, совершенству.

«Общество, даже самое лучшее, утомляет и отвлекает от серьезных дум, – говорил Г. Торо. – Я люблю оставаться один. Ни с кем так не приятно общаться, как с одиночеством.

Мы часто бываем более одиноки среди людей, чем в тиши своих комнат [2].

Представители второго направления – экзистенциалисты – рассматривают одиночество с разных сторон. Согласно Б. Паскалю, человек совершенно одинок и заброшен в бессмысленное бытие. Окруженный со всех сторон бесконечной и пустой Вселенной, он в ужасе наталкивается на стену собственного одиночества [3]. Чувство покинутости — катастрофа для каждого индивида как только он проникнется осознанием крайней условности нашего бытия и метафизической изгнанности.

Ницше также склонен утверждать, что каждый из нас в отдельности приговорен к метафизическому одиночеству, что со смертью Бога каждый становится «последним человеком». Оба философа ярко иллюстрируют драму своего времени – процесс тотального отчуждения и «атомизации» индивидов, когда каждый живет и умирает в одиночку. Экзистенциальная философия, начиная от Серена Кьеркегора и до Альбера Камю, открыла, что душа человеческая интересней, чем Вселенная, и микрокосм столь же велик и бесконечен, как и макрокосм, и попыталась изучить причины духовного и нравственного опустошения, всеобщего отчуждения, распада и разрушения личности.

Одиночество Кьеркегора – это замкнутый мир внутреннего самосознания, мир, принципиально не размыкаемый никем, кроме Бога. Человек, согласно Кьеркегору, существует лишь для Бога, поскольку Бог существует для него. Бог отчуждает от мира, замыкает человека в самом себе. Личность, существующая в субъективной самоизоляции, чужда всякой социальности, что неизбежно порождает одиночество [4].

В своей работе "Несчастнейший" С. Кьеркегор сравнивал людей с «одиночками птицами в ночном безмолвии, собравшимися один-единственный раз, дабы проникнуться назидательным зрелищем ничтожества жизни, медлительности дня и бесконечной длительности времени» [5].

Представителей экзистенциальной философии занимали глобальные вопросы: почему XX век стал веком разъединения, обособления, несогласия и нетерпимости? Почему общество превратилось в планету глухих – где каждый говорит только свое, не слыша и не понимая других?

Одиночество часто рассматривается как нечто деструктивное по отношению к личности, мешающее ей жить, ставящее преграды и ломающее ее. И часто одиночество рассматривается как следствие давления внешнего мира на личность, которое и вынуждает ее отгораживаться от него, бежать, одновременно страдая от этого.

Экзистенциальное осмысление проблемы одиночества дается и в творчестве французского философа и писателя Ж.П. Сартра. Целый ряд его героев живет будто взаперти, мучаясь своим одиночеством и в то же время оберегая его, желая его. Именно от внешнего мира защищаются они в своем затворничестве, в этом болезненном компромиссе, и не могут найти освобождения ни в бегстве, ни в любви, ни в бунте, ни в творчестве.

Созвучно понимание одиночества и у русского мыслителя Н.А. Бердяева. В основу его философского мировоззрения положено особое толкование категории свободы. Одиночество также выражается им через эту категорию. По Бердяеву [6], личностью можно стать только через момент одиночества – именно здесь переживается единственность и неповторимость человеческого "Я", а потому свободный человек стремится к одиночеству. Н. Бердяев делает вывод, что "одиночество в известном смысле слова есть явление социальное".

Одним из центральных у современных представителей экзистенциализма стал нравственно-психологический аспект проблемы одиночества. В частности, представители атеистического экзистенциализма рассматривали одиночество как проклятье. В то же время представители религиозного направления считали его необходимым элементом экзи-

стенции человека, способствующим раскрытию его внутреннего мира, становлению личности. Только в тишине собственной души человек осознает глубокий смысл своего личного бытия, а также и реальную ценность общения.

Современный экзистенциализм вырабатывает специальную психологическую технику внутреннего сосредоточения, медитации, особой психотерапии (например, японская школа «морита»). Находясь в состоянии уединения, человек мысленно общается не только с самим собой, но и со своими идеальными, воображаемыми друзьями.

В целом же экзистенциализм отразил духовный кризис современной эпохи, обнажил ее противоречия и болезни, но предложить выход из ситуации не смог, т.к. недооценил социальную обусловленность человеческих отношений.

При всем многообразии взглядов на одиночество у экзистенциалистов прослеживаются две основные тенденции. Первая состоит в понимании одиночества как негативно-го, или пассивного состояния, которое разрушает человеческую личность. Вторая связана с определением одиночества как творческого, активного, необходимого, неотъемлемого начала, из которого рождается полноценная личность.

В соответствии с историко-философской традицией исследования одиночества личности русская нравственная философия придала этой проблеме общечеловеческий масштаб. Для русской философской мысли характерно острое переживание неумолимого процесса взаимного обособления людей друг от друга – углубляющейся атомизации человечества, проявляющейся тенденции превращения народа в население, безликий и бессмысленный конгломерат абсолютно чуждых друг другу эгоистов, наконец, отмирания всех человеческих свойств души – отчуждения каждого от самого себя [7].

В XX в. обозначается социологический подход к изучению одиночества, заключающийся в трактовке этого феномена как явления

типичного, свойственного широким и самым различным слоям населения. Очень показательна в этом плане книга «Одинокая толпа» социолога Д. Рисмена [8], изданная в середине прошлого столетия в США.

Согласно его концепции «социального характера», выделяются три основных типа характера, соответствующие трем типам общественного устройства. «Традиционно ориентированный» – соответствующий средневековью; «изнутри ориентированный» – соответствующий эпохе свободного предпринимательства, связанный с инициативой и активностью личности и «извне ориентированный» – относимый к монополистической стадии развития капитализма, превращающий человека в индивидуалиста, в объект манипулирования со стороны государства. Такая личность оказывается подверженной различным видам отчуждения и самоотчуждения, обусловленным самой системой организации всей социальной жизни, где разрушаются такие формы общения, как семейная жизнь, любовь, дружба, что в конечном итоге приводит к одиночеству человека.

Сегодня вполне устоялось мнение, что урбанистические ритмы густонаселенного города нередко диссонируют с внутренним самочувствием человека, отторгают его от переплетающихся потоков городской жизни. Социальное одиночество сильнее проявляется в городах, где социальные связи имеют сложный и разветвленный характер, при котором выпадение «отдельных звеньев» остается незамеченным и быстро восполняемым.

Развивая далее эту мысль, известный американский футуролог А. Тоффлер в своих работах показывает, что ускорение социальных и технологических изменений создает все больше трудностей для адаптации человека и оказывает шоковое воздействие на общество в целом. Он констатирует, что межличностные отношения развиваются в направлении от централизации к децентрализации, от объединения к отчуждению [9].

Очень важны выводы А. Тоффлера о

многообразных явлениях и процессах, обусловленных техническим прогрессом современного общества, в том числе и о проблеме одиночества. Они дают более полную картину современного мира и места в нем человека [10]. Говоря об экономическом и социальном кризисах, которые сотрясают современное общество, нельзя обойти и формируемый ими нравственный кризис, который есть суть ощущения огромным числом людей бессмысленности той жизни, которую им приходится вести в результате утраты в новых "рыночных" условиях прежних ценностей, идеалов.

Известный психоаналитик К. Хорни в одной из своих работ подчеркивает, что «отдельному человеку приходится бороться с другими представителями той же группы, приходится брать верх над ними и нередко отталкивать в сторону. Превосходство одного нередко означает неудачу для другого, возникает враждебная напряженность между людьми. Соперничеством и потенциальной враждебностью проникнуты все человеческие отношения» [11].

Применительно к сегодняшней России такие, ставшие уже социально-значимыми факторы, как обнищание народа, появление массовой безработицы, рост преступности в сочетании с общим падением нравственности служат источником отчаяния и одиночества людей. Человек не просто отчуждается от человека, от общества, он ищет спасение в одиночестве от трудностей жизни.

Существенное значение для понимания проблемы одиночества имеет типологическое различие эмоционального и социального одиночества, введенное американским ученым Р. Вейсом.

Отсутствие тесной эмоциональной привязанности, неспособность найти душевный отклик и понимание у других людей Р. Вейс определил как эмоциональное одиночество [12]. Люди, переживающие подобное одиночество из-за отсутствия интимной привязанности, такой как любовная или супружеская, склонны испытывать чувство глубокого уединения не-

зависимо от того, доступно или недоступно им общество других.

Под социальным одиночеством понимается отсутствие доступного круга общения и удовлетворения социальных связей. Оно проявляется в формах изгнания, остракизма, неприятия, вынужденного увольнения и т.п. Такой тип одиночества всегда мучителен и сопровождается множеством разнообразных отрицательных эмоций – ощущением скуки, грусти, тоски, отчаяния, подавленности, жалости к себе, социальной маргинальности, отверженности, неполноценности, бесцельности жизни и т.п.

Р. Вейс – как главный выразитель интеракционистского подхода к проблеме одиночества — рассматривал его не только как функцию фактора личности или фактора ситуации, а как продукт их комбинированного (или интерактивного) влияния [13]. Пропорции внутренних и внешних факторов одиночества всегда своеобразны, различны, конкретны, что определяет многообразие форм одиночества. В зависимости от конкретного контакта индивида и социума «виновником» одиночества в той или иной степени оказываются и индивид, и социальная среда, и исполняемая социальная роль.

Весьма важным для исследования проблемы одиночества является когнитивный подход, который предполагает, что одиночество наступает в том случае, когда индивид воспринимает (осознает) несоответствие между двумя факторами – желаемым и достигнутым уровнями собственных социальных контактов. Представители когнитивного подхода (Энн Пепло и ее коллеги), основываясь на представлениях Р. Вейса, определяют слагаемые одиночества и формулируют взаимосвязи между ними в теории. Они исследуют как характерологические, так и ситуативные факторы, способствующие возникновению одиночества, а также влияние как прошлого, так и настоящего на становление личности, причем акцент делается на процессе формирования самооценки личности и ее воздействии на одиночество [14].

Факты свидетельствуют, что низкая самооценка и предопределяет у многих людей чувство одиночества. Более того, поскольку социальные связи являются сердцевинной личностного самосознания, то постоянное чувство одиночества приводит к появлению у человека заниженной самооценки.

Все модели одиночества, которые исследуются этими авторами, подчеркивают тот факт, что человек становится одиноким тогда, когда осознает неполноценность своих социальных отношений в каком-либо важном аспекте. Ими анализируются причинные объяснения одиночества индивидом. Способ объяснения самим человеком одиночества может влиять на его чувства и поступки, сопутствующие переживанию одиночества. Вывод, к которому приходят сторонники данного подхода, заключается в том, что переживание одиночества определяется когнитивными процессами, которые формируют наши чувства и направляют наши действия.

Одиночество как состояние – есть психическое переживание потери внутренней целостности личности и внешней гармонии с миром, тождественности и идентичности с другими людьми. Поэтому для более полной характеристики одиночества следует рассмотреть и психологические представления о нем. Эти представления изначально сформированы работами Д. Зилбурга, Г. Салливана, Фриды Фромм-Рейхман, сторонников так называемой психодинамической модели, на которых большое влияние оказало творчество З. Фрейда с его пониманием одиночества как чувства, вызывающего ощущение бесконечности, беспредельности и безграничности. Он называл это ощущение "океаническим" чувством.

В своем анализе этой проблемы они исходят главным образом из своей клинической практики и, вероятно, поэтому склонны рассматривать одиночество как патологию [15]. Все они придают огромное значение раннему детству человека, считая одиночество результатом влияния на личность ранних детских впечатлений.

Согласно психодинамической модели, одиночество своим происхождением обязано самой личности и произрастает из внутренней природы индивидуальности человека. Согласно Зилбургу, одиночество становится отражением характерных черт личности: нарциссизма, мании величия и враждебности. Фромм-Рейхман считает одиночество экстремальным состоянием: «Одиночество превращает людей... в эмоционально парализованных и беспомощных» [16].

Сторонники другой, социологической модели (Д. Рисмен, Ф.И. Слейтер) считают, что одиночество – плод особых социальных условий, когда враждебность общества заставляет индивида замыкаться в себе, избегать других людей. Они полагают, что именно настоящее оказывает решающее влияние на формирование чувства одиночества, хотя не исключают и влияние детских переживаний [17].

Рисмен и Слейтер связывают свой анализ одиночества с изучением американского общества. Первый развивает концепцию личности, "направленную вовне". Он считает, что такие ориентированные на других личности могут приобрести синдром обеспокоенности и чрезмерную потребность в пристальном внимании к себе со стороны других людей, они оказываются обособлены от своего истинного "Я", своих чувств и своих ожиданий. Члены нашего "направленного вовне" общества образуют, как заявляет Рисмен в названии своей книги, "одинокую толпу".

Слейтер связывает проблему американца как личности с его индивидуализмом, который воплощен в стремлении отвергнуть реальность человеческой взаимозависимости. «К сожалению, чем больше мы преуспеваем в этом, тем сильнее мы ощущаем разобщенность, скуку и одиночество», – пишет Слейтер. И Рисмен, и Слейтер не столько оценивают одиночество как нормальное или ненормальное состояние, сколько считают одиночество нормативным – общим статистическим показателем, характеризующим американское общество [18].

Завершая рассмотрение ранних подходов к анализу феномена одиночества, можно сделать несколько выводов, способствующих пониманию этой проблемы. Во-первых, одиночество не может быть приравнено к физическому состоянию изолированности человека. Во-вторых, одна из самых ярких черт одиноче-

ства – это специфическое чувство полной погруженности в себя. И, в-третьих, одиночество предполагает разрыв связей или их полное отсутствие, тогда как обычные надежды, ожидания сориентированы на согласованность, соединение, связь.

Литература

1. Peplau L.A. and Perlman D. (Eds). *Loneliness*. M.Y., 1982; Кон И.С. *Дружба: этнопсихологический очерк* / И.С. Кон. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1987. – 350 с.
2. Торо Г.Д. *Уолден, или жизнь в лесу* / Г.Д. Торо. – М., 1980.
3. Паскаль Б. *Мысли*. Ларошфуко Ф. де. *Максимы*. Лабрюйер Ж. де. *Характеры*. – М., 1974. – С. 122.
4. Kierktgaard I. *Collogue organise par Unesco a Paris lu 21-23 april 1964, Paris, 1966*. – P. 27, 108.
5. Кьеркегор С. *Несчастнейший* / С. Кьеркегор. – *Северные цветы*. Кн. 4. – СПб., 1908. – С. 38.
6. Бердяев Н.А. *Царство духа и царство кесаря* / Н.А. Бердяев. – М., 1995. – С. 15.
7. Фромм Э. *Анатомия человеческой деструкции* / Э. Фромм. – М., 1995; Фромм Э. *Иметь или быть* / Э. Фромм. – М., 1986.
8. Riesman D., Denney R & Glaser N. *The lonely crowd*. New Haven. Yale University Press, 1950.
9. Тоффлер А. *Смещение власти. Знание. Богатство и принуждение на пороге XIX века* / А. Тоффлер. – М., 1992.
10. Toffler A. *Future shock*. New York: Random Hours, 1970.
11. Хорни К. *Невротическая личность нашего времени. Самоанализ* / К. Хорни. – М., 1990. – С. 217.
12. Weiss R. S. (Ed) *Loneliness: The Experience of Emotional and Social Isolation*. – Cambridge: MIT Press, 1973.
13. Weiss R. S. *Narital separation*. – N.Y.: Basic Books, 1975.
14. Peplau L.A. and Perlman D. *Blueprint for a social psychological theory of loneliness*. – In: Cook M. and Wilson G. (Eds.). *Love and attraction*. – Oxford, England Pergamon, 1979.

Коротко об авторе

Романова Н.П., д-р социол. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
rik@chitgu.ru

Научные интересы: философия одиночества, гендерные исследования, деловые коммуникации

Briefly about the author

N. Romanova, Dr. Sc. (Sociology), Full Professor, Chita State University (ChSU)

Scientific interests: phylosophy of loneliness, gender research, buisness communications

Экономика

УДК 351:004

Самаруха Алексей Викторович
Alexey Samarukha

Сачков Дмитрий Иванович
Dmitry Sachkov

**СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ
ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
В РОССИИ**

**FORMATION OF SYSTEM OF THE
ELECTRONIC GOVERNMENT IN RUSSIA**

Определены современные условия создания и внедрения системы «электронное правительство». Изложены основные научно-технические и организационные проблемы при создании системы. Предложены меры по повышению эффективности процесса создания информационно-телекоммуникационной системы «электронное правительство»

Modern conditions of creation and introduction of the electronic government system are determined. The basic scientific, technical and organizational problems are stated at system creation. Measures on increase of the “electronic government” information-telecommunication system creation efficiency are offered

Ключевые слова: электронное правительство, информационно-телекоммуникационные технологии, регион, услуги, эффективность

Key words: electronic government, informational and telecommunication technologies, region, services, efficiency

Печатается при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-3603.2009.6 «Разработка механизма антикризисного управления социально-экономическим развитием муниципальных образований региона».

Общепринятым определением термина «электронное правительство» (ЭП) является формулировка «Концепция осуществления государственного управления, характерная для информационного общества. Базируется на возможностях информационно-телекомму-

никационных технологий и ценностях открытого гражданского общества. Характеризуется направленностью на потребности граждан, экономической эффективностью, открытостью для общественного контроля и инициативы».

В ряде зарубежных стран ЭП используется как один из наиболее продуктивных способов борьбы с коррупцией и бюрократией, а также обеспечения прозрачности официальных структур.

Внедрение ЭП предусматривает бизнес-реинжиниринг правительственных структур,

что, в свою очередь, отражается в проявлении эффективности для граждан как клиентов, выгоды для граждан как собственников.

Систему ЭП отличают от правительства он-лайн – правительство, которое, кроме традиционных форм транзакций с населением, имеет электронный интерфейс и является одним из функциональных элементов ЭП.

Чтобы сформировать благоприятную

среду для создания ЭП, необходимо учитывать институциональные характеристики, состояние инфраструктуры ИКТ, культурных и человеческих ресурсов, а также политическую приверженность идее организации ЭП. В таблице представлены основные проблемы, связанные с созданием ЭП, и последствия их неудовлетворительного решения [1].

Основные проблемы развития ЭП

Сфера	Проблемы	Последствия
Институциональные аспекты	Отсутствие единого федерального программного продукта Низкая эффективность регионального стратегического планирования Неформатность целей на региональном уровне	Проектировка самостоятельных адаптированных региональных систем Организационная низкая эффективность систем Экономическая низкая эффективность систем
Человеческие ресурсы	Низкий уровень квалификации специалистов региональных и муниципальных представительств органов власти в сфере стратегического планирования на основе информационных технологий Недостаточное развитие научно-исследовательской базы по ЭММ Отсутствие образовательных программ профессионального обучения работы с ЭП Низкая инфо-телекоммуникационная культура населения	Создание неадекватных обособленных региональных систем ЭП Неэффективность сопровождения систем ЭП Низкая эффективность электронного диалога общества и власти Необъективность принимаемых исполнительными органами власти решений
Финансирование	Отсутствие единого порядка оценки стоимости проекта ЭП и его сопровождения Недооценка стоимости проектов Недооценка сроков разработки и внедрения систем Отсутствие механизма возмещения затрат	Функциональная несбалансированность региональных систем ЭП Незавершенность систем Коррупция Повышенная стоимость внедрения и сопровождения систем ЭП
Внутренняя среда	Зависимость от зарубежной производственной базы ИКТ Отсутствие на рынке известных и надежных поставщиков ИКТ Отсутствие специализированных сервисных компаний Неготовность органов власти и хозяйствующих субъектов к режиму прозрачности процессов	Затруднения при внедрении и отладке систем ЭП Отсутствие квалифицированной технической поддержки систем Отсутствие требуемых характеристик прозрачности и эффективности системы ЭП

Окончание таблицы

Сфера	Проблемы	Последствия
Технологии	Ограниченность номенклатуры оборудования и программного обеспечения Отсутствие необходимого программного обеспечения Отсутствие единого перечня совместимого программного обеспечения, необходимого в ЭП Отсутствие единого порядка заказа разработки ЭП	Несовместимость различных региональных систем ЭП Несовместимость программ в региональной системе ЭП Низкая эффективность затрат на ЭП

Эксперты, работающие в сфере внедрения систем ЭП, выделяют такую особенность: у большинства чиновников понятие ЭП сводится фактически к электронному общению власти с общественностью. Однако этот подход неверен, поскольку, в первую очередь, он экономически и организационно неоправдан. ЭП, как обеспечение государственных структур ИТ-решениями, означает дополнительные бюджетные затраты, направленные на простое дублирование в электронном виде бумажного документооборота. На наш взгляд, такое широко распространенное мнение вредит стратегическому курсу России.

В странах, которые в числе первых обратили внимание на ИТ-разработки, в первую очередь в США и Великобритании, ЭП рассматривается, скорее, как концепция, направленная на повышение эффективности деятельности государства в целом.

Например, в мировых развитых странах ЭП в западном восприятии состоит из трех основных модулей (G2G, government to government, правительство правительству; G2B, government to business, правительство бизнесу; G2C, government to citizens, правительство гражданам) и включает в себя многочисленные прикладные элементы: свободу доступа граждан к государственной информации, перевод государственных органов на безбумажное делопроизводство, установление для всех государственных органов показателей эффективности работы на год и регуляр-

ный их контроль, который проводится как парламентом, так и гражданами, введение в государственных органах пластиковых карт для идентификации госслужащих, перечисление им зарплаты, расчетов за командировки, перенесение в сеть большинства стандартных транзакций между государством и гражданами или бизнесом и т.п.

На современном этапе реализации идеи ЭП многие субъекты Федерации только решают: закупать готовые действующие, но не адаптированные программные элементы в других регионах, со всеми вытекающими трудностями или организовать, или заказывать работу временного творческого коллектива по разработке в короткие сроки собственного программного продукта, объединяющего на единой платформе несколько обязательных блоков. Как правило, ставится задача по созданию 4 основных блоков ЭП, которые ориентированы в основном на население:

- 1) внутренний и внешний документооборот органов исполнительной власти;
- 2) справочные службы;
- 3) удаленное оформление услуг;
- 4) мониторинг и прогноз социально-экономического развития.

При этом первые три направления имеют доступные технические решения, представленные достаточно широким перечнем программных продуктов. В данном аспекте задача по созданию регионального ЭП сводится к объединению через программы перекодиров-

ки необходимых программных блоков на одной платформе. Решение четвертого направления связано с созданием экономико-математических моделей регионального и межрегионального социально-экономического развития, что остается одной из самых сложных научно-исследовательских задач для современной экономической науки. С одной стороны, оправданным является мнение о необходимости привлечения к разработке мониторинго-прогнозного блока ЭП местного научного сообщества, т.к. только ему близко знакомы проблемы и механизмы региональных процессов. С другой стороны, очевидна необходимость подчинения всех региональных разработок мониторинго-прогнозного блока ЭП единому федеральному программному принципу, к тому же не все субъекты федерации обладают научным потенциалом, необходимым для комплексной разработки региональной системы ЭП.

Впрочем, полноценная реализация комплексной программы "Электронная Россия" на 2002-2010 гг. до настоящего времени еще не произошла, хотя есть некоторые положительные шаги в ряде регионов страны.

Исследователи А. Голобуцкий, О. Шевчук констатируют такой факт «...члены правительства вообще отрицают сам принцип электронного правительства. Концепция организации государственного управления воспринимается как пустой лозунг для получения бюджетных средств. Так, начальник департамента правительственной информации РФ Андрей Коротков говорит, что "электронное правительство" вообще "... неточный термин. Я считаю, что мы не должны говорить об электронном правительстве, мы должны говорить о правительстве, использующем информационные технологии. Мы должны говорить о Федеральном собрании, использующем информационные технологии. Мы должны говорить о судах, использующих информационные технологии. Мы говорим об определенной коммуникационной среде, которая позволяет структурам власти и структурам гражданского общества, биз-

неса взаимодействовать в единых стандартах, понятных друг для друга"» [2].

Из этого следует, что в настоящее время в сфере информатизации государственного управления отношение к ЭП проявляется как к очередному атрибуту с имиджевыми, представительскими функциями, а не как к эффективному инструменту решения реальных проблем.

В настоящее время вся программа [3] реализации системы «Электронного правительства» в России свелась к компании по созданию низкого и среднего уровня прикладного инструмента регионального государственного управления. И вся эта работа не отражается ни на качестве обслуживания граждан, ни на скорости обработки документов, ни более широком привлечении граждан к процедурам законотворчества или контроля над соблюдением законности. В это время продолжается расходование средств на приобретение оборудования, разработку специализированных программных продуктов и расширение штата в связи с набором новых сотрудников для обработки информации. Результатом таких нововведений является только увеличение объемов работы и сроков исполнения в государственных структурах лишь ради более эстетичного вида документов и упрощения их распечатки. В настоящее кризисное время экономика страны не может себе позволить таких дорогих нововведений, как простое использование информационных технологий на определенных этапах осуществления правительственных функций.

На наш взгляд, внедрение ЭП будет эффективным, если станет масштабной концепцией, с централизованной разработкой или согласованием программных продуктов для всех уровней власти и между регионами с учетом возможности их адаптации к определенным условиям внедрения на территориях, создания системы дистанционной переподготовки кадров для работы с данной системой, освещения в СМИ возможностей системы и правил ее использования для населения. При внедре-

нии новых принципов организации объемы конкретной затратной статьи будут внушительными, но общие затраты на организацию государственного управления снизятся. Причем уменьшение этих затрат тем заметней, чем качественней становится обслуживание населения, чем меньше бюджетных средств расходуется вне запланированных целей.

На наш взгляд, в ближайшей перспек-

тиве, учитывая в перспективе масштабную информатизацию населения России, правительство предпримет решительные меры для реализации технологий «Электронного правительства» на основе европейских разработок с включением трех основных модулей: правительство правительству; правительство бизнесу; правительство гражданам.

Литература

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: *Электронное правительство построили по росту*. <http://www.etc.ru/public.cms/?eid=688248>

2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: *Perspectives of cyberdemocracy*. Andrzej Kaczmarczyk

<http://www.imm.org.pl/mat/ACybdemA.html>

3. *Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65 "О федеральной целевой программе "Электронная Россия (2002-2010 гг.)"*.

Коротко об авторах

Самаруха А.В., канд. эконом. наук, доцент кафедры «Экономика предприятия и предпринимательской деятельности», г. Иркутск
samarukha_alex@mail.ru

Научные интересы: региональная экономика

Сачков Д.И., аспирант, г. Иркутск
leninb@yandex.ru

Научные интересы: муниципальное управление

Briefly about the authors

A. Samarukha, Candidate of Economical Science, Associate Professor, Department of Economy of the Enterprise and Enterprise Activity, Irkutsk

Areas of expertise: regional economy

D. Sachkov, post-graduate student

Areas of expertise: municipal administration

Книгоград

Абрамова Н.А. Динамика ценностных ориентаций модернизирующегося китайского общества / Н.А. Абрамова, В.С. Морозова. – Чита: ЧитГУ, 2009. – 154 с.

Монография посвящена проблеме исследования изменений в жизнедеятельности китайского общества, которые рассматриваются в контексте процессов, обусловленных национальными традициями и ценностями.

Основное содержание монографии составляет анализ социальных трансформаций, происходящих на всех уровнях современного китайского общества. Выявляется роль и степень влияния традиционных ценностных императивов.

Подробно исследуются социальные преобразования, осуществляемые в КНР с начала 80-х гг. XX в., детерминировавшие интересы и ценности китайской нации.

Представляет интерес для востоковедов, политологов, специалистов-международников, студентов восточных факультетов, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблемами развития Китая.

Ерёмкина Т.А. «Китайский регион» в социокультурном измерении: проблемы семьи и общества / Т.А. Ерёмкина. – Чита: ЧитГУ, 2009. – 128 с.

Монография посвящена проблемам исследования социокультурного развития глобализирующегося «китайского региона».

Основное содержание монографии составляет анализ процессов социокультурных трансформаций, происходящих в китайской семье и обществе в целом.

Рассчитана на востоковедов, специалистов-международников, студентов восточных факультетов, а также на широкий круг читателей, интересующихся проблемами развития Китая.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Колонка редактора	3
Юбилейные даты	4

Науки о Земле

Бузина М.В., <i>Читинский государственный университет (ЧитГУ)</i> Определение количества солнечной энергии, поступающей на поверхность Земли, в природно-климатических условиях Забайкалья M. Buzina, <i>Chita State University</i> Measurement Of The Amount Of The Solar Energy Insulating The Earth's Surface In Natural Climatic Conditions Of Transbaikalia	6
Дойников Ю.А., <i>АК «АЛРОСА»</i> Беляев А.Е., <i>Иркутский государственный технический университет (ИрГТУ)</i> Обоснование оптимальных параметров пневмотранспортирования предметов разрушения при бурении скважин с очисткой сжатым воздухом Yu. Doynikov, "Alrosa" JSC A. Belyaev, <i>Irkutsk State Technical University</i> Substantiation Of Optimal Parameters Of The Broken Rock Pneumatic Remove During Blasthole Drilling With Air Pulse Cleaning	11
Еникеев Ф.И., <i>ИПРЭК СО РАН</i> Особенности формирования россыпей юго-запада Восточного Забайкалья F. Enikeev, <i>Institute of Mineral Resources, Ecology and Criology,</i> <i>Siberian Branch of Russian Academy of Sciences</i> The Formation Of The Alluvial Deposits On The South-West Of The Eastern Transbaikalia	17
Кириллов М.В., Асонов А.М., <i>Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС)</i> Защита окружающей среды от загрязнения тяжелыми металлами с использованием природных сорбентов M. Kirillov, A. Asonov, <i>Ural State University of Railway Transport</i> Environmental Protection From Contamination By Heavy Metals With Use Of Natural Sorbents	25
Павленко Ю.В., <i>Читинский государственный университет (ЧитГУ)</i> Эколого-геологическая оценка территорий и объектов Ju. Pavlenko, <i>Chita State University</i> The Ecological And Geological Estimation Of The Territories And Objects	33

Педагогика

- Несговорова Н.П., Савельев В.Г., *Курганский государственный университет (КГУ)*
Формирование когнитивного компонента экологической культуры
студентов вуза в процессе практико-ориентированной
образовательной деятельности
N. Nesgovorova, V. Savelyev, *Kurgansk State University*
The Formation Of The Cognitive Component Of High School Students'
Ecological Culture In The Process Of Practice-Oriented Educational Activities 39
- Трофимова О.В., *Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)*
Направления работы по обучению критическому аудированию на уроках
русского языка (при слушании устного развернутого ответа на лингвистическую тему)
O. Trofimova, *Transbaikalian State Humanitarian and Pedagogical
University, Named after N.G. Chernyshevsky*
Activities On Training Of Critical Listening Comprehension At Russian Language
Lessons (At Audition Of The Detailed Speech Concerning Linguistics) 45
- Хренова Т.П., *Забайкальский краевой институт повышения
квалификации и переподготовки работников образования (ЗабКИПКРО)*
Уклад жизни школы в контексте педагогического знания
T. Khrenova, *Transbaikalian Regional Institute of Improving the
Qualification of the Pedagogical Workers (ZabKIPKRO)*
The Way Of School Life In A Context Of Pedagogical Knowledge 48
- Яковлева О.Н., *Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)*
Изучение свадебного ритуала в школе: семиотический подход
O. Yakovleva, *Transbaikalian State Humanitarian and Pedagogical
University, Named after N.G. Chernyshevsky*
Semiotic Approach To The Wedding Ceremony Research In The
Secondary School 52

Право

- Аулов В.К., *Байкальский государственный университет экономики и права (БГУЭиП)*
Туганов Ю.Н., *Читинский государственный университет (ЧитГУ)*
Дисциплинарная ответственность судей: исторические связи и современность
(краткий историко-правовой анализ)
V. Aulov, *Baikal State University of Economy and Law*
Yu. Tuganov, *Chita State University*
Disciplinary Liability Of Judges: Historical Links And Contemporaneity
(Brief Historical And Legal Analysis) 56
-

- Дондоков Ц.С., Лупенко И.Ю., *Читинский государственный университет (ЧитГУ)*
 Особенности реализации конституционно-правовых норм
 органами внутренних дел в деятельности по охране правопорядка
 и обеспечению законности
 Ts. Dondokov, I. Lupenko, *Chita State University*
 The Peculiarities Of Constitutional Law Norms Realization By The Organs Of
 Internal Affairs In Keeping Law And Order And In Ensuring Legitimacy 66

- Радчук К.И., *Тихоокеанский государственный экономический университет (ТГЭУ)*
 Методика выявления и особенности расследования преступлений,
 предусмотренных ст. 315 УК РФ
 K. Radchuk, *Department of State and Law, Pacific State Economical University*
 Methods Of Detection And Peculiarities Of Investigation Of Crimes
 Stipulated By The Article 315 Of Rf Criminal Code 72

Филология

- Анциферова Н.Б., *Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
 университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)*
 Образ рассказчика как организующее начало языковой композиции
 целого текста (на материале дневников С. Есина, В. Гусева, Т. Дорониной)
 N. Antciferova, *Transbaikalian State Humanitarian and Pedagogical
 University, Named after N.G. Chernyshevsky*
 Image Of The Story-Teller As The Beginning Of A Language Composition
 Of The Whole Text (On A Material Of Diaries Of S. Yesin, V. Gusev, T. Doronina) 78

- Даржаева Н.Б., *Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
 Сибирского отделения РАН (УРАН ИМБТ СО РАН)*
 Межфразовые скрепы местоименного происхождения
 в бурятских письменных памятниках
 N. Darzhaeva, *Institute of Research of the Mongols, Buddhism and Tibet,
 Russian Academy of Science, Siberian Branch*
 Connectors Based On Pronominal Verbs In The Buryat Literary Masterpieces 84

- Игумнов А.Г., *Бурятский государственный университет (БГУ)*
 Эмпирическое начало в архитектонике былины
 A. Igumnov, *Buryat State University*
 The Empirical Beginning In Bylinas 88

- Новикова А.А., *Уссурийский государственный педагогический институт (УГПИ)*
 Творчество И.Н. Потапенко в литературно-критических мнениях и суждениях
 современников рубежа XIX-XX вв.
 A. Novikova, *Ussuriysky State Pedagogical University*
 Reflection Of I.N. Potapenko's Works In Literary-Critical Opinions And
 Judgements Of Contemporaries At The Turn Of XX Century 94

Пекарская Е.А., <i>Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (ХГУ)</i> Типологизация языковой личности: опыт системного описания E. Pekarskaya, <i>Khakass State University named after N.F. Katanov</i> Typology Of Language Personality: Experience Of Systematic Description	100
Санжеева Л.Ц., <i>Бурятский государственный университет (БГУ)</i> Функциональные особенности фонэстетических средств в поэтике бурятской Гэсэриады L. Sanzheeva, <i>Buryat State University</i> Functional Peculiarities Of Phonaesthetic Devices In The Poetics Of The Buryat Epic Of Geser	105
Харанутова Д.Ш., <i>Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБИТ СО РАН)</i> Влияние русского языка на систему бурятского словообразования (к вопросу о заимствовании служебных аффиксов) D. Kharanutova, <i>Institute of Research of the Mongols, Buddhism and Tibet, Russian Academy of Science, Siberian Branch</i> Russian Language Influence On The Word-Building System Of Buryat Language (Borrowing Of Functional Affixes Revisited)	111
Ягафарова Г.Н., <i>Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишевой</i> Фитонимы с компонентами-зоонимами в башкирском языке G. Yagafarova, <i>Bashkir Language Chair</i> Names Of Plants With Components Denoting Names Of Animals In Bashkir Language	117

Философия

Жуков А.В., <i>Читинский государственный университет (ЧитГУ)</i> Теология, христология и антропология современного иеговизма как социальный феномен A. Zhukov, <i>Chita State University</i> Theology, Christology And Anthropology Of Contemporary Jehovahism As A Social Phenomenon	122
Морозова В.С., <i>Читинский государственный университет (ЧитГУ)</i> Региональная культура как ресурс формирования положительного имиджа Забайкальского края в контексте взаимодействия РФ и КНР V. Morozova, <i>Chita State University</i> Regional Culture As The Resource Of Transbaikal Region Positive Image Formation In The Context Of Interaction Between Russia And China	130

Скачков А.С., Омский государственный технический университет (ОмГТУ)
Субъектность человечества
A. Skachkov, Omsk State Technical University
Subjectness Of Mankind 136

Социология

Романова Н.П., Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Социально-философский анализ феномена одиночества
N. Romanova, Chita State University
Social And Philosophical Analysis Of Loneliness 142

Экономика

Самаруха А.В., Сачков Д.И., г. Иркутск
Становление системы электронного правительства в России
A. Samarukha, D. Sachkov, Irkutsk
Formation Of System Of The Electronic Government In Russia 149

Книгоград 154

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (58)

2010

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова

Литерат. редактор А.А. Шалавина

Технический редактор М.А. Витовская

Подписано в печать 27.02.2010

Сдано в производство 25.02.2010

Форм. бум. 60 x 84 1/8

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 12,6

Тираж 500 экз.

Бум. тип. № 2

Гарнитура литературная

Усл. печ. л. 12,4

Заказ № 29

Читинский государственный университет
672039, Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

РИК ЧитГУ
672039, Чита, ул. Александрo-Заводская, 30
Раб. тел.: 41-67-18; E-mail: rik@chitgu.ru